

Annotation

Попытка собрать все переводы на русский язык стихотворения "Ворон" Эдгара Аллана По. Если вам известен перевод которого здесь нет, пожалуйста, пришлите или оставте ссылку где его можно найти.

- [Эдгар По](#)
 - [Ворон:](#)
 - [Edgar Allan Poe The Raven 1845](#)
 - [ДМИТРИЙ ГОЛЬДОВСКИЙ \(1931-1987\)](#)
 - [Сергей Петров \(1911-1988\).](#)
 - [С. Андреевский 1878](#)
 - [Л. Пальмин 1878](#)
 - [Л.Е.Оболенский 1879](#)
 - [И. Городецкий 1885](#)
 - [Дм. Мережковский 1890](#)
 - [К. Бальмонт 1894](#)
 - [В. Жаботинский 1907](#)
 - [Лев Уманец 1908](#)
 - [В. Федоров 1923](#)
 - [В. Брюсов 1905 – 1924](#)
 - [В. Жаботинский 1931](#)
 - [Г. Голохвастов 1936](#)
 - [А.Оленич-Гнененко 1946](#)
 - [М. Зенкевич 1946](#)
 - [А. Есенин-Вольпин 1948](#)
 - [Павел Лыжин 1952](#)
 - [Нина Воронель 1956](#)
 - [Charles L. Edson 1963](#)
 - [Андрей Вознесенский 1964](#)
 - [В. Бетаки 1972](#)
 - [М. Донской 1976](#)
 - [В. Василенко 1976](#)
 - [Игорь Иртеньев 1979](#)
 - [1979](#)
 - [Вадим Вязьмин 1988](#)
 - [В. Топоров 1988](#)

- [Henry Beard](#)
 - [В.Саришвили 1995](#)
 - [В.Е.К. 1998](#)
 - [Анна Парчинская 1998](#)
 - [В. Космолинская 1999](#)
 - [И. Голубев 2001](#)
 - [Тибул Камчатский 2002](#)
 - [А. Бальюри 2003](#)
 - [Дейк 2003](#)
 - [О. Мазонка 2003](#)
 - [Александр Милитарев 2003](#)
 - [С. Муратов 2003](#)
 - [Silentium Aye 2003](#)
 - [Г. Аминов 2004](#)
 - [Автор неизвестен 2005](#)
 - [Отто Ван Дориан, 2005](#)
 - [Скоффер 2005](#)
 - [Гена Амазонка 2006](#)
 - [О Mazonka 2006](#)
 - [Ирина Васильевна Турчина 2006](#)
 - [Василий Бетаки 2007](#)
 - [Диаз 2003](#)
 - [С. Плотов](#)
 - [Валерий Лисковец. The Raven и доступные переводы](#)
-

Эдгар По
Ворон(переводы)

Ворон:

Все переводы стихотворения

Ни одно художественное произведение не переводилось на русский язык так часто, как это стихотворение Эдгара По. Существует более двух десятков переводов "Ворона". Уступил даже знаменитый монолог Гамлета "Быть или не быть": его переводили "всего" шестнадцать раз. Первые русские переложения "Ворона" появились в 1878 году. А классическими считаются переводы, сделанные символистами: Бальмонтом, Мережковским, Брюсовым. Константин Бальмонт написал также очерк о жизни и творчестве американского поэта, который до сих пор продолжают использовать в качестве предисловия к сборникам избранного и собраниям сочинений Эдгара По. Разумеется, "Ворона" переводили и в советское время и продолжают переводить до сих пор. Особенно интересно проследить, как искали переводчики русский эквивалент ключевому слову "Невермор". Андреевский сто двадцать лет назад перевёл буквально: "Больше никогда!" Его современник Пальмин ограничился одним "Никогда". Брюсов и Мережковский последовали примеру Андреевского, Бальмонт – Пальмина. Однако оба варианта страдали одним существенным недостатком: пропала фонетическая нагрузка, то есть два "р" ("Невермор!"), которые позволяли Эдгару По соединить человеческую речь и воронье карканье. В 1907 году переводчик Жаботинский нашёл выход: он отказался от поисков русского аналога и оставил английский оригинал – "Невермор!" После чего поиски в этом направлении на целых полвека прекратились. Лишь в 77-ом году появился новый русский эквивалент. Василий Бетаки отдал предпочтение "каркающему" "не вернуть".

В восьмидесятые годы Николай Голь нашёл ещё один вариант: "всё прошло". (С)Ефим Шуман, 1999

Edgar Allan Poe The Raven 1845

*Once upon a midnight dreary, while I pondered, weak and weary,
Over many a quaint and curious volume of forgotten lore-
While I nodded, nearly napping, suddenly there came a tapping,
As of some one gently rapping, rapping at my chamber door.
"Tis some visitor," I muttered, "tapping at my chamber door-
Only this, and nothing more."*

*Ah, distinctly I remember it was in the bleak December;
And each separate dying ember wrought its ghost upon the floor.
Eagerly I wished the morrow;- vainly I had sought to borrow
From my books surcease of sorrow- sorrow for the lost Lenore-
For the rare and radiant maiden whom the angels name Lenore-
Nameless here for evermore.*

*And the silken, sad, uncertain rustling of each purple curtain
Thrilled me- filled me with fantastic terrors never felt before;
So that now, to still the beating of my heart, I stood repeating,
"Tis some visitor entreating entrance at my chamber door-
Some late visitor entreating entrance at my chamber door;-
This it is, and nothing more."*

*Presently my soul grew stronger; hesitating then no longer,
"Sir," said I, "or Madam, truly your forgiveness I implore;
But the fact is I was napping, and so gently you came rapping,
And so faintly you came tapping, tapping at my chamber door,
That I scarce was sure I heard you"- here I opened wide the door;-
Darkness there, and nothing more.*

*Deep into that darkness peering, long I stood there wondering, fearing,
Doubting, dreaming dreams no mortals ever dared to dream before;
But the silence was unbroken, and the stillness gave no token,
And the only word there spoken was the whispered word, "Lenore!"
This I whispered, and an echo murmured back the word, "Lenore!"-
Merely this, and nothing more.*

*Back into the chamber turning, all my soul within me burning,
Soon again I heard a tapping somewhat louder than before.
"Surely," said I, "surely that is something at my window lattice:
Let me see, then, what thereat is, and this mystery explore-
Let my heart be still a moment and this mystery explore;-
'Tis the wind and nothing more."*

*Open here I flung the shutter, when, with many a flirt and flutter,
In there stepped a stately raven of the saintly days of yore;
Not the least obeisance made he; not a minute stopped or stayed he;
But, with mien of lord or lady, perched above my chamber door-
Perched upon a bust of Pallas just above my chamber door-
Perched, and sat, and nothing more.*

*Then this ebony bird beguiling my sad fancy into smiling,
By the grave and stern decorum of the countenance it wore,
"Though thy crest be shorn and shaven, thou," I said, "art sure no craven,
Ghastly grim and ancient Raven wandering from the Nightly shore-
Tell me what thy lordly name is on the Night's Plutonian shore!"
Quoth the Raven, "Nevermore."*

*Much I marvelled this ungainly fowl to hear discourse so plainly,
Though its answer little meaning- little relevancy bore;
For we cannot help agreeing that no living human being
Ever yet was blest with seeing bird above his chamber door-
Bird or beast upon the sculptured bust above his chamber door,
With such name as "Nevermore."*

*But the Raven, sitting lonely on the placid bust, spoke only
That one word, as if his soul in that one word he did outpour.
Nothing further then he uttered- not a feather then he fluttered-
Till I scarcely more than muttered, "Other friends have flown before-
On the morrow he will leave me, as my Hopes have flown before."
Then the bird said, "Nevermore."*

*Startled at the stillness broken by reply so aptly spoken,
"Doubtless," said I, "what it utters is its only stock and store,
Caught from some unhappy master whom unmerciful Disaster
Followed fast and followed faster till his songs one burden bore-*

*Till the dirges of his Hope that melancholy burden bore
Of 'Never- nevermore'."*

*But the Raven still beguiling my sad fancy into smiling,
Straight I wheeled a cushioned seat in front of bird, and bust and door;
Then upon the velvet sinking, I betook myself to linking
Fancy unto fancy, thinking what this ominous bird of yore-
What this grim, ungainly, ghastly, gaunt and ominous bird of yore
Meant in croaking "Nevermore."*

*This I sat engaged in guessing, but no syllable expressing
To the fowl whose fiery eyes now burned into my bosom's core;
This and more I sat divining, with my head at ease reclining
On the cushion's velvet lining that the lamplight gloated o'er,
But whose velvet-violet lining with the lamplight gloating o'er,
She shall press, ah, nevermore!*

*Then, methought, the air grew denser, perfumed from an unseen censer
Swung by seraphim whose footfalls tinkled on the tufted floor.
"Wretch," I cried, "thy God hath lent thee- by these angels he hath sent thee
Respite- respite and nepenthe, from thy memories of Lenore;
Quaff, oh quaff this kind nepenthe and forget this lost Lenore!"
Quoth the Raven, "Nevermore."*

*"Prophet!" said I, "thing of evil!- prophet still, if bird or devil!-
Whether Tempter sent, or whether tempest tossed thee here ashore,
Desolate yet all undaunted, on this desert land enchanted-
On this home by Horror haunted- tell me truly, I implore-
Is there- is there balm in Gilead?- tell me- tell me, I implore!"
Quoth the Raven, "Nevermore."*

*"Prophet!" said I, "thing of evil- prophet still, if bird or devil!
By that Heaven that bends above us- by that God we both adore-
Tell this soul with sorrow laden if, within the distant Aidenn,
It shall clasp a sainted maiden whom the angels name Lenore-
Clasp a rare and radiant maiden whom the angels name Lenore."
Quoth the Raven, "Nevermore."*

"Be that word our sign in parting, bird or fiend," I shrieked, upstarting-

*"Get thee back into the tempest and the Night's Plutonian shore!
Leave no black plume as a token of that lie thy soul hath spoken!
Leave my loneliness unbroken!- quit the bust above my door!
Take thy beak from out my heart, and take thy form from off my door!"
Quoth the Raven, "Nevermore."*

*And the Raven, never flitting, still is sitting, still is sitting
On the pallid bust of Pallas just above my chamber door;
And his eyes have all the seeming of a demon's that is dreaming,
And the lamp-light o'er him streaming throws his shadow on the floor;
And my soul from out that shadow that lies floating on the floor
Shall be lifted- nevermore!*

ДМИТРИЙ ГОЛЬДОВСКИЙ (1931-1987)

I

Как-то раз до поздней ночи я читал, слипались очи...
Вдруг в дверь тихо постучали... Потерял я мысли нить...
"Это путник запоздалый", – я сказал себе устало,
Ночь в пути его застала, просит дверь ему открыть.
То, конечно, гость усталый просит дверь ему открыть.
Кто ж еще там может быть?"

2.

На полу и в стенах в зале тени-призраки плясали.
Тот декабрь, холодный... мрачный... никогда мне не забыть!
И ученых истин море не могло развеять горе
О прекраснейшей Леноре, той, что перестала жить.
Ты, чудесная, отныне будешь с ангелами жить.
Где ж ещё ты можешь быть?

3

Вдруг я вижу возле двери волны взмыли на портьере,
Незнакомый мне доселе ужас кровь заставил стыть.
И сдержать стараясь бьенье сердца, я шептал в смятенье:
"Что за странное волненье? Надо встать и дверь открыть.
Это просто гость усталый просит дверь ему открыть".

4

Но затем собравшись с духом (голос мой разнесся глухо):
"Сэр, – сказал я, – или леди, вы должны меня простить:
Я не слышал вас вначале, вы так тихо постучали".

Тут раскрыл я двери в зале, ужас свой стараясь скрыть,
Только мрак густой увидел я, стараясь ужас скрыть.
Что ж ещё могло там быть?

5

Так стоял я в темном зале, полон страха и печали,
А во мраке ночи мысли плыли душу бередить.
Не являлись мысли эти никому ещё на свете.
Только вздох услышал ветер: "Мне Ленору не забыть!"
Что за звук? О, это эхо: "Мне Ленору не забыть!"
Что ж ещё могло то быть?

6

Дверь закрыл белее мела. Вся душа моя горела.
Снова стук, теперь он громче, надо ужас подавить,
Надо встать и выйти смело, посмотреть, не в ставне ль дело,
То ведь ветер озверело тщится ставень отворить.
О, конечно, это ветер тщится ставень отворить.
Что ж еще то может быть?

7

Я к окну... И ворон черный, древний, строгий, непокорный,
Входит, крыльями махая, лишь окно успел открыть.
Вот он входит без поклона, глядя, как властитель с трона,
И решает благосклонно вверх на бюст Паллады взмыть.
Сплю я что ль? Откуда ворон мог на бюст Паллады взмыть?
Нет, того не может быть!

8

Точно смоль у птицы перья. "То не сон", – решил теперь я.
Ворон, чопорный, надутый, начинал меня смешить.

"Ты скажи мне, о ворона, имя, что во время оно
В царстве мрачного Плутона ты изволила носить".
И прокаркал ворон имя, что привык в аду носить:
"Никогда тому не быть".

Ворон черным монолитом все сидит там, все видит там,
Продолжая мою душу взглядом демона сверлить.
Силуэт зловещей птицы тенью пал на половицы.
На душу та тень ложится, и ее не победить.
Нет, душа моя не сможет власть той тени победить.
Никогда тому не быть!

Сергей Петров (1911-1988).

Опубликовано только в 2003 году

ВОРОН

Как-то в полночь, в час угрюмый, утомясь от долгой думы,
Над томами, где укрылась мудрость стародавних лет,
Полусонный, я склонялся, но неожиданный стук раздался,
Будто кто-то постучался осторожно в кабинет.
Я подумал: "Гость какой-то постучался в кабинет.
Ничего иного нет".

Ах, мне помнится так ясно! Был тогда декабрь ненастный,
От углей в камине красный отблеск падал на паркет.
Утра ждал я в нетерпенье, в книгах жаждал я забвенья
От печали и мученья, что померк мне горний свет -
Дева дивная Ленора, имя чье небесный свет,
Та, которой больше нет.

В шелковых багровых шторах шел, как дрожь, чуть слышный шорох:
Этот алый, небывалый ужас был во мне, как бред.
Сердце билось, кровь гудела, я твердил себе несмело:
"У кого-то, видно, дело, что стучится в кабинет.
Ночью некому без дела постучаться в кабинет.
Ничего другого нет".

С духом я тогда собрался, более не колебался:
"Сударь, я прошу прощенья, что промедлил вам в ответ,
но поверьте, – вы в начале слишком робко постучали,
так что звуки долетали еле-еле в кабинет.
Я дремал и вас не слышал". И открыл я кабинет.
Никого во мраке нет.

И, пронзая взором тьму, я стал, дивуясь и тоскуя,
Сам не зная, что со мною, явь ли то иль просто бред.

Было тьмой молчанье это, а во тьме хоть бы примета!
И одно – "Ленора!" – где-то шелестело мне в ответ.
Это я шепнул: "Ленора!", эхо шепчет мне в ответ.
Ничего иного нет.

Я с душою воспаленной возвратился изумленный,
Сел, но снова звук за ставней о чугунный парапет.
Сердцу не было покоя, и промолвил я с тоскою:
"Посмотрю, что там такое, и открою, в чем секрет.
Погоди же, сердце, биться – я узнаю, в чем секрет.
Чуда тут, конечно, нет".

Только я откинул ставни, как предстал мне стародавний
Грозный ворон из баллады, на старинный лад одет.
И, вспорхнув, как тень немая, барственно крылом махая
И меня не замечая, пролетел он в кабинет,
Сел на бледный бюст Паллады над дверями в кабинет,
Словно бы меня и нет.

Мрачной птице из эбена, восседавшей столь степенно,
Величавости надменной улыбнулся я в ответ:
"Пусть облезли с гребня перья, ворон древнего поверья,
ты – не трус, в тебе теперь я вижу Стикса адский свет.
Как же звать тебя в Аиде, где от Стикса черный свет?"
Каркнул он: "Возврата нет".

Кто же тут не изумится, если чертов ворон-птица
Так отчетливо прокаркал, хоть и невпопад, ответ!
Где же видано бывало, чтобы в гости прилетала
И на бюсте восседала важно, будто баронет,
Тварь нескладная, а видом будто лорд иль баронет
С именем Возврата Нет!

С бледного чела Паллады черный ворон, дух баллады,
Молвил только это слово, как души своей завет.
Каркнул это злое слово, на меня смотря сурово.
И тогда вздохнул я снова: нет друзей минувших лет!
Завтра и его не станет, как надежд минувших лет,
Коль он рек: "возврата нет!"

Страшно мне молчанье было, и промолвил я уныло:
"Вызубрил он фразу эту за хозяином вослед,
на кого, всю жизнь терзая, ополчалась доля злая,
неустанно насылая сонмы горестей и бед.
И надежды хоронил он с хором горестей и бед
Под припев "возврата нет!".

Кресло к ворону подвинув, птицу взором вновь окинув,
Улыбнулся я, что нынче у меня такой сосед.
Дум нанизывая звенья, цепенел я в размышленье,-
Каково ж тех слов значенье, что пророчил вестник бед,
Ворон грозный, вещий, тощий, неуклюжий вестник бед,
Каркнув мне: "Возврата нет!"

Так сидел я, размышляя, ничего не отвечая,
И вонзались птичьи очи в сердце резче, чем стилет.
Я догадками томился, долу головой клонился,
И злорадно свет струился на лазоревый глазет,
Но не сесть уже Леноре на лазоревый глазет!
К этому возврата нет!

Тут с кадилом благовонным, со сребристым робким звоном -
мне почудилось – ступили серафимы на паркет.
"То Господень дар от горя, пей целебный дар и вскоре
ты забудешь о Леноре – пей и приноси обет!
Позабыть о лучезарной дай мучительный обет!"
Ворон вновь: "Возврата нет!"

"Вещий или зло природы! Загнан ли ты непогодой
сатана ль тебя отправил, о проклятый параклет,
в эту Ужаса обитель? Ты в отчаянье – воитель,
ты в пустыне – искуситель, так ответь мне, сердцевед,
исцелюсь ли в Галааде? Отвечай мне, сердцевед!"
А вещун: "Возврата нет!"

"Вещий иль исчадье ада! Будет ли душе отрада,
истерзавшейся от скорби? Снимется ль с нее запрет
и дарует Всемогущий ликовать в райской куще

с той душою присносущей, имя чье – небесный свет,
с лучезарною Ленорой, имя чье – блаженный свет?"
А вещун: "Возврата нет!"

"Это слово – знак разлуки! – я вскричал от новой муки.-
В одиночестве укрыться вечный я даю обет!
И не жди здесь до утра ты! Прочь! И не оставь пера ты
Черным символом утраты! Мчись туда, где адский свет!
Вещий лгун! Вынь клюв из сердца! Прочь туда, где адский свет!"
Но вещун: "Возврата нет!"

И сидит, сидит с тех пор он, полусонный черный ворон,
И в упор глядит он с бюста над дверями в кабинет.
Жгуче дремлют в тусклом свете очи дьявольские эти,
И недвижна на паркете тень его, как мрачный след,
И душе моей из тени, мрачной, точно вечный след,
Ввысь вовек возврата нет.

С. Андреевский 1878

*(вообще первый перевод поэтического произведения
Э. По на русский язык) – Вестник Европы, 1878 №3*

ВОРОН

Поэма

Когда в угрюмый час ночной,
Однажды, бледный и больной,
Над грудой книг работал я,
Ко мне, в минуту забытья,
Невнятный стук дошел извне,
Как будто кто стучал ко мне,
Тихонько в дверь мою стучал -
И я, взволнованный, сказал:
"Должно быть так, наверно, так -
То поздний путник в этот мрак
Стучится в дверь, стучит ко мне
И робко просится извне
В приют жилища моего:
То гость – и больше ничего".

То было в хмуром декабре.
Стояла стужа на дворе,
В камине уголь догорал
И, потухая, обливал
Багряным светом потолок,
И я читал... но я не мог
Увлечься мудростью страниц...
В тени опущенных ресниц
Носился образ предо мной
Подруги светлой, неземной,
Чей дух средь ангельских имен
Ленорой в небе наречен,

Но здесь, исчезнув без следа,
Утратил имя – навсегда!

А шорох шелковых завес
Меня ласкал – и в мир чудес
Я, будто сонный, улетаю,
И страх, мне чуждый, проникал
В мою встревоженную грудь.
Тогда, желая чем-нибудь
Биенье сердца укротить,
Я стал рассеянно твердить:
"То поздний гость стучит ко мне
И робко просится извне,
В приют жилища моего:
То гость – и больше ничего".

От звука собственных речей
Я ощутил себя храбрей
И внятно, громко произнес:
"Кого бы случай ни принес,
Кто вы, скажите, я молю,
Просящий входа в дверь мою?
Простите мне: ваш легкий стук
Имел такой неясный звук,
Что, я клянусь, казалось мне,
Я услышал его во сне".
Тогда, собрав остаток сил,
Я настежь дверь свою открыл:
Вокруг жилища моего
Был мрак – и больше ничего.

Застыв на месте, я впотьмах
Изведал снова тот же страх,
И средь полночной тишины
Передо мной витали сны,
Каких в обители земной
Не знал никто – никто живой!
Но все по-прежнему кругом
Молчало в сумраке ночном,

Лишь звук один я услышал:
"Ленора!" – кто-то прошептал...
Увы! я сам то имя звал,
И эхо нелюдимых скал
В ответ шепнуло мне его,
Тот звук – и больше ничего.

Я снова в комнату вошел,
И снова стук ко мне дошел
Сильней и резче, – и опять
Я стал тревожно повторять:
"Я убежден, уверен в том,
Что кто-то скрылся за окном.
Я должен выведать секрет,
Дознаться, прав я или нет?
Пускай лишь сердце отдохнет, -
Оно, наверное, найдет
Разгадку страха моего:
То вихрь – и больше ничего".

С тревогой штору поднял я -
И, звучно крыльями шумя,
Огромный ворон пролетел
Спокойно, медленно – и сел
Без церемоний, без затей,
Над дверью комнаты моей.
На бюст Паллады взгромоздясь,
На нем удобно поместясь,
Серьезен, холоден, угрюм,
Как будто полон важных дум,
Как будто прислан от кого, -
Он сел – и больше ничего.

И этот гость угрюмый мой
Своею строгостью немой
Улыбку вызвал у меня.
"Старинный ворон! – молвил я, -
Хоть ты без шлема и щита,
Но видно кровь твоя чиста,

Страны полуночной гонец!
Скажи мне, храбрый молодец,
Как звать тебя? Поведай мне
Свой титул в доблестной стране,
Тебя направившей сюда?"
Он каркнул: "Больше-никогда!"

Я был не мало изумлен,
Что на вопрос ответил он.
Конечно, вздорный этот крик
Мне в раны сердца не проник,
Но кто же видел из людей
Над дверью комнаты своей,
На белом бюсте, в вышине,
И на яву, а не во сне,
Такую птицу пред собой,
Чтоб речью внятной людской
Сказала имя без труда,
Назвавшись: Больше-никогда?!

Но ворон был угрюм и нем.
Он удовольствовался тем,
Что слово страшное сказал, -
Как будто в нем он исчерпал
Всю глубь души – и сверх того
Не мог добавить ничего.
Он все недвижимым пребывал,
И я рассеянно шептал:
"Мои надежды и друзья
Давно покинули меня...
Пройдут часы, исчезнет ночь -
Уйдет и он за нею прочь,
Увы, и он уйдет туда!..."
Он каркнул: "Больше никогда!"

Такой осмысленный ответ
Меня смутил. "Сомненья нет, -
Подумал я, – печали стон
Им был случайно заучен.

Ему внушил припев один
Его покойный господин.
То был несчастный человек,
Гонимый горем целый век,
Привыкший плакать и грустить,
И ворон стал за ним твердить
Слова любимые его,
Когда из сердца своего
К мечтам, погибшим без следа,
Взывал он: "Больше никогда!"

Но ворон вновь меня развлек,
И тотчас кресло я привлек
Поближе к бюсту и к дверям
Напротив ворона – и там,
В подушках бархатных своих,
Я приютился и затих,
Стараясь сердцем разгадать,
Стремясь добиться и узнать,
О чем тот ворон думать мог,
Худой, уродливый пророк,
Печальный ворон древних дней,
И что таил в душе своей,
И что сказать хотел, когда
Он каркал: "Больше никогда?"

И я прервал беседу с ним,
Отдавшись помыслам своим,
А он пронизывал меня
Глазами, полными огня -
И я над тайной роковой
Тем глубже мучился душой,
Склонившись на руку челом...
А лампа трепетным лучом
Ласкала бархат голубой,
Где след головки неземной
Еще, казалось, не остыл,
Головки той, что я любил,
И что кудрей своих сюда

Не склонит больше никогда!...

И в этот миг казалось мне,
Как будто в сонной тишине
Курился ладан из кадил,
И будто рой небесных сил
Носился в комнате без слов,
И будто вдоль моих ковров
Святой, невидимой толпы
Скользили легкие стопы...
И я с надеждою вскричал:
"Господь! Ты ангелов прислал
Меня забвеньем упоить...
О! дай Ленору мне забыть!"
Но мрачный ворон, как всегда,
Мне каркнул: "Больше никогда!"

"О, дух иль тварь, предвестник бед,
Печальный ворон древних лет! -
Воскликнул я. – Будь образ твой
Извергнут бурею ночной
Иль послан дьяволом самим,
Я вижу – ты неустрашим:
Поведай мне, молю тебя:
Дает ли жалкая земля,
Страна скорбей – дает ли нам
Она забвения бальзам?
Дождусь ли я спокойных дней,
Когда над горестью моей
Промчатся многие года?"
Он каркнул: "Больше никогда!"

И я сказал: "О, ворон злой,
Предвестник бед, мучитель мой!
Во имя правды и добра,
Скажи во имя божества,
Перед которым оба мы
Склоняем гордые главы,
Поведай горестной душе,

Скажи, дано ли будет мне
Прижать к груди, обнять в раю
Ленору светлую мою?
Увижу ль я в гробу немом
Ее на небе голубом?
Ее увижу ль я тогда?
Он каркнул: "Больше никогда!"

И я вскричал, расвирепев:
"Пускай же дикий твой припев
Разлуку нашу возвестит,
И пусть твой образ улетит
В страну, где призраки живут
И бури вечные ревут!
Покинь мой бюст и сгинь скорей
За дверью комнаты моей!
Вернись опять ко тьме ночной!
Не смей пушинки ни одной
С печальных крыльев уронить,
Чтоб мог я ложь твою забыть!
Исчезни, ворон, без следа!..."
Он каркнул: "Больше никогда!"

Итак, храня угрюмый вид,
Тот ворон все еще сидит,
Еще сидит передо мной,
Как демон злобный и немой;
А лампа яркая, как день,
Вверху блестит, бросая тень-
Той птицы тень – вокруг меня,
И в этой тьме душа моя
Скорбит, подавлена тоской,
И в сумрак тени роковой
Любви и счастья звезда
Не глянет – больше никогда!!

Перевод С. Андреевского, 1878

Л. Пальмин 1878

Пальмин Л. И. Сны наяву. М., 1878

ВОРОН

Раз в унылую полночь, в молчаньи немом
Над истлевшим старинного тома листком
Задремав, я поник головою усталой...
Слышу в дверь мою легкий и сдержанный стук:
Верно, в комнату просится гость запоздалый...
Нет, все тихо и немо вокруг.

Тьмою вечер декабрьский в окошко зиял,
От углей потухавших свет бледный дрожал,
Тщетно в книге искал я забвенья печали
О моей незабвенной, утраченной мной,
Что архангелы в небе Ленорой назвали,
Что давно позабыта землей...

Каждый шорох чуть слышный в ночной тишине
Фантастическим страхом, неведомым мне,
Леденил мою кровь, и, чтоб сердца биенье
Успокоить, сказал я: "То в дверь мою стук
Запоздалого гостя, что ждет приглашенья..."
Но – все тихо и немо вокруг...

В этот миг, ободрившись, сказал я смелей:
"Кто там: гость или гостя за дверью моей?
Я заснул и не слышал, прошу извиненья,
Как стучали вы в дверь, слишком тих был ваш стук,
Слишком тих..." Отпер двери я в это мгновенье -
Только тьма и молчанье вокруг.

Долго взоры вперял я во мраке густом,
Полный страхом, сомненьем, и грезил о том,

Что незримо и страшно для смертного взора,
Но в молчаньи один только слышался звук -
Только вторило эхо мой шепот: "Ленора!"
И безмолвно все было вокруг.

Весь волненьем тревожным невольно объят,
Только в комнату я возвратился назад,
Слышу, стук повторился с удвоенной силой.
Что бояться? не лучше ль исследовать звук?
Это в раму стучит, верно, ветер унылый...
Все спокойно и тихо вокруг.

Я окно отворил; вот, среди тишины,
Статный ворон, свидетель святой старины,
С трепетанием крыльев ворвался и гордо
Прямо к бюсту Паллады направился вдруг
И, усевшись на нем с видом знатного лорда,
Осмотрелся безмолвно вокруг.

Гордой поступью, важностью строгих очей
Рассмешил меня ворон и в грусти моей.
"Старый ворон! уже без хохла ты... однако,
Путник ночи, тебя не смирили года...
Как зовут тебя в царстве Плутонova мрака?
Ворон громко вскричал: "Никогда".

С изумленьем услышал я птицы ответ,
Хоть ума в нем и не было сильных примет,
Но ведь все согласятся с моими словами,
Что за дивное диво сочтешь без труда,
Если птицу на бюсте найдешь над дверями,
С странной кличкой такой: "Никогда"...

Но не вымолвил ворон ни слова потом,
Весь свой ум будто вылив в том слове одном.
Неподвижен он был, и промолвил в тиши я:
Завтра утром ты бросишь меня без следа,
Как другие друзья, как надежды былые!...
Ворон снова вскричал: "Никогда".

Как ответ мне, тот крик прозвучал в тишине;
Это все, что он знает, подумалось мне, -
Верно, перенял он у гонимого силой
Злой судьбы, чьих надежд закатилась звезда,
Панихиду по грезам – припев тот унылый:
"Никогда, никогда, никогда!"

Вопреки неотвязчивым думам моим,
Все смешил меня ворон; усевшись пред ним
В бархат мягкого кресла, я впал в размышление:
Ворон, вещий когда-то в былые года,
Ворон вещий и мрачный, какое значенье
Скрыто в крике твоём: "Никогда"?

Так безмолвно я в думах моих утопал,
Птицы огненный взгляд в сердце мне проникал,
В мягком кресле прилег я спокойно и ловко,
А на бархат свет лампы чуть падал, о да!
Этот бархат лиловый своею головкой
Не нажмет уж она никогда!

Вдруг отрадно мне стало, как будто святым
Фимиамом незримый пахнул серафим...
О несчастный! я молвил, то мне провиденье
Шлет отраду в приют одинокий сюда!
О Леноре утраченной даст мне забвенье!...
Ворон снова вскричал: "Никогда!"

О пророк, злой вещун, птица ль, демон ли ты,
Ада ль мрачный посол, иль во мгле темноты
Пригнан бурей ты с берега грозного моря,
О, скажи, дальний гость, залетевший сюда:
Отыщу ль я бальзам от сердечного горя?
И вещун прокричал: "Никогда!"

Птица ль, демон ли ты, все ж пророк, вестник злой,
Молви мне: в царстве Бога, что чтим мы с тобой,
В отдаленном раю, сбросив бремя печали,

Не солюсь ли я с милой, воспрянув туда,
С чудной девой, что в небе Ленорой назвали?
Птица вскрикнула вновь: "Никогда!"

Птица ль, демон ли ада – воскликнул я – прочь!
Возвратись же опять в мрак и в бурную ночь!...
Не оставь здесь пера в память лжи безотрадной,
Одинокий приют мой покинь навсегда,
Вынь из сердца разбитого клюв кровожадный!
Ворон крикнул опять: "Никогда!"

И над дверью моей неподвижно с тех пор
Блещет ворона черного демонский взор,
В бледных лампы лучах силуэт его темный
Предо мной на полу распростерт навсегда,
И из круга той тени дрожащей огромной
Не воспрянет мой дух никогда!

Перевод Л. Пальмина, 1878

Л.Е.Оболенский 1879

Л.Е.Оболенский 1879 Если вам известен перевод которого здесь нет, пожалуйста, пришлите или оставте ссылку где его можно найти.

И.Кондратьев 1880

И.Кондратьев 1880 Если вам известен перевод которого здесь нет, пожалуйста, пришлите или оставте ссылку где его можно найти.

И. Городецкий 1885

Перевод прозой неизвестного автора – в кн.: Повести, рассказы, критические этюды и мысли. М., 1885. Возможно, этот анонимный переводчик – И. Городецкий (см.: Либман В. А. Американская литература в русских переводах и критике. Библиография 1778-1975. М., Наука, 1977, с. 195)

ВОРОН

Раз, когда я в глухую полночь, бледный и утомленный, размышлял над грудой драгоценных, хотя уже позабытых ученых фолиантов, когда я

в полусне ломал над ними себе голову, вдруг послышался легкий стук, как будто кто-то тихонько стукнул в дверь моей комнаты. "Это какой-нибудь прохожий, – пробормотал я про себя, – стучит ко мне в комнату, – прохожий, и больше ничего". Ах, я отлично помню. На дворе

стоял тогда студеный декабрь. Догоравший в камине уголь обливал пол

светом, в котором видна была его агония. Я страстно ожидал наступления утра; напрасно силился я утопить в своих книгах печаль по

моей безвозвратно погибшей Леноре, по драгоценной и лучезарной Леноре, имя которой известно ангелам и которую здесь не назовут больше никогда.

И шорох шелковых пурпуровых завес, полный печали и грез, сильно тревожил меня, наполнял душу мою чудовищными, неведомыми мне доселе страхами, так что в конце концов, чтобы замедлить биение

своего сердца, я встал и принялся повторять себе: "Это какой-нибудь прохожий, который хочет войти ко мне; это какой-нибудь запоздалый прохожий стучит в дверь моей комнаты; это он, и больше ничего".

Моя душа тогда почувствовала себя бодрее, и я, ни минуты не колеблясь, сказал: "Кто бы там ни был, умоляю вас, простите меня

ради

Бога; дело, видите, в том, что я вздремнул немножко, а вы так тихо постучались, так тихо подошли к двери моей комнаты, что я едва-едва

вас расслышал". И тогда я раскрыл дверь настежь, – был мрак и больше ничего.

Всматриваясь в этот мрак, я долгое время стоял, изумленный, полный страха и сомнения, грезя такими грезами, какими не дерзал ни один смертный, но молчанье не было прервано и тишина не была нарушена ничем. Было прошептано одно только слово "Ленора", и это слово произнес я. Эхо повторило его, повторило, и больше ничего. Вернувшись к себе в комнату, я чувствовал, что душа моя горела как в огне, и я снова слышал стук, – стук сильнее прежнего.

"Наверное, -

сказал я, – что-нибудь кроется за ставнями моего окна; посмотрю-ка, в

чем там дело, разузнаю секрет и дам передохнуть немножко своему сердцу. Это – ветер, и больше ничего".

Тогда я толкнул ставни, и в окно, громко хлопая крыльями, влетел величественный ворон, птица священных дней древности. Он не выказал ни малейшего уважения; он не остановился, не запнулся ни на минуту, но с миною лорда и леди взгромоздился над дверью моей комнаты, взгромоздился на бюст Паллады над дверью моей комнаты,

-

взгромоздился, уселся и... больше ничего.

Тогда эта черная, как эбен, птица важностью своей поступи и строгостью своей физиономии вызвала в моем печальном воображении

улыбку, и я сказал: "Хотя твоя голова и без шлема, и без щита, но ты все-таки не трусь, угрюмый, старый ворон, путник с берегов ночи.

Поведай, как зовут тебя на берегах плутоновой ночи". Ворон каркнул: "Больше никогда!"

Я был крайне изумлен, что это неуклюжее пернатое создание так легко разумело человеческое слово, хотя ответ его и не имел для меня особенного смысла и ничуть не облегчил моей скорби; но, ведь, надо же

сознаться, что ни одному смертному не было дано видеть птицу над дверью своей комнаты, птицу или зверя над дверью своей комнаты на

высеченном бюсте, которым было бы имя Больше никогда!
Но ворон, взгромоздившись на спокойный бюст, произнес только
одно это слово, как будто в одно это слово он излил всю свою душу.

Он

не произнес ничего более, он не пошевелился ни единым пером; я
сказал тогда себе тихо; "Друзья мои уже далеко улетели от меня;
наступит утро, и этот так же покинет меня, как мои прежние, уже
исчезнувшие, надежды". Тогда птица сказала: "Больше никогда!"
Весь задрожал я, услышав такой ответ, и сказал: "Без сомнения,
слова, произносимые птицею, были ее единственным знанием,
которому она научилась у своего несчастного хозяина, которого
неумолимое горе мучило без отдыха и срока, пока его песни не стали
заканчиваться одним и тем же припевом, пока безвозвратно

погибшие

надежды не приняли меланхолического припева: "никогда, никогда
больше!"

Но ворон снова вызвал в моей душе улыбку, и я подкатил кресло
прямо против птицы, напротив бюста и двери; затем, углубившись в
бархатные подушки кресла, я принялся думать на все лады, старался
разгадать, что хотела сказать эта вещая птица древних дней, что

хотела

сказать эта печальная, неуклюжая, злополучная, худая и вещая
птица,

каркая свое: "Больше никогда!"

Я оставался в таком положении, теряясь в мечтах и догадках, и, не
обращаясь ни с единым словом к птице, огненные глаза которой
сжигали меня теперь до глубины сердца, я все силился разгадать

тайну, а

голова моя привольно покоилась на бархатной подушке, которую
ласкал

свет лампы, -на том фиолетовом бархате, ласкаемом светом лампы,

куда

она уже не склонит своей головки больше никогда!

Тогда мне показалось, что воздух начал мало-помалу наполняться

клубами дыма, выходившего из кадила, которое раскачивали

серафимы,

стоны которых скользили по коврам комнаты. "Несчастный! –

вскричал я

себе. – Бог твой чрез своих ангелов дает тебе забвение, он посылает

тебе

бальзам забвения, чтобы ты не вспоминал более о своей Леноре! Пей, пей этот целебный бальзам и забудь погибшую безвозвратно Ленору!"

Ворон каркнул: "Больше никогда!"

"Пророк! – сказал я, – злосчастная тварь, птица или дьявол, но все-таки пророк! Будь ты послан самим искусителем, будь ты выкинут,

извергнут бурю, но ты – неустрашим: есть ли здесь, на этой пустынной,

полной грез земле, в этой обители скорбей, есть ли здесь, – поведай мне

всю правду, умоляю тебя, – есть ли здесь бальзам забвенья? Скажи, не скрой, умоляю!" Ворон каркнул: "Больше никогда!"

"Пророк! – сказал я, – злосчастная тварь, птица или дьявол, но все-таки пророк! Во имя этих небес, распростертых над нами, во имя того божества, которому мы оба поклоняемся, поведай этой горестной

душе, дано ли будет ей в далеком Эдеме обнять ту святую, которую ангелы зовут Ленорой, прижать к груди мою милую, лучезарную Ленору!" Ворон каркнул: "Больше никогда!"

"Да будут же эти слова сигналом к нашей разлуке, птица или дьявол!- вскричал я, приподнявшись с кресла. – Иди снова на бурю, вернись к берегу плутоновой ночи, не оставляй здесь ни единого черного перышка, которое могло бы напомнить о лжи, вышедшей из твоей души! Оставь мой приют неоскверненным! Покинь этот бюст над

дверью моей комнаты. Вырви свой клюв из моего сердца и унеси свой призрачный образ подальше от моей двери!" Ворон каркнул: "Больше никогда!"

И ворон, неподвижный, все еще сидит на бледном бюсте Паллады, как раз над дверью моей комнаты, и глаза его смотрят, словно глаза мечтающего дьявола; и свет лампы, падающий на него, бросает на пол

его тень; и душа моя из круга этой тени, колеблющейся по полу, не выйдет больше никогда!

Дм. Мережковский 1890

Северный вестник, 1890, N 11

ВОРОН

Погруженный в скорбь немую
и усталый, в ночь глухую,
Раз, когда поник в дремоте
я над книгой одного
Из забытых миром знаний,
книгой полной обаяний, -
Стук донесся, стук нежданный
в двери дома моего:
"Это путник постучался
в двери дома моего,
Только путник-
больше ничего".

В декабре-я помню-было
это полночью унылой.
В очаге под пеплом угли
разгорались иногда.
Груды книг не утоляли
ни на миг моей печали-
Об утраченной Леноре,
той, чье имя навсегда-
В сонме ангелов-Ленора,
той, чье имя навсегда
В этом мире стерлось-
без следа.

От дыханья ночи бурной
занавески шелк пурпурный
Шелестел, и непонятный
страх родился от всего.

Думал, сердце успокою,
все еще твердил порою:
"Это гость стучится робко
в двери дома моего,
"Запоздалый гость стучится
в двери дома моего,
Только гость -
и больше ничего!"

И когда преодолело
сердце страх, я молвил смело:
"Вы простите мне, обидеть
не хотел я никого;
"Я на миг уснул тревожно:
слишком тихо, осторожно, -
"Слишком тихо вы стучались
в двери дома моего..."
И открыл тогда я настежь
двери дома моего-
Мрак ночной, -
и больше ничего.

Все, что дух мой волновало,
все, что снилось и смущало,
До сих пор не посещало
в этом мире никого.
И ни голоса, ни знака -
из таинственного мрака...
Вдруг "Ленора!" прозвучало
близ жилища моего...
Сам шепнул я это имя,
и проснулось от него
Только эхо -
больше ничего.

Но душа моя горела,
притворил я дверь несмело.
Стук опять раздался громче;
я подумал: "ничего,

"Это стук в окне случайный,
никакой здесь нету тайны:
"Посмотрю и успокою
трепет сердца моего,
"Успокою на мгновенье
трепет сердца моего.
Это ветер, -
больше ничего".

Я открыл окно, и странный
гость полночный, гость нежданный,
Ворон царственный влетает;
я привета от него
Не дождался. Но отважно, -
как хозяин, гордо, важно
Полетел он прямо к двери,
к двери дома моего,
И вспорхнул на бюст Паллады,
сел так тихо на него,
Тихо сел, -
и больше ничего.

Как ни грустно, как ни больно, -
улыбнулся я невольно
И сказал: "Твое коварство
победим мы без труда,
"Но тебя, мой гость зловещий,
Ворон древний. Ворон вещий,
"К нам с пределов вечной Ночи
прилетающий сюда,
"Как зовут в стране, откуда
прилетаешь ты сюда?"
И ответил Ворон:
"Никогда".

Говорит так ясно птица,
не могу я надивиться.
Но казалось, что надежда
ей навек была чужда.

Тот не жди себе отрады,
в чьем доме на бюст Паллады
Сядет Ворон над дверями;
от несчастья никуда, -
Тот, кто Ворона увидел, -
не спасется никуда,
Ворона, чье имя:
"Никогда".

Говорил он это слово
так печально, так сурово,
Что, казалось, в нем всю душу
изливал; и вот, когда
Недвижим на изваяньи
он сидел в немом молчаньи,
Я шепнул: "как счастье, дружба
улетели навсегда,
Улетит и эта птица
завтра утром навсегда".
И ответил Ворон:
"Никогда".

И сказал я, вздрогнув снова:
"Верно молвить это слово
"Научил его хозяин
в дни тяжелые, когда
"Он преследуем был Роком,
и в несчастьи одиноком,
"Вместо песни лебединой,
в эти долгие года
"Для него был стон единый
в эти грустные года -
Никогда, – уж больше
никогда!"

Так я думал и невольно
улыбнулся, как ни больно.
Повернул тихонько кресло
к бюсту бледному, туда,

Где был Ворон, погрузился
в бархат кресел и забылся...
"Страшный Ворон, мой ужасный
гость, -подумал я тогда-
"Страшный, древний Ворон, горе
возвещающий всегда,
Что же значит крик твой:
"Никогда"?

Угадать стараюсь тщетно;
смотрит Ворон безответно.
Свой горящий взор мне в сердце
заронил он навсегда.
И в раздумьи над загадкой,
я поник в дремоте сладкой
Головой на бархат, лампой
озаренный. Никогда
На лиловый бархат кресел,
как в счастливые года,
Ей уж не склоняться-
никогда!

И казалось мне: струило
дым незримое кадило,
Прилетели Серафимы,
шелестели иногда
Их шаги, как дуновенье:
"Это Бог мне шлет забвенье!
"Пей же сладкое забвенье,
пей, чтоб в сердце навсегда
"Об утраченной Леноре
стерлась память-навсегда!..."
И сказал мне Ворон:
"Никогда".

"Я молю, пророк зловещий,
птица ты иль демон вещей,
"Злой ли Дух тебя из Ночи,
или вихрь занес сюда

"Из пустыни мертвой, вечной,
безнадежной, бесконечной, -
"Будет ли, молю, скажи мне,
будет ли хоть там, куда
"Снизойдем мы после смерти, -
сердцу отдых навсегда?"
И ответил Ворон:
"Никогда".

"Я молю, пророк зловещий,
птица ты иль демон вещий,
"Заклинаю небом. Богом,
отвечай, в тот день, когда
"Я Эдем увижу дальней,
обниму ль душой печальной
"Душу светлую Леноры,
той, чье имя навсегда
"В сонме ангелов-Ленора,
лучезарной навсегда?"
И ответил Ворон:
"Никогда".

"Прочь!- воскликнул я, вставая, -
демон ты иль птица злая.
"Прочь!- вернись в пределы Ночи,
чтобы больше никогда
"Ни одно из перьев черных,
не напомнило позорных,
"Лживых слов твоих! Оставь же
бюст Паллады навсегда,
"Из души моей твой образ
я исторгну навсегда!"
И ответил Ворон:
"Никогда".

И сидит, сидит с тех пор он
там, над дверью черный Ворон,
С бюста бледного Паллады
не исчезнет никуда.

У него такие очи,
как у Злого Духа ночи,
Сном объятого; и лампа
тень бросает. Навсегда
К этой тени черной птицы
пригвожденный навсегда, -
Не воспрянет дух мой-
никогда!

Перевод Дм. Мережковского, 1890

К. Бальмонт 1894

ВОРОН

К. Бальмонт

*Как-то в полночь, в час угрюмый, полный тягостною думой,
Над старинными томами я склонялся в полусне,
Грезам странным отдавался, – вдруг неясный звук раздался,
Будто кто-то постучался – постучался в дверь ко мне.
"Это, верно, – прошептал я, – гость в полночной тишине,
Гость стучится в дверь ко мне".*

*Ясно помню... Ожиданье... Поздней осени рыданья...
И в камине очертанья тускло тлеющих углей...
О, как жаждал я рассвета, как я тщетно ждал ответа
На страданье без привета, на вопрос о ней, о ней -
О Леноре, что блистала ярче всех земных огней, -
О светилах прежних дней.*

*И завес пурпурных трепет издавал как будто лепет,
Трепет, лепет, наполнявший темным чувством сердце мне.
Непонятный страх смиряя, встал я с места, повторяя:
"Это только гость, блуждая, постучался в дверь ко мне,
Поздний гость приюта просит в полуночной тишине -
Гость стучится в дверь ко мне".*

*"подавив свои сомненья, победивши спасенья,
Я сказал: "Не осудите замедленья моего!
Этой полночью ненастной я вздремнул, – и стук неясный
Слишком тих был, стук неясный, – и не слышал я его,
Я не слышал..." Тут раскрыл я дверь жилища моего:
Тьма – и больше ничего.*

*Взор застыл, во тьме стесненный, и стоял я изумленный,
Снам отдавшись, недоступным на земле ни для кого;*

Но как прежде ночь молчала, тьма душе не отвечала,
Лишь – "Ленора!" – прозвучало имя солнца моего, -
Это я шепнул, и эхо повторило вновь его, -
Эхо – больше ничего.

Вновь я в комнату вернулся – обернулся – содрогнулся, -
Стук раздался, но слышнее, чем звучал он до того.
"Верно, что-нибудь сломилось, что-нибудь пошевелилось,
Там, за ставнями, забилося у окошка моего,
Это – ветер, – усмирю я трепет сердца моего, -
Ветер – больше ничего".

Я толкнул окно с решеткой, – тотчас важною походкой
Из-за ставней вышел Ворон, гордый Ворон старых дней,
Не склонился он учтиво, но, как лорд, вошел спесиво
И, взмахнув крылом лениво, в пышной важности своей
Он взлетел на бюст Паллады, что над дверью был моей,
Он взлетел – и сел над ней.

От печали я очнулся и невольно усмехнулся,
Видя важность этой птицы, жившей долгие года.
"Твой хохол оципан славно, и глядишь ты презабавно, -
Я промолвил, – но скажи мне: в царстве тьмы, где ночь всегда,
Как ты звался, гордый Ворон, там, где ночь царит всегда?"
Молвил Ворон: "Никогда".

Птица ясно отвечала, и хоть смысла было мало.
Подивился я всем сердцем на ответ ее тогда.
Да и кто не подивится, кто с такой мечтой сроднится,
Кто поверить согласится, чтобы где-нибудь, когда -
Сел над дверью говорящий без запинки, без труда
Ворон с кличкой: "Никогда".

И взирая так сурово, лишь одно твердил он слово,
Точно всю он душу вылил в этом слове "Никогда",
И крылами не взмахнул он, и пером не шевельнул он, -
Я шепнул: "Друзья сокрылись вот уж многие года,
Завтра он меня покинет, как надежды, навсегда".
Ворон молвил: "Никогда".

Услыхав ответ удачный, вздрогнул я в тревоге мрачной.
"Верно, был он, – я подумал, – у того, чья жизнь – Беда,
У страдальца, чьи мученья возрастали, как течение
Рек весной, чье отречение от Надежды навсегда
В песне вылилось о счастье, что, погибнув навсегда,
Вновь не вспыхнет никогда".

Но, от скорби отдыхая, улыбаясь и вздыхая,
Кресло я свое придвинул против Ворона тогда,
И, склонясь на бархат нежный, я фантазии безбрежной
Отдался душой мятежной: "Это – Ворон, Ворон, да.
Но о чем твердит зловецкий этим черным "Никогда",
Страшным криком: "Никогда".

Я сидел, догадок полный и задумчиво-безмолвный,
Взоры птицы жгли мне сердце, как огнистая звезда,
И с печалью запоздалой головой своей усталой
Я прильнул к подушке алой, и подумал я тогда:
Я – один, на бархат алый – та, кого любил всегда,
Не прильнет уж никогда.

Но постой: вокруг темнеет, и как будто кто-то веет, -
То с камильницей небесной серафим пришел сюда?
В миг неясный упоенья я вскричал: "Прости, мученье,
Это бог послал забвенье о Леноре навсегда, -
Пей, о, пей скорей забвенье о Леноре навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда".

И вскричал я в скорби страстной: "Птица ты – иль дух ужасный,
Искушителем ли послан, иль грозой прибит сюда, -
Ты пророк неустрашимый! В край печальный, нелюдимый,
В край, Тоскою одержимый, ты пришел ко мне сюда!
О, скажи, найду ль забвенье, – я молю, скажи, когда?"
Каркнул Ворон: "Никогда".

"Ты пророк, – вскричал я, – вещий! "Птица ты – иль дух зловецкий,
Этим небом, что над нами, – богом, скрытым навсегда, -
Заклинаю, умоляю, мне сказать – в пределах Рая

*Мне откроется ль святая, что средь ангелов всегда,
Та, которую Ленорой в небесах зовут всегда?"
Каркнул Ворон: "Никогда".*

*И воскликнул я, вставая: "Прочь отсюда, птица злая!
Ты из царства тьмы и бури, – уходи опять туда,
Не хочу я лжи позорной, лжи, как эти перья, черной,
Удались же, дух упорный! Быть хочу – один всегда!
Вынь свой жесткий клюв из сердца моего, где скорбь – всегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда".*

*И сидит, сидит зловещий Ворон черный, Ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда.
Он глядит, уединенный, точно Демон полусонный,
Свет струится, тень ложится, – на полу дрожит всегда.
И душа моя из тени, что волнуется всегда.
Не восстанет – никогда!*

В. Жаботинский 1907

Наши вечера. Лит.-худож. сборник, вып. 1. Одесса, 1903. Печ. по сб.: Чтец-декламатор, т. 2. Киев, 1907

ВОРОН

*Как-то в полночь, утомлённый, я забылся, полусонный,
Над таинственным значеньем фолианта одного;
Я дремал, и всё молчало... Что-то тихо прозвучало -
Что-то тихо застучало у порога моего.
Я подумал: "То стучится гость у входа моего -
Гость, и больше ничего".*

*Помню всё, как это было: мрак – декабрь – ненастье выло -
Гас очаг мой – так уныло падал отблеск от него...
Не светало... Что за муки! Не могла мне глубь науки
Дать забвенье о разлуке с девой сердца моего, -
О Леноре, взятой в Небо прочь из дома моего, -
Не оставив ничего...*

*Шелест шёлка, шум и шорох в мягких пурпуровых шторах -
Чуткой, жуткой, странной дрожью проникал меня всего;
И, смирив страх минутный, я шепнул в тревоге смутной:
"То стучится бесприютный гость у входа моего -
Поздний путник там стучится у порога моего -
Гость, и больше ничего".*

*Стихло сердце понемногу. Я направился к порогу,
Воскликая: "Вы простите – я промедлил оттого,
Что дремал в унылой скуке – и проснулся лишь при стуке,
При неясном, лёгком звуке у порога моего". -
И широко распахнул я дверь жилища моего -
Мрак, и больше ничего.*

Мрак бездонный озирая, там стоял я, замирая

В ощущениях, человеку незнакомых до того;
Но царила тьма сурово средь безмолвия ночного,
И единственное слово чуть прорезало его -
Зов: "Ленора..." – Только эхо повторило мне его -
Эхо, больше ничего...

И, смущённый непонятно, я лишь шаг ступил обратно -
Снова стук – уже слышнее, чем звучал он до того.
Я промолвил: "Что дрожу я? Ветер ставни рвёт, бушуя, -
Наконец-то разрешу я, в чём здесь скрыто волшебство -
Это ставень, это буря: весь секрет и волшебство -
Вихрь, и больше ничего".

Я толкнул окно, и рама поддалась, и плавно, прямо
Вышел статный, древний Ворон – старой сказки божество;
Без поклона, смело, гордо, он прошёл легко и твёрдо, -
Воспарил, с осанкой лорда, к верху входа моего
И вверху, на бюст Паллады, у порога моего
Сел – и больше ничего.

Оглядев его пытливо, сквозь печаль мою тоскливо
Улыбнулся я, – так важен был и вид его, и взор:
"Ты без рыцарского знака – смотришь рыцарем, однако,
Сын страны, где в царстве Мрака Ночь раскинула шатёр!
Как зовут тебя в том царстве, где стоит Её шатёр?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

Изумился я сначала: слово ясно прозвучало,
Как удар, – но что за имя "Никогда"? И до сих пор
Был ли смертный в мире целом, в чьём жилище опустелом
Над дверьми, на бюсте белом, словно призрак древних пор,
Сел бы важный, мрачный, хмурый, чёрный Ворон древних пор
И назвался "Nevermore"?

Но, прокаркав это слово, вновь молчал уж он сурово,
Точно в нём излил всю душу, вновь замкнул её затвор.
Он сидел легко и статно – и шепнул я еле внятно:
"Завтра утром невозвратно улетит он на простор -
Как друзья – как все надежды, улетит он на простор..."

Каркнул Ворон: "Nevermore".

Содрогнулся я при этом, поражён таким ответом,
И сказал ему: "Наверно, господин твой с давних пор
Беспощадно и жестоко был постигнут гневом Рока
И отчаялся глубоко и, судьбе своей в укор,
Затвердил, как песню скорби, этот горестный укор -
Этот возглас: "Nevermore..."

И, вперея взор пыливый, я с улыбкою тоскливой
Опустился тихо в кресла, дал мечте своей простор
И на бархатные складки я поник, ища разгадки, -
Что сказал он, мрачный, гадкий, гордый Ворон древних пор, -
Что хотел сказать злоеший, хмурый Ворон древних пор
Этим скорбным: "Nevermore..."

Я сидел, объятый думой, неподвижный и угрюмый,
И смотрел в его горящий, пепелящий душу взор;
Мысль одна сменялась новой, – в креслах замер я суровый,
А на бархат их лиловый лампа свет лила в упор, -
Ах, на бархат их лиловый, озарённый так в упор,
Ей не сесть уж – nevermore!

Чу!... провеяли незримо, словно крылья серафима -
Звон кадила – благовонья – шелест ног о мой ковёр:
"Это Небо за моления шлёт мне чашу исцеленья,
Благо мира и забвенья мне даруя с этих пор!
Дай! – я выпью, и Ленору позабуду с этих пор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Адский дух иль тварь земная, – произнёс я, замирая, -
Ты – пророк. И раз уж Дьявол или вихрей буйный спор
Занесли тебя, крылатый, в дом мой, ужасом объятый,
В этот дом, куда проклятый Рок обрушил свой топор, -
Говори: пройдёт ли рана, что нанёс его топор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Адский дух иль тварь земная, – повторил я, замирая, -
Ты – пророк. Во имя Неба, – говори: превыше гор,

Там, где Рай наш легендарный, – там найду ль я, благодарный,
Душу девы лучезарной, взятой Богом в Божий хор, -
Душу той, кого Ленорой именует Божий хор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Если так, то вон, Нечистый! В царство Ночи вновь умчись ты" -
Гневно крикнул я, вставая: "Этот чёрный твой убор
Для меня в моей кручине стал эмблемой лжи отныне, -
Дай мне снова быть в пустыне! Прочь! Верни душе простор!
Не терзай, не рви мне сердца, прочь, умчися на простор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

И сидит, сидит с тех пор он, неподвижный чёрный Ворон,
Над дверьми, на белом бюсте, – так сидит он до сих пор,
Злыми взорами блистая, – верно, так глядит, мечтая,
Демон, – тень его густая грузно пала на ковёр -
И душе из этой тени, что ложится на ковёр,
Не подняться – nevermore!

Лев Уманец 1908

Избранные стихотворения Эдгара Поэ, С.-Пб., 1908

ВОРОН (перевод Льва Уманца)

*В поздний час, ночной порою
Я склонился головою
Над старинной книгой, в мраке
Кабинета моего,
И в дремоте безмятежной
Вдруг услышал стук я нежный,
Словно кто стучал небрежно
В дверь жилища моего.*

*Был декабрь, – я помню это, -
И камин мой вдоль паркета
Сыпал в сумрак кабинета
Искры блеска своего.
И рассвета ждал я страстно...
Утешения напрасно
Я искал, – то скорбь всевластно,
Скорбь за друга моего...
О Леноре той прекрасной, -
В небе имя ей Ленера
На земле же – ничего.*

*Мрачный шорох шторы красной
Навевал мне страх ужасный,-
Страх суровый, ужас новый
В сумрак сердца моего.
Трепет сердца подавляя,
Все стоял я, повторяя:*

*Бодрость в сердце ощущая,
Ни минуты не теряя,*

Я вскричал:
И при этом отворил я
Дверь жилища моего...
Мрак – и больше ничего!...

В мрак смотрел я, изумленный...
Долго я стоял, смущенный,
Даже в грезах раньше смертный
Не испытывал того!
Тишина была немая,
Без ответа, гробовая,
Слышал имя лишь тогда я, -
Имя друга моего.
Я шептал: Эхо
Повторяло звук его, -
Звук – и больше ничего!

Я вернулся в мрак алькова...
Вся душа пылать готова...
Стук раздался громче снова
У жилища моего.
– Не в окно ль стучат рукою?
Тайну я сейчас открою,
Трепет сердца успокою, -
Трепет сердца моего!...
Усмирись же на минуту,
Трепет сердца моего!...
Ветер – больше ничего!

И в окно влетает с шумом
Громким, мрачным и угрюмым,
Вдруг священный, древний Ворон
В мрак жилища моего.
Птица гордая влетела
Так уверенно и смело,
Словно важный лорд, – и села
В мраке дома моего.
На Паллады бюст, над дверью
Кабинета моего...

Села – больше ничего!...

*Ворон черный и угрюмый
Разогнал печали думы,
У меня улыбку вызвал
Видом сумрачным тогда*

Ворон каркнул:

*Каркнул ясно и сурово!
Я дивиться начал снова,
Впрочем, смысла в звуке слова
Не нашел я и следа.
Но досель, по крайней мере,
Кто ж видал, чтоб птицы, звери,
Сев на бюст у самой двери,
Произнести могли б тогда...
На скульптурный бюст у двери
Сев, сказать могли б тогда
Это слово:?*

*И, сказавши это слово,
Замолчала птица снова,
Словно в этом слове вылив
Душу всю свою тогда,-
Звуков вновь не издавая,
Неподвижная, немая...
И в тоске шептал тогда я.*

Ворон каркнул:

*И смущен я был при этом
Тем осмысленным ответом,
И сказал я:*

*Все же Ворон мой угрюмый
Разогнал печали думы...
Кресло к двери кабинета
Пододвинул я тогда*

И, в подушках утопая,
От мечты к мечте витая,
Так лежал я, размышляя:

Так сидел я, размышляя,
И молчал я, а немая
Птица жгла мне взглядом сердце,
Молчалива и горда.
И сидел я, погруженный
В думы с головой, склоненной
В бархат, лампой озаренный,
И мечтал о ней тогда, -
Что головкой полусонной
В бархат кресла вновь сюда
Не склонится никогда.

А вокруг носились волны
Аромата, неги полны,
И незримых серафимов
Слышал я шаги тогда -
Ворон Божьей рукою
Послан с ангельской толпою!
Ты приносишь весть покоя,
Чтоб забыл я навсегда
О Леноре в миг покоя
Позабыл я навсегда!"
Ворон каркнул:

— Вестник мрачный и кровавый!
Птица ты иль дух лукавый,
Послан Демоном иль бурей
Занесен ты был сюда?
Не смирился ты доныне
В очарованной пустыне,
В доме, преданном кручине!
Раз ответь мне навсегда,
Есть ли там бальзам забвенья?
Ты скажи мне навсегда?
Ворон каркнул:

– Ворон мрачный и кровавый!
Птица ты иль дух лукавый,
О, ответь мне ради Неба,
Ради Страшного Суда:
Дух мой, скорбью изнывая,
Встретить там, в преддверье рая,
Ту, которая, блистая
Светом, унеслась туда?
То Ленора, – то святая, -
Унеслась она туда!
Ворон каркнул:

Ворон каркнул:

И сидит, не улетая,
Все немая, все немая
Птица там, над самой дверью,
Как сидела и тогда,
Устремив свой взор склоненный,
Словно демон полусонный,
И от лампы, там зажженной,
Тень отбросила сюда.
И мой дух средь этой тени
Ниспадающей сюда,
Не воспрянет никогда!...

В. Федоров 1923

*По Э. Поэмы и стихотворения в переводах Вас.
Федорова. М., 1923*

ВОРОН

*Как-то ночью одинокой
я задумался глубоко
Над томами черной магии,
забытой с давних пор.
Сон клонил,-я забывался...
Вдруг неясный звук раздался,
Словно кто-то постучался -
постучался в мой затвор...
"Это гость,-пробормотал я,-
постучался в мой затвор,
Запоздалый визитер..."*

*Ясно помню тот декабрьский
Лютый ветер, холод адский,
Эти тени – по паркету
черной бахромы узор,-
Как меня томило это,
как я с книгой ждал рассвета
В страшной скорби без просвета -
без просвета по Линор,
По утраченной недавно
светлой, ласковой Линор,
Невозвратной с этих пор.*

*Вдруг забилося неприятно
сердце в страхе под невнятный
Шорох шепотный пурпуровых
моих тяжелых штор;
Чтоб унять сердцебиенье,*

сам с собою без смущенья
Говорил я, весь – волнение:
"То стучится в мой затвор,
Запоздалый гость,- смущенно
он стучится в мой затвор,
Этот поздний визитер".

Взяв себя немного в руки,
крикнул я в ответ на стуки:
"О, пожалуйста, простите,-
я сейчас сниму затвор!
Задремал я... рад... приятно...
но стучались вы невнятно,
Было даже непонятно -
непонятно: стук ли, вздор?...
А теперь я различаю -
это точно – стук, не вздор!..."
Дверь открыл: ночной простор.

Никого! В недоуменьи,
с новым страхом и в смущеньи
От неведомых предчувствий,
затаившийся, как вор,
Я смотрел, на все готовый,
в сумрак холода ночного,
И шепнул одно лишь слово,
слово-шепот, в ночь: "Линор"...
Это я сказал, но где-то
эхо вторило: "Линор"...
Тихий, жуткий разговор.

Я захлопнул дверь. Невольно
сердце сжалось острой болью.
Сел... и скоро вновь услышал
тот же звук: тор-тор... тор-тор...
"А-а,- сказал я: – так легка мне
вся загадка: стук недавний -
Дребезжанье старой ставни...
только ветер... мелочь... вздор...

Нет, никто там не стучался,-
Просто ставни... зимний вздор...
Мог бы знать и до сих пор".

Быстро встал,- окно открыл я.
Широко расставив крылья,
Крупный ворон – птица древняя -
в окно ко мне, в упор,
Вдруг вошел, неторопливо
всхохлил перья, и красивым
Плавным взлетом, горделиво,
– словно зная с давних пор,-
Пролетел, на бюст Паллады сел...
как будто с давних пор
Там сидел он, этот Ворон.

Сколько важности! Бравады!
Хохотал я до упаду:
"Ну, неожиданный гость, привет вам!
Что ж, садитесь! Разговор
Я начну... Что много шума
натворил ты здесь, угрюмый
Ворон, полный древней думы? -
Ну, сказки -как бледный хор
Называл тебя – в Аиде
бестелесных духов хор?"
Ворон крикнул: "Nevermore".

Я вскочил от удивленья:
новое еще явление! -
Никогда не приходилось
мне слышать подобный вздор!
"Вы забавны, Ворон-птица,-
только как могло случиться
Языку вам обучиться
и салонный разговор
Завязать, седлая бюсты?
Что ж, продолжим разговор,
Досточтимый "Nevermore"..."

Но на белом четко-черный
он теперь молчал упорно,
Словно душу всю излил
в едином слове ворон-вор!
И опять понурый, сгорблен,
я застыл в привычной скорби,
Все надеясь: утро скорбь
утишит... Вдруг, в упор,
Неожиданно и властно,
с бюста белого, в упор
Птичий голос: "Nevermore".

Вздрагнул я: ответ угрюмый
был в том крике мне на думы!
Верно, ворону случалось часто
слышать, как повтор,
Это слово... звук не нежный...
Знать, его хозяин прежний,
Зло обманутый в надеждах,
повторял себе в укор,
Обращаясь безотчетно к ворону,
ронял укор
Безысходным: "Nevermore".

Весь во власти черной тени,
в жажде предосуществлений,
Я теперь хотел жестоко
с этой птицей жуткий спор
Завязать, – придвинул кресло
ближе к бюсту... и воскресла -
Там в мозгу моем воскресла,
словно грозный приговор,
Логика фантасмагорий,
странно слитых в приговор
С этим криком: "Nevermore..."

И теперь меня глубоко
волновали птицы Рока -

Птицы огневые очи,
устремленные в упор.
Свет от лампы плавно лился,
он над вороном струился...
Я мучительно забылся,-
мне казалось: с вечных пор
Этот черный хмурый ворон
здесь, со мной, с извечных пор.
Со зловецим: "Nevermore".

Словно плавное кадило
в кабинете воскурило
Фимиамы, и туманы
наплывали с алых штор.
Простонал я: "Дух угрюмый,
что томишь тяжелой думой?
Обмани предвечным шумом
крыльев черных, и Линор
Позабыть совсем дай мне -
дай забыть мою Линор!
Крикнул ворон: "Nevermore".

"Прорицатель! Вестник горя!
Птица-дьявол из-за моря!
За душой моею выслал Ад-
тебя? -Хватай же, вор!
Ветер... злая ночь... и стужа...
В тихом доме смертный ужас -
Сердце рвет он, этот ужас,
строит склеп мне выше гор...
Ну, хватай! Ведь после смерти
позабуду я Линор!"
Крикнул ворон: "Nevermore".

"Прорицатель! Вестник горя!
Птица-дьявол из-за моря!
Там, где гнутся своды неба,
есть же Божий приговор!
Ты скажи — я жду ответа -

там, за гранью жизни этой
Прозвучит ли речь привета
иль пройдет хоть тень Линор -
Недостижной здесь навеки,
нежной, ласковой Линор?
Крикнул ворон: "Nevermore".

В непереносимой муке
я стонал: "О, пусть разлуки
Будет знаком это слово,
мой последний приговор!
Вынь из сердца клюв жестокий,
ворон, друг мой,- одиноко
Улетай в Аид далекий,
сгинь в неведомый простор,
Населенный привиденьями
аидовый простор!"
Крикнул ворон: "Nevermore".

И злоеций, и сердитый
все сидит он и сидит он,
Черный ворон на Палладе,
охраняя мой затвор...
И от лампы свет струится...
И огромная ложится
От недвижной этой птицы
на пол тень... И с этих пор
Для души моей из мрака
черной Тени – с этих пор -
Нет исхода – Nevermore.

Перевод Вас. Федорова

В. Брюсов 1905 – 1924

ВОРОН

*Как-то в полночь, в час унылый, я вникал, устав, без силы,
Меж томов старинных, в строки рассужденья одного
По отвергнутой науке, и расслышал смутно звуки,
Вдруг у двери словно стуки, -стук у входа моего.
"Это-гость, – пробормотал я, – там, у входа моего.
Гость, – и больше ничего!"*

*Ах! мне помнится так ясно: был декабрь и день ненастный
Был как призрак – отсвет красный от камина моего.
Ждал зари я в нетерпеньи, в книгах тщетно утешенье
Я искал в ту ночь мученья, – бденья ночь, без той, кого
Звали здесь Линор. То имя... Шепчут ангелы его,
На земле же – нет его.*

*Шелковистый и не резкий, шорох алой занавески
Мучил, полнил темным страхом, что не знал я до того.
Чтоб смирить в себе биенья сердца, долго в утешенье
Я твердил: "То – посещение просто друга одного".
Повторял: "То – посещение просто друга одного,
Друга, – больше ничего!"*

*Наконец, владея волей, я сказал, не медля боле:
"Сэр иль Мистрисс, извините, что молчал я до того.
Дело в том, что задремал я, и не сразу расслышал я,
Слабый стук не разобрал я, стук у входа моего".
Говоря, открыл я настежь двери дома моего.
Тьма, -и больше ничего.*

*И, смотря во мрак глубокий, долго ждал я, одинокий,
Полный грез, что ведать смертным не давалось до того!
Все безмолвно было снова, тьма вокруг была сурова,
Раздалось одно лишь слово: шепчут ангелы его.*

*Я шепнул: "Линор", и эхо – повторило мне его,
Эхо, – больше ничего.*

*Лишь вернулся я несмело (вся душа во мне горела),
Вскоре вновь я стук расслышал, но ясней, чем до того.
Но сказал я: "Это ставней ветер зыблет своенравней,
Он и вызвал страх недавний, ветер, только и всего,
Будь спокойно, сердце! Это – ветер, только и всего.
Ветер, – больше ничего!"*

*Растворил свое окно я, и влетел во глубь покоя
Статный, древний Ворон, шумом крыльев славя торжество.
Поклониться не хотел он; не колеблясь, полетел он,
Словно лорд иль лэди, сел он, сел у входа моего,
Там, на белый бюст Паллады, сел у входа моего,
Сел, – и больше ничего.*

*Я с улыбкой мог дивиться, как эбеновая птица,
В строгой важности – сурова и горда была тогда.
"Ты, – сказал я, – лыс и черен, но не робок и упорен,
Древний, мрачный Ворон, странник с берегов, где ночь всегда!
Как же царственно ты прозван у Плутона?" Он тогда
Каркнул: "Больше никогда!"*

*Птица ясно прокричала, изумив меня сначала.
Было в крике смысла мало, и слова не шли сюда.
Но не всем благословенье было – ведать посещение
Птицы, что над входом сядет, величава и горда,
Что на белом бюсте сядет, чернокрыла и горда,
С кличкой "Больше никогда!"*

*Одиноким, Ворон черный, сев на бюст, бросал, упорный,
Лишь два слова, словно душу вылил в них он навсегда.
Их твердя, он словно тынул, ни одним пером не двинул,
Наконец, я птице кинул: "Раньше скрылись без следа
Все друзья; ты завтра сгинешь безнадежно!..." Он тогда
Каркнул: "Больше никогда!"*

Вздрогнул я, в волненьи мрачном, при ответе столь удачном.

"Это-все, – сказал я, – видно, что он знает, жив года
С бедняком, кого терзали беспощадные печали,
Гнали в даль и дальше гнали неудачи и нужда.
К песням скорби о надеждах лишь один припев нужда
Знала: больше никогда!"

Я с улыбкой мог дивиться, как глядит мне в душу птица.
Быстро кресло подкатил я, против птицы, сел туда:
Прижимаясь к мягкой ткани, развивал я цепь мечтаний,
Сны за снами, как в тумане, думал я: "Он жил года,
Что ж пророчит, вещий, тощий, живший в старые года,
Криком: больше никогда?"

Это думал я с тревогой, но не смел шепнуть ни слога
Птице, чьи глаза палили сердце мне огнем тогда.
Это думал и иное, прислонясь челом в покое
К бархату; мы, прежде, двое так сидели иногда...
Ах! при лампе, не склоняться ей на бархат иногда
Больше, больше никогда!

И, казалось, клубы дыма льет курильница незримо,
Шаг чуть слышен серафима, с ней вошедшего сюда.
"Бедный!- я вскричал, – то богом послан отдых всем тревогам,
Отдых, мир! чтоб хоть немного ты вкусил забвенье, – да?
Пей! о, пей тот сладкий отдых! позабуди Линор, – о, да?
Ворон: "Больше никогда!"

"Вещий, -я вскричал, -зачем он прибыл, птица или демон?
Искушителем ли послан, бурей пригнан ли сюда?
Я не пал, хоть полн уныний! В этой залятой пустыне,
Здесь, где правит ужас ныне, отвечай, молю, когда
В Галааде мир найду я? обрету бальзам когда?"
Ворон: "Больше никогда!"

"Вещий, – я вскричал, – зачем он прибыл, птица или демон?
Ради неба, что над нами, часа страшного суда,
Отвечай душе печальной: я в раю, в отчизне дальней,
Встречу ль образ идеальный, что меж ангелов всегда?
Ту мою Линор, чье имя шепчут ангелы всегда?"

Ворон: "Больше никогда!"

*"Это слово – знак разлуки! – крикнул я, ломая руки.
Возвратись в края, где мрачно плещет Стиксова вода!
Не оставь здесь перьев черных, как следов от слов позорных!
Не хочу друзей тлетворных! С бюста – прочь, и навсегда!
Прочь – из сердца клюв, и с двери – прочь виденье навсегда!"
Ворон: "Больше никогда!"*

*И, как будто с бюстом слит он, все сидит он, все сидит он,
Там, над входом. Ворон черный, с белым бюстом слит всегда!
Светом лампы озаренный, смотрит, словно демон сонный.
Тень ложится удлинено, на полу лежит года, -
И душе не встать из тени, пусть идут, идут года, -
Знаю, -больше никогда!*

Перевод В. Брюсова, 1905 – 1924

В. Жаботинский 1931

ВОРОН

Перевод В. Жаботинского

*Как-то в полночь, утомлённый, развернул я, полусонный,
Книгу странного ученья (мир забыл уже его) -
И взяла меня дремота; вдруг я вздрогнул отчего-то,
Словно стукнул тихо кто-то у порога моего.
"То стучится, – прошептал я, – гость у входа моего -
Путник, больше ничего".*

*Ясно помню всё, как было: осень плакала уныло,
И в камине пламя стыло, под золой почти мертво...
Не светало... Что за муки! Не принёс дурман науки
Мне забвенья о разлуке с девой сердца моего -
О Леноре: в Божьем хоре дева сердца моего -
Здесь, со мною – никого...*

*Шелест шёлка, шум и шорох в мягких пурпуровых шторах
Жуткой, чуткой странной дрожью проникал меня всего;
И, борясь с тревогой смутной, заглушая страх минутный,
Повторил я: "Бесприютный там у входа моего -
Поздний странник постучался у порога моего -
Гость, и больше ничего".*

*Стихло сердце понемногу. Я направился к порогу,
Воскликая: "Вы простите – я промедлил оттого,
Что дремал в унылой скуке и проснулся лишь при стуке -
При неясном, лёгком звуке у порога моего".
И широко распахнул я дверь жилища моего:
Мрак, и больше ничего.*

*Мрак бездонный озирая, там стоял я, замирая,
Полный дум, быть может, смертным незнакомых до того;*

Но царила тьма сурово средь безмолвия ночного,
И единственное слово чуть прорезало его -
Зов: "Ленора..." – Только эхо повторило мне его -
Эхо, больше ничего...

И, встревожен непонятно, я лишь шаг ступил обратно -
Снова стук, уже слышнее, чем звучал он до того.
Я промолвил: "Это ставнем на шарнире стародавнем
Хлопнул ветер; вся беда в нём, весь секрет и колдовство.
Отпереть – и снова просто разрешится колдовство:
Ветер, больше ничего".

Распахнул я створ оконный – и, как царь в палате тронной,
Старый, статный чёрный Ворон важно выплыл из него,
Без поклона, плавно, гордо, он вступил легко и твёрдо, -
Воспарил, с осанкой лорда, к верху входа моего -
И вверху на бюст Палады у порога моего
Сел – и больше ничего.

Чёрный гость на белом бюсте – я, глядя сквозь дымку грусти,
Усмехнулся – так он строго на меня глядел в упор.
"Вихрь измял тебя, но, право, ты взираешь величаво,
Словно князь ты, чья держава – ночь Плутоновых озёр.
Как зовут тебя, владыка чёрных адовых озёр?"
Он прокаркал: "Nevermore".

Изумился я немало: слово ясно прозвучало -
"Никогда"... Но что за имя?! И бывало ль до сих пор,
Чтобы в доме средь пустыни сел на бледный бюст богини
Странный призрак чёрно-синий и вперил недвижный взор, -
Странный, хмурый, чёрный ворон, мрачный, вещий, тяжкий взор,
И названье: "Nevermore"?

Но, прокаркав это слово, вновь молчал уж он сурово,
Словно всю в нём вылил душу – и замкнул её затвор.
Он сидел легко и статно, и шепнул я еле внятно:
"Завтра утром невозвратно улетит он на простор -
Как друзья – как все надежды – улетит он на простор..."
Каркнул Ворон: "Nevermore".

Содрогнулся я при этом, поражен таким ответом,
И сказал ему: "Наверно, господин твой с давних пор
Беспощадно и жестоко был постигнут гневом Рока,
И, изверившись глубоко, Небесам послал укор
И твердил, взамен молитвы, этот горестный укор,
Этот возглас... "Nevermore".

Он сидел на белом бюсте; я смотрел с улыбкой грусти -
Опустился тихо в кресла – дал мечте своей простор;
Мчались думы в беспорядке – и на бархатные складки
Я поник, ища разгадки: что принёс он в мой шатёр -
Что за правду мне привёл он в сиротливый мой шатёр
Этим скорбным "Nevermore"?

Я сидел, объятый думой, молчаливый и угрюмый,
И смотрел в его горящий, пепелящий душу взор.
Мысль одна сменялась новой; в креслах замер я, суровый.
И на бархат их лиловый лампа свет лила в упор...
Не склониться Ей на бархат, светом залитый в упор,
Не склониться – "Nevermore"...

Чу – провеяли незримо, словно крылья серафима -
Звон кадила – волны дыма – шорох ног о мой ковёр...
"Это Небо за моления шлёт мне чашу исцеленья,
Чашу мира и забвенья, сердцу волю и простор!
Дай – я выпью и забуду, и верну душе простор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Адский дух иль тварь земная, – произнёс я, замирая, -
Кто бы, сам тебя ли Дьявол или вихрей буйный спор
Ни занёс, пророк пернатый, в этот дом навек проклятый,
Над которым в час утраты грянул Божий приговор, -
Отвечай мне: есть прощенье? истечёт ли приговор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

"Адский дух иль тварь земная, – повторил я замирая, -
Отвечай мне: там, за гранью, в Небесах, где всё – простор,
И лазурь, и свет янтарный, – там найду ль я, благодарный,

Душу девы лучезарной, взятой Богом в Божий хор, -
Душу той, кого Ленорой именует Божий хор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

Я вскочил: "Ты лжёшь, Нечистый! В царство Ночи вновь умчись ты,
Унеси во тьму с собою ненавистный свой убор. -
Этих перьев цвет надгробный, чёрной лжи твоей подобный, -
Этот жуткий, едкий, злобный, пепелящий душу взор!
Дай мне мир моей пустыни, дай забыть твой клич и взор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

И сидит, сидит с тех пор он, неподвижный чёрный Ворон -
Над дверьми, на белом бюсте он сидит ещё с тех пор,
Злыми взорами блистая – верно, так, о злом мечтая,
Смотрит демон; тень густая грузно пала на ковёр,
И душе из этой тени, что ложится на ковёр,
Не подняться – "Nevermore".

Г. Голохвастов 1936

ВОРОН

*Раз, когда в ночи угрюмой я поник усталой думой
Средь томов науки древней, позабытой с давних пор,
И, почти уснув, качался, – вдруг чуть слышный звук раздался,
Словно кто-то в дверь стучался, в дверь, ведущую во двор.
'Это гость', пробормотал я, приподняв склоненный взор, -
'Поздний гость забрел во двор'.*

*О, я живо помню это! Был декабрь. В золе согретой
Жар мерцал и в блеск паркета вкрапил призрачный узор.
Утра ждал я с нетерпением; тщетно жаждал я за чтеньем
Запасть из книг забвеньем и забыть Леноры взор:
Светлый, чудный друг, чье имя ныне славит райский хор,
Здесь – навек немой укор.*

*И печальный, смутный шорох, шорох шелка в пышных шторах
Мне внушал злоеущий ужас, незнакомый до сих пор,
Так, что сердца дрожь смиряя, выжидал я, повторяя:
'Это тихо ударяя, гость стучит, зайдя во двор,
Это робко ударяя, гость стучит, зайдя во двор:
Просто гость, – и страх мой вздор':*

*Наконец, окрепнув волей, я сказал, не медля боле:
'Не вмените сна мне, сударь иль сударыня, в укор.
Задремал я, – вот в чем дело! Вы-ж стучали так несмело,
Так невнятно, что не смело сердце верить до сих пор,
Что я слышал стук!': – и настежь распахнул я дверь во двор:
Там лишь тьма: Пустынен двор:*

*Ждал, дивясь я, в мрак впиваясь, сомневаясь, ужасаясь,
Грезя тем, чем смертный грезить не дерзал до этих пор.
Но молчала ночь однако; не дала мне тишь ни знака,
И лишь зов один средь мрака пробудил немой простор:*

*Это я шепнул: 'Ленора!' Вслед шепнул ночной простор
Тот же зов: и замер двор.*

*В дом вошел я. Сердце млело; все внутри во мне горело.
Вдруг, опять стучат несмело, чуть слышней, чем до сих пор.
'Ну', сказал я: 'Верно ставней ветер бьет, и станет явней
Эта тайна в миг, когда в ней суть обследует мой взор:
Пусть на миг лишь стихнет сердце, и проникнет в тайну взор:
Это – стук оконных створ'.*

*Распахнул окно теперь я, – и вошел, топорща перья,
Призрак старого поверья – крупный, черный Ворон гор.
Без поклона, шел он твердо, с видом лэди или лорда,
Он, взлетев, над дверью гордо сел, нахохлив свой вихор -
Сел на белый бюст Паллады, сел на бюст и острый взор
Устремил в меня в упор.*

*И пред черным гостем зыбко скорбь моя зажглась улыбкой:
Нес с такой осанкой чванной он свой траурный убор.
'Хоть в хохле твоём не густы что-то перья, – знать не трус ты!'
Молвил я, – 'но вещеустый, как тебя усопших хор
Величал в стране Плутона? Объявись!' – Тут Ворон гор:
'Никогда!' – сказал в упор.*

*Я весьма дивился, вчуже, слову птицы неуклюжей, -
Пусть и внес ответ несвязный мало смысла в разговор, -
Все-ж, не странно-ль? В мире целом был ли взыскан кто уделом
Лицезреть на бюсте белом, над дверями – птицу гор?
И вступала-ль птица с кличкой 'Никогда' до этих пор
С человеком в разговор?*

*Но на бюсте мертвооком, в отчуждённы одиноком,
Сидя, Ворон слил, казалось, душу всю в один укор;
Больше слова не добавил, клювом перьев не оправил, -
Я шепнул: 'Меня оставил круг друзей уж с давних пор;
Завтра он меня покинет, как надежд летучих хор:
'Никогда!' – он мне в отпор.*

Поражен среди молчанья метким смыслом замечанья,

'На одно', – сказал я – 'слово он, как видно, скор и спор, -
Жил с владельцем он, конечно, за которым бессердечно
Горе шло и гналось вечно, так что этот лишь укор
Знал бедняк при отпеваньи всех надежд, – и Ворон-вор
'Никогда' твердит с тех пор.

Вновь пред черным гостем зыбко скорбь моя зажглась улыбкой.
Двинув кресло ближе к двери, к бюсту, к черной птице гор,
В мягкий бархат сел тогда я, и, мечту с мечтой сплетая,
Предавался снам, гадая: 'Что-ж сулил мне до сих пор
Этот древний, черный, мрачный, жуткий Ворон, призрак гор,
'Никогда' твердя в упор?

Так сидел я полн раздумья, ни полсловом тайных дум я
Не открыл пред черной птицей, в душу мне вперившей взор.
И в догадке за догадкой, я о многом грезил сладко:
Лампы свет ласкал украдкой гладкий бархатный узор, -
Но, увы! на бархат мягкий не приляжет та, чей взор
Здесь – навек немой укор.
Вдруг, поплыли волны дыма от кадила серафима;
Легкий ангел шел незримо: 'Верь, несчастный! С этих пор
Бог твой внял твое моленье: Шлет он с ангелом спасенье -
Отдых, отдых и забвенье, чтоб забыть Леноры взор!:
Пей, о, пей же дар забвенья и забудь Леноры взор!'
'Никогда!' – был приговор.

'Вестник зла!' – привстал я в кресле, – 'кто-б ты ни был,
птица ль, бес-ли,
Послан ты врагом небес-ли, иль грозою сброшен с гор,
Нелюдимый дух крылатый, в наш пустынный край заклятый,
В дом мой, ужасом объятый, – о, скажи мне, призрак гор:
Обрету-ль бальзам, суленый Галаадом с давних пор?'
'Никогда!' – был приговор.

'Вестник зла!' – молил я, – 'если ты пророк, будь птица-ль, бес-ли,
Ради неба, ради Бога, изреки свой приговор
Для души тоской спаленной: в райской сени отдаленной
Я святой и просветленной девы встречу-ль ясный взор, -
Той, кого зовет Ленорой чистых ангелов собор?:'

'Никогда!' – был приговор.

*'Будь последним крик твой дикий, птица-ль дух ли птицеликий!
Сгинь! Вернись во мрак великий, в ад, где жил ты до сих пор!
Черных перьев лжи залогом здесь не скинь, и снова в строгом,
В одиночестве убогом дай мне жить, как до сих пор:
Вынь свой жгучий клюв из сердца! Скройся с бюста, призрак гор!
'Никогда!' – был приговор.
И недвижим страшный Ворон все сидит, сидит с тех пор он,
Там, где белый бюст Паллады вдаль вперяет мертвый взор:
Он не спит: он грезит, точно демон грезюю полночной:
В свете лампы одиночной тень от птицы мучит взор:
И вовек из этой тени не уйти душе с тех пор:
'Никогда!' – мне приговор.*

Перевод Г. Голохвастова, 1936

А.Оленич-Гнененко 1946

А.Оленич-Гнененко 1946 Если вам известен перевод которого здесь нет, пожалуйста, пришлите или оставте ссылку где его можно найти.

М. Зенкевич 1946

Зенкевич М. Из американских поэтов. М., Гослитиздат, 1946

ВОРОН

*Как-то в полночь, в час угрюмый, утомившись от раздумий,
Задремал я над страницей фолианта одного,
И очнулся вдруг от звука, будто кто-то вдруг застучал,
Будто глухо так затучал в двери дома моего.
"Гость, -сказал я, -там стучится в двери дома моего.
Гость-и больше ничего".*

*Ах, я вспоминаю ясно, был тогда декабрь ненастный,
И от каждой вспышки красной тень скользила на ковер.
Ждал я дня из мрачной дали, тщетно ждал, чтоб книги дали
Облегченье от печали по утраченной Линор,
По святой, что там, в Эдеме ангелы зовут Линор, -
Безыменной здесь с тех пор.*

*Шелковый тревожный шорох в пурпурных портьерах, шторах
Полонил, наполнил смутным ужасом меня всего,
И, чтоб сердцу легче стало, встав, я повторил устало:
"Это гость лишь запоздалый у порога моего,
Гость какой-то запоздалый у порога моего,
Гость-и больше ничего".*

*И, оправясь от испуга, гостя встретил я, как друга.
"Извините, сэр иль леди, -я приветствовал его, -
Задремал я здесь от скуки, и так тихи были звуки,
Так неслышны ваши стуки в двери дома моего,
Что я вас едва услышал", -дверь открыл я: никого,
Тьма-и больше ничего.*

Тьмой полночной окруженный, так стоял я. погруженный

В грезы, что еще не снились никому до этих пор;
Тщетно ждал я так, однако тьма мне не давала знака,
Слово лишь одно из мрака донеслось ко мне: "Линор!"
Это я шепнул, и эхо прошептало мне: "Линор!"
Прошептало, как укор.

В скорби жгучей о потере я захлопнул плотно двери
И услышал стук такой же, но отчетливей того.
"Это тот же стук недавний, – я сказал, -в окно за ставней,
Ветер воет неспроста в ней у окошка моего,
Это ветер стукнул ставней у окошка моего, -
Ветер – больше ничего".

Только приоткрыл я ставни – вышел Ворон стародавний,
Шумно оправляя траур оперенья своего;
Без поклона, важно, гордо, выступил он чинно, твердо;
С видом леди или лорда у порога моего,
Над дверьми на бюст Паллады у порога моего
Сел-и больше ничего.

И, очнувшись от печали, улыбнулся я вначале,
Видя важность черной птицы, чопорный ее задор,
Я сказал: "Твой вид задорен, твой хохол облезлый черен,
О злоеющий древний Ворон, там, где мрак Плутон простер,
Как ты гордо назывался там, где мрак Плутон простер?"
Каркнул Ворон: "Nevermore".

Выкрик птицы неуклюжей на меня повеял стужей,
Хоть ответ ее без смысла, невпопад, был явный вздор;
Ведь должны все согласиться, вряд ли может так случиться,
Чтобы в полночь села птица, вылетевши из-за штор,
Вдруг на бюст над дверью села, вылетевши из-за штор,
Птица с кличкой "Nevermore".

Ворон же сидел на бюсте, словно этим словом грусти
Душу всю свою излил он навсегда в ночной простор.
Он сидел, свой клюв сомкнувши, ни пером не шелохнувши,
И шептал я, вдруг вздохнувши: "Как друзья с недавних пор,
Завтра он меня покинет, как надежды с этих пор".

Каркнул Ворон: "Nevermore".

*При ответе столь удачном вздрогнул я в затишьи мрачном.
И сказал я: "Несомненно, затвердил он с давних пор,
Перенял он это слово от хозяина такого,
Кто под гнетом рока злого слышал, словно приговор,
Похоронный звон надежды и свой смертный приговор
Слышал в этом "Nevermore".*

*И с улыбкой, как вначале, я, очнувшись от печали,
Кресло к Ворону подвинул, глядя на него в упор,
Сел на бархате лиловом в размышлении суровом,
Что хотел сказать тем словом ворон, вещий с давних пор,
Что пророчил мне угрюмо Ворон, вещий с давних пор,
Хриплым карком: "Nevermore".*

*Так, в полудремоте краткой, размышляя над загадкой,
Чувствуя, как Ворон в сердце мне вонзал горящий взор,
Тусклой люстрой освещенный, головою утомленной
Я хотел склониться, сонный, на подушку на узор,
Ах, она здесь не склонится на подушку на узор
Никогда, о nevermore!*

*Мне казалось, что незримо заструились клубы дыма
И ступили серафимы в фимиаме на ковер.
Я воскликнул: "О несчастный, это Бог от муки страстной
Шлет непентес – исцеленье от любви твоей к Линор!
Пей непентес, пей забвенье и забудь свою Линор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"*

*Я воскликнул: "Ворон вещий! Птица ты иль дух зловещий!
Дьявол ли тебя направил, буря ль из подземных нор
Занесла тебя под крышу, где я древний Ужас слышу,
Мне скажи, дано ль мне свыше там, у Галаадских гор,
Обрести бальзам от муки, там, у Галаадских гор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"*

*Я воскликнул: "Ворон вещий! Птица ты иль дух зловещий!
Если только бог над нами свод небесный распростер,*

Мне скажи: душа, что бремя скорби здесь несет со всеми,
Там обнимет ли, в Эдеме, лучезарную Линор -
Ту святую, что в Эдеме ангелы зовут Линор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

"Это знак, чтоб ты оставил дом мой, птица или дьявол! -
Я, вскочив, воскликнул: – С бурей уносись в ночной простор,
Не оставив здесь, однако, черного пера. как знака
Лжи. что ты принес из мрака! С бюста траурный убор
Скинь и клюв твой вынь из сердца! Прочь лети в ночной простор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

И сидит, сидит над дверью Ворон, оправляя перья,
С бюста бледного Паллады не слетает с этих пор;
Он глядит в недвижимом взлете, словно демон тьмы в дремоте,
И под люстрой, в позолоте, на полу, он тень простер.
И душой из этой тени не взлечу я с этих пор.
Никогда, о, nevermore!

Перевод М. Зенкевича, 1946

А. Есенин-Вольпин 1948

Александр ЕСЕНИН-ВОЛЬПИН

Ворон

*Как-то ночью, в час террора, я читал впервые Мора,
Чтоб "Утопии" незнание мне не ставили в укор.
В скучном, длинном описанье я искал упоминанья
Об арестах за блужданья в той стране, не знавшей ссор, -
Потому что для блужданья никаких не надо ссор.
Но глубок ли Томас Мор?*

*...Я вникал в уклад народа, в чьей стране мерзка свобода...
Вдруг как будто постучали... Кто так поздно? Что за вздор?
И в сомненье и в печали я шептал: "То друг едва ли,
Всех друзей давно услали... Хорошо бы просто вор!"
И, в восторге от надежды, я сказал: "Войдите, вор!"
Кто-то каркнул: "Nevermore!"*

*...Все я понял. Ну, конечно, старый Ворон! И поспешно
Я открыл окно – и вот он, старый Ворон давних пор!
Он куда-хнул в нетерпенье, озирая помещенье...
Я сказал тогда в смущенье: "Что ж, присядьте на ковер;
В этом доме нет Паллады, так что сядьте на ковер -
Вот ковер, and nothing more!*

*И нелепо и понуро он уселся, словно кура...
Но потом нашлась Паллада – да, велик мой книжный сор!
И взлетел и снова сел он – черный, как из смоли сделан,
Он глядел, как сонный демон, тыча клювом в титул "Мор",
Но внезапно оживился, стукнул клювом в слово "Мор"
И промолвил: "Nevermore!"*

*...Я подпрыгнул. О, Плутонец! Молчаливый, как тевтонец!
Ты влетел, взглянул – и сразу тонкий, едкий приговор!*

Ты – мудрец, не корчи мину, – но открой хоть половину:
Как пройти в твою пучину? Потому что с давних пор
Я боюсь другой пучины в царстве, грязном с давних пор...
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

Ворон, Ворон! Вся планета ждет солдата, не поэта -
Вам в Плутонию, пожалуй, непонятен наш раздор!
О, какой грядущий гений об эпохе наших рвений
Сочинит "венец творений", зло используя фольклор -
И, пожалуй, первым делом нами созданный фольклор!
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

О пророк, не просто птица! В нетерпенье есть граница,
И тогда берут Вольтера – или бомбу и топор.
Мы бледнели от позора – так пускай не слишком скоро,
Ведь у нас разгар террора, – но придет ли Термидор?
...Пал Дантон и Робеспьера поразила же Термидор!
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

О пророк, не просто птица! Есть ли ныне за граница,
Где свободный об искусстве не опасен разговор?
Если есть, то добегу ли я в тот край, не встретив пули?
В Нидерландах ли, в Перу ли я решил бы старый спор -
Романтизма с реализмом до сих пор не кончен спор!
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

"Никогда!" – сказала птица... За морями за граница...
...Ту вломились два солдата, сонный дворник и майор...
Перед ними я не шаркнул, одному в лицо лишь харкнул -
Но зато как просто гаркнул черный ворон: Nevermore!
И вожу, вожу я тачку, повторяя: Nevermore...
Не подняться... Nevermore!

Павел Лыжин 1952

ВОРОН

*Как-то полночью ненастной я над книгой старых дней,
Книгой странной и неясной утомленно забывался,
Головой слегка качая, сонной головой моей.
Вдруг, безмолвье нарушая, стук, невнятный стук раздался.
"Это гость, – сказал я тихо, – у порога моего,
Гость, и больше ничего".*

*Был декабрь, еще поныне помню это. На полу
Тени дров, истлев в камине, будто призраки дрожали.
Ждал рассвета я понуро, погруженный в полумглу.
Ждал я ту, что "там" Ленорой сонмы ангелов прозвали,
Но не властью книги мудрой вернуть любви года...
Всё исчезло навсегда.*

*Штор пурпурных сонный лепет наводил лишь грусть и жуть:
Непостижный темный лепет, мне неведомый доселе;
И, пытаясь сердца муку успокоить как-нибудь,
Повторял я через силы, повторял я еле-еле:
"Это, видно, гость стучится у порога моего,
Гость, и больше ничего".*

*Ожидать не в силах доле, холодея и дрожа,
Я собрал остатки воли, молвя тихо: "Извините,
Умоляю, извините, господин иль госпожа:
Я дремал и еле слышал, как тихонько вы стучите".
Дверь открыл я и застыл я у порога моего:
Тьма, и больше ничего.*

*Полн тревоги и сомнений, полн неизречимых дум,
Будто в царстве сновидений, ночи я ловил дыханье -
То, чего постичь не смеет жалкий человеческий ум.
Тихим шепотом "Ленора!" я, дрожа, прервал молчанье.*

*Мне ответом был: "Ленора!" – отзвук зова моего,
Эхо – больше ничего.*

*Я к камину возвратился. Снова вспыхнула душа.
Стук яснее повторился. "Эту тайну я открою;
За окном там кто-то бродит, – думал я, едва дыша, -
Лишь бы сердце тише билось... Эту тайну я открою;
За окном иль у порога, у порога моего
Ветер – больше ничего".*

*Я окно открыл широко, старой ставней загремел,
И ко мне в мгновенье ока (что за ужас! что за диво!)
Ворон, ворон дней минувших неожиданно влетел,
С миной лорда или лэди. Без поклона, неучтиво
Он вспорхнул на бюст Паллады (ясно видел я его),
Сел – и больше ничего.*

*И с улыбкою печальной перед черной птицей той:
"Ты не трус, о гость фатальный! О облезлое создание!
Не из царства ли Плутона залетел ты? – Так открой
Мне теперь, о призрак-ворон, благородное прозвание,
Что ты носишь в царстве Ночи", – я шепнул, потупя взор.
Карнкул ворон: "Nevermore!"*

*Хоть в ответе птицы вещей смысла я не разгадал,
Но эмблемою зловещей был смущен и озадачен;
Кто из смертных – о, скажите – наяву хоть раз слышал,
Как на бюсте каркал ворон – черен, и угрюм, и мрачен?
Столь гнетущий призрак птичий кто видал до этих пор
С жуткой кличкой "Nevermore"?*

*Лишь одно, одно лишь слово ворон с бюста прокричал
И замолк угрюмо снова, дух смутив тоскою странной.
Он сидел, пером не дрогнув, неподвижно и молчал.
Я шепнул: "Друзья, надежды – отлетели. Гость незванный
Отлетит, быть может, завтра вслед за ними навсегда".
Каркнул ворон: "Никогда!"*

Вздрогнул я: "Иль это чары полуночи роковой?

Видимо, хозяин старый сей залетной черной птицы,
Сам гонимый темным Роком, сам снедаемый тоской,
Научил ее рефрену! Всё лишь гиль и небылицы!
И рефрен тот – лишь безумный, скучный, похоронный вздор:
"Никогда" иль "Nevermore".

С бархатной подушкой алой кресло к бюсту у дверей,
Бледный, до смерти усталый, пододвинул я украдкой,
Размышляя перед дряхлой, тощей, лысой птицей сей
С темным языком авгура. Иль под вещью загадкой
Горе новое таится, скрыта новая беда? -
"Nevermore" иль "Никогда".

Так сидел я, размышляя в полуночной тишине,
Уж вопросом не пытая старой птицы той, чьи очи
Ярким пламенем зарделись, прожигая душу мне.
Тихо глядя бархат алый, я другие вспомнил ночи...
Но Она подушки этой, как в минувшие года,
Не коснется никогда!

А потом так дивно было: воздух будто задрожал,
Словно ангелы кадила чуть звенящие качали
И курили фимиамы. Я к душе своей воззвал:
"О, вдыхай тимьян небесный! Позабудь юдоль печали
И утраченной Леноры неземной, лучистый взор!"
Каркнул ворон: "Nevermore!"

Полный вновь своей утраты, вскрикнул я: "Ответь, пророк,
Птица или бес проклятый! Там, средь звезд, в лазурной дали,
Встретить ли мне Рок дозволит – беспощадный, темный Рок -
Ту, что ангелы на небе светлым нимбом увенчали?
Поцелую ль я Ленору, Рай обретши навсегда?"
Каркнул ворон: "Никогда!"

Я вскочил, вопя: "Убийца, птица или демон – прочь!
Вынь из сердца, кровопийца, клюв сверлящий, клюв упорный!
О, покинь сей бюст Паллады, отлети в глухую ночь,
В царство мрачного Плутона! О, рассыпся, призрак черный!
Сгинь средь берегов туманных, средь заклятых адских гор!"

Каркнул ворон: "Nevermore!"

*Он не двинулся; безмолвно, будто в думы погружен,
До сих пор царит он, словно украшая бюст Паллады.
И при свете лампы бледной тень отбрасывает он:
Тень на землю, тень на душу, тень на бывшие отрады,
И душе, душе бессильной, как в минувшие года,
Не влететь уж никогда.*

Прага, 1952 г.

Нина Воронель 1956

*Окна сумраком повиты... Я, усталый и разбитый,
Размышлял над позабытой мудростью старинных книг;
Вдруг раздался слабый шорох, тени дрогнули на шторах,
И на сумрачных узорах заметался светлый блик, -
Будто кто-то очень робко постучался в этот миг,
Постучался и затих.*

*Ах, я помню очень ясно: плыл в дожде декабрь ненастный
И пытался я напрасно задержать мгновений бег;
Я со страхом ждал рассвета; в мудрых книгах нет ответа,
Нет спасенья, нет забвенья, – беззащитен человек, -
Нет мне счастья без Леноры, словно сотканной из света
И потерянной навек.*

*Темных штор неясный шепот, шелестящий смутный ропот,
Шепот, ропот торопливый дрожью комкал мыслей нить,
И стараясь успокоить сердце, сжатое тоскою,
Говорил я сам с собою: "Кто же это может быть?
Это просто гость нежданный просит двери отворить, -
Кто еще там может быть?"*

*Плед оставив на диване, дверь открыл я со словами:
"Виноват я перед вами – дверь входная заперта,
Но так тихо вы стучали, не поверил я вначале
И подумал: – Гость? Едва ли. Просто ветра маята..."
Но в глаза мне из-за двери заглянула темнота,
Темнота и пустота.*

*Тихо-тихо в царстве ночи... Только дождь в листве бормочет,
Только сердце все не хочет подчиниться тишине,
Только сердцу нет покоя: сердце слушает с тоскою
Как холодной рукою дождь колотит по стене;
Только я шепчу: "Ленора!", только эхо вторит мне,
Только эхо в тишине.*

Я вернулся в сумрак странный, бледной свечкой осиянный,
И опять мой гость незванный дробно застучал в окно...
Снова дождь запел осенний, снова задрожали тени, -
Хоть на несколько мгновений сердце замолчать должно:
"Это ветер, просто ветер, дождь и ветер заодно, -
Бьют крылом ко мне в окно!"

Я рывком отдернул штору: там, за капельным узором
Величавый черный Ворон появился на окне.
Не спросивши разрешения, он влетел в мои владенья
Скомкал тени без стеснения, смазал блики на стене.
Сел на бледный бюст Паллады, не сказав ни слова мне,
Сел и замер в тишине.

Позабыв, что сердцу больно, я следил, смеясь невольно,
Как мой гость самодовольно в дом ворвался без стыда;
Я спросил: "Как величали вас в обители печали,
Где блуждали вы ночами, прежде чем попасть сюда?
Там, в великом Царстве Ночи, где покой и мрак всегда?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Этот возглас непонятный, неуклюжий, но занятный,
Канул, хриплый и невнятный, не оставив и следа...
Как же мог я примириться с тем, что в дом влетела птица,
Удивительная птица по прозванию "Никогда",
И сидит на бледном бюсте, где струится, как вода,
Светлых бликов чехарда. (Может быть: череда?)

Странный гость мой замер снова, одиноко и сурово,
Не добавил он ни слова, не сказал ни "Нет", ни "Да";
Я вздохнул: "Когда-то прежде отворял я дверь Надежде,
Ей пришлось со мной проститься, чтобы скрыться в Никуда...
Завтра, птица, как Надежда, улетишь ты навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Вздрогнул я, – что это значит? Он смеется или плачет?
Он, коварный, не иначе, лишь затем влетел сюда,
Чтоб дразнить меня со смехом, повторяя хриплым эхом
Свой припев неумолимый, нестерпимый, как беда.

Видно, от своих хозяев затвердил он без труда
Стон печальный "Никогда!"

Нет дразнить меня не мог он: так промок он, так продрог он...
Стал бы он чужой тревогой упиваться без стыда?
Был врагом он или другом? – Догорал в камине уголь...
Я забился в дальний угол, словно ждал его суда:
Что он хочет напроорочить на грядущие года
Хриплым стоном "Никогда!"?

Он молчанья не нарушил, но глядел мне прямо в душу,
Он глядел мне прямо в душу, словно звал меня – куда?
В ожидании ответа я следил, как в пляске света
Тени мечутся в смятеньи, исчезая без следа...
Ах, а ей подушки этой, где трепещут искры света,
Не коснуться никогда!

Вдруг, ночную тьму сметая, то ли взмыла птичья стая,
То ли ангел, пролетая, в ночь закинул невода...
"Ты мучитель! – закричал я. – Тешишься моей печалью!
Чтоб терзать меня молчаньем, Бог послал тебя сюда!
Сжался, дай забыть, не думать об ушедшей навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"Кто ты? Птица или дьявол? Кто послал тебя, – лукавый?
Гость зловещий, Ворон вещий, кто послал тебя сюда?
Что ж, разрушь мой мир бессонный, мир, тоской опустошенный,
Где звенит зловещим звоном беспощадная беда,
Но скажи, я умоляю! – в жизни есть забвенье, да?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"Птица-демон, птица-небыль! Заклинаю светлым небом,
Светлым раем заклиная! Всем святым, что Бог нам дал,
Отвечай, я жду ответа: там, вдали от мира где-то,
С нею, сотканной из света, ждать ли встречи хоть тогда,
Хоть тогда, когда прервется дней унылых череда?"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

"Хватит! Замолчи! Не надо! Уходи, исчадь ада,

*В мрак, где не дарит отрадой ни единая звезда!
Уходи своей дорогой, не терзай пустой тревогой:
Слишком мало, слишком много ты надежд принес сюда.
Вырви клюв из раны сердца и исчезни навсегда!"*
Каркнул Ворон: "Никогда!"

*Никогда не улетит он, все сидит он, все сидит он,
Словно сумраком повитый, там, где дремлет темнота...
Только бледный свет струится, тень тревожно шевелится,
Дремлет птица, свет струится, как прозрачная вода...
И душе моей измятой, брошенной на половицы,
Не подняться, не подняться,
Не подняться никогда!*

Charles L. Edson 1963

Пародии в английском Scholastic Magazine, 1963

RAVIN'S OF PIUTE POET POE

*Once, upon a midnight dreary, eerie, scary,
I was wary, I was weary, full of worry, thinking of my lost Lenore,
Of my cheery, airy, faerie, fiery dearie-(Nothing more).
I was napping, when a tapping on the overlapping coping woke me
gapping, leaping, groping... toward the rapping. I went
hopping, leaping... hoping that the rapping on the coping
Was my little lost Lenore.
That on opening the shutter to admit the latter critter, in she'd
flutter from the gutter with her bitter eyes aglitter;
So I opened wide the door, what was there? The dard weir and drear
moor,-or I'm a liar-the dark mire, the drear moor, the
mere door, and nothing more!*

*Then in stepped a stately Raven, shaven like the bard of Avon; yes,
a rovin' grievin' Raven, seeking haven at my door.
Yes, that shaven, rovin' Raven had been movin' (Get me, Stephen)
for the warm and lovin' haven of my stove and oven door-
Oven door, and nothing more.*

*Ah, distinctly I remember, every ember that December turned from
amber to burnt umber;
I was burning limber lumber in my chamber that December, and it
left an amber ember.
With a silken, sad uncertain flirtin' of a certain curtain,
That old raven, cold and callous, perched upon the bust of Pallas,
Just above my chamber door;
(A lusty, trusty bust thrust just
Above my chamber door.)
Had that callous cuss shown malice? Or sought solace, there on
Pallas?*

(You may tell us, Alice Wallace).

*Tell this soul with sorrow laden, hidden in the shade, an'
broodin'-*

*If a maiden out of Eden sent this sudden bird invadin'
My poor chamber; and protrudin' half an inch above my door.
Tell this broodin' soul (he's breedin' bats by too much sodden
readin'-readin'*

Snowden'd ode to Odin)

*Tell this soul by nightmares ridden, if (no kiddin') on a sudden
He shall clasp a radiant maiden born in Aiden or in Leyden or
indeed in*

Baden-Baden-

*Will he clasp this buddin' maiden, gaddin' in forbidden Eden,
Whom the angels named Lenore?*

Then that bird said: "Nevermore."

*"Prophet," said I, "thing of evil, navel, novel, or boll weevil,
You shall travel, on the level! Scratch the gravel now and
travel!*

Leave my hovel, I implore."

*And that raven, never flitting, never knitting, never tatting,
Never spouting "Nevermore."*

*Still is sitting (out this ballad) on that solid bust (and pallid)
– on that solid, valid, pallid bust above my chamber door;
And my soul is in his shadow, which lies floating on the floor,
Fleeting, floating, yachting, boating on the fluting of the
matting-*

Matting on my chamber floor.

Charles L. Edson

Андрей Вознесенский 1964

Из поэмы "Оза", по мотивам

Андрей Вознесенский
(Из поэмы "Оза", по мотивам Эдгара По)

В час отлива возле чайной
я лежал в ночи печальной,
говорил друзьям об Озе и величьи бытия.
Но внезапно чёрный ворон
примешался к разговорам,
вспыхнув синими очами,
он сказал:
"А на фига?!"

Я вскричал: "Мне жаль вас, птица,
человеком вам родиться б,
счастье высшее – трудиться,
полпланеты раскря..."
Он сказал: "А на фига?!"

"Будешь ты великий ментор,
бог машин, экспериментов,
будешь бронзой монументов
знаменит во все края..."
Он сказал: "А на фига?!"

"Уничтожив олигархов,
ты настроишь агрегатов,
демократией заменишь
короля и холоя..."
Он сказал: "А на...?!"

Я сказал: "А хочешь – будешь
спать в заброшенной избушке,
утром пальчики девичьи

будут класть на губы вишни,
глушь такая, что не слышна
ни хвала и ни хула..."

Он ответил: "Все – мура,
раб стандарта, царь природы,
ты свободен без свободы,
ты летишь в автомашине,
но машина – без руля..."

Оза, Роза ли, стервоза -
как скучны метаморфозы,
в ящик рано или поздно...
Жизнь была – а на фига?!"

Как сказать ему, подонку,
что живём не чтоб подохнуть, -
чтоб губами тронуть чудо
поцелуя и ручья!

Чудо жить – необъяснимо.
Кто не жил – что спорить с ними?!

Можно бы – да на фига?

1964

В. Бетаки 1972

*По Э. Избранные произведения в двух томах, т. 1.
М., 1972*

Ворон

перевод В. Бетаки

*Мрачной полночью бессонной, беспредельно
утомленный.*

*В книги древние вникал я и, стремясь постичь их суть
Над старинным странным томом задремал, и вдруг
сквозь дрему*

*Стук нежданный в двери дома мне почудился
чуть-чуть,*

*"Это кто-то, – прошептал я, – хочет в гости
заглянуть,*

Просто в гости кто-нибудь!"

*Так отчетливо я помню – был декабрь, глухой и
темный,*

*И камин не смел в лицо мне алым отсветом сверкнуть,
Я с тревогой ждал рассвета: в книгах не было ответа,
Как на свете жить без света той, кого уж не вернуть,
Без Линор, чье имя мог бы только ангел мне шепнуть
В небесах когда-нибудь.*

*Шелковое колыханье, шторы пурпурной шуршанье
Страх внушало, сердце сжало, и, чтоб страх с души
стряхнуть,*

*Стук в груди едва умеря, повторял я, сам не веря:
Кто-то там стучится в двери, хочет в гости заглянуть,
Поздно так стучится в двери, видно, хочет заглянуть
Просто в гости кто-нибудь.*

Молча вслушавшись в молчанье, я сказал без
колебания:

"Леди или сэр, простите, но случилось мне вздремнуть,
Не расслышал я вначале, так вы тихо постучали,
Так вы робко постучали..." И решился я взглянуть,
Распахнул пошире двери, чтобы выйти и взглянуть, -
Тьма, – и хоть бы кто-нибудь!

Я стоял, во мрак вперяясь, грезам странным
предаваясь,
Так мечтать наш смертный разум никогда не мог
дерзнуть,
А немая ночь молчала, тишина не отвечала,
Только слово прозвучало – кто мне мог его шепнуть?
Я сказал "Линор" – и эхо мне ответ могло шепнуть...
Эхо – или кто-нибудь?

Я в смятение оглянулся, дверь закрыл и в дом
вернулся,
Стук неясный повторился, но теперь ясней чуть-чуть.
И сказал себе тогда я: "А, теперь я понимаю:
Это ветер, налетая, хочет ставни распахнуть,
Ну конечно, это ветер хочет ставни распахнуть...
Ветер – или кто-нибудь?"

Но едва окно открыл я, – вдруг, расправив гордо
крылья,
Перья черные взъероша и выпячивая грудь,
Шагом вышел из-за штор он, с видом лорда древний
ворон,
И, наверно, счел за вздор он в знак приветствия
кивнуть.
Он взлетел на бюст Паллады, сел и мне забыл кивнуть,
Сел – и хоть бы что-нибудь!

В перья черные разряжен, так он мрачен был и важен!
Я невольно улыбнулся, хоть тоска сжимала грудь:
"Право, ты невзрачен с виду, но не дашь себя в обиду,
Древний ворон из Аида, совершивший мрачный путь

Ты скажи мне, как ты звался там, откуда держишь
путь?"

Каркнул ворон: "Не вернуть!"

Я не мог не удивиться, что услышал вдруг от птицы
Человеческое слово, хоть не понял, в чем тут суть,
Но поверят все, пожалуй, что обычного тут мало:
Где, когда еще бывало, кто слышал когда-нибудь,
Чтобы в комнате над дверью ворон сел когда-нибудь
Ворон с кличкой "Не вернуть"?

Словно душу в это слово всю вложив, он замер снова,
Чтоб опять молчать сурово и пером не шелохнуть.
"Где друзья? – пробормотал я. – И надежды
растерял я

Только он, кого не звал я, мне всю ночь терзает
грудь...
Завтра он в Аид вернется, и покой вернется в грудь..."
Вдруг он каркнул: "Не вернуть!"

Вздрыгнул я от звуков этих, – так удачно он ответил,
Я подумал: "Несомненно, он слышал когда-нибудь
Слово это слишком часто, повторял его всечасно
За хозяином несчастным, что не мог и глаз сомкнуть,
Чьей последней, горькой песней, воплотившей жизни
суть,
Стало слово "Не вернуть!".

И в упор на птицу глядя, кресло к двери и к Палладе
Я придвинул, улыбнувшись, хоть тоска сжимала грудь,
Сел, раздумывая снова, что же значит это слово
И на что он так сурово мне пытался намекнуть.
Древний, тощий, темный ворон мне пытался намекнуть,
Грозно каркнув: "Не вернуть!"

Так сидел я, размышляя, тишины не нарушая,
Чувствуя, как злобным взором ворон мне пронзает
грудь.

И на бархат однотонный, слабым светом озаренный.
Головою утомленной я склонился, чтоб уснуть...
Но ее, что так любила здесь, на бархате, уснуть,
Никогда уж не вернуть!

Вдруг – как звон шагов по плитам на полу, ковром
покрытом!
Словно в славе фимиама серафимы держат путь!
"Бог,- вскричал я в исступленье,- шлет от страсти
избавленье!
Пей, о, пей Бальзам Забвенья – и покой вернется в
грудь!
Пей, забудь Линор навеки – и покой вернется в грудь! "
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

"О вещун! Молю – хоть слово! Птица ужаса ночного!
Буря ли тебя загнала, дьявол ли решил швырнуть
В скорбный мир моей пустыни, в дом, где ужас правит
ныне

В Галааде, близ Святыни, есть бальзам, чтобы
заснуть?
Как вернуть покой, скажи мне, чтобы, все забыв,
заснуть?"
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

"О вещун! – вскричал я снова, – птица ужаса
ночного!
Заклинаю небом, богом! Крестный свой окончив путь,
Сброшу ли с души я бремя? Отвечай, придет ли время,
И любимую в Эдеме встречу ль я когда-нибудь?
Вновь вернуть ее в объятия суждено ль когда-нибудь?
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

"Слушай, адское создание! Это слово-знак прощанья!
Вынь из сердца клюв проклятый! В бурю и во мрак-
твой путь!
Не роняй пера у двери, лжи твоей я не поверю!
Не хочь, чтоб здесь над дверью сел ты вновь

когда-нибудь!
Одиночество бывшее дай вернуть когда-нибудь! "
Каркнул ворон: "Не вернуть!"

И не вздрогнет, не взлетит он, все сидит он, все
сидит он,
Словно демон в дреме мрачной, взгляд навек вонзив
мне в грудь,
Свет от лампы вниз струится, тень от ворона ложится,
И в тени злоеющей птицы суждено душе тонуть...
Никогда из мрака душу, осужденную тонуть,
Не вернуть, о, не вернуть!

М. Донской 1976

По Э. Лирика. Л., 1976

Ворон

Раз в тоскливый час полночный я искал основы прочной
Для своих мечтаний – в дебрях теософского труда.
Истомлен пустой работой, я поник, сморен дремотой,
Вдруг – негромко стукнул кто-то. Словно стукнул в дверь.. Да, да!
"Верно, гость,- пробормотал я,- гость стучится в дверь. Да, да!
Гость пожаловал сюда".

Помню я ту ночь доныне, ночь январской мглы и стыни,-
Тлели головни в камине, вспыхивая иногда..
Я с томленьем ждал рассвета; в книгах не было ответа,
Чем тоска смирится эта об ушедшей навсегда,
Что звалась Линор, теперь же – в сонме звездном навсегда
Безымянная звезда.

Шорох шелковой портьеры напугал меня без меры:
Смяла, сжала дух мой бедный страхов алчная орда.
Но вселяет бодрость – слово. Встал я, повторяя снова:
"Это гость,- так что ж такого, если гость пришел сюда?
Постучали,- что ж такого? Гость пожаловал сюда.
Запоздалый гость. Да, да!"

Нет, бояться недостойно, и отчетливо, спокойно
"Сэр,- сказал я,- или мэдэм, я краснею от стыда:
Так вы тихо постучали,- погружен в свои печали,
Не расслышал я вначале. Рад, коль есть во мне нужда.
Милости прошу сюда".

Никого, лишь тьма ночная! Грозный ужас отгоняя,
Я стоял; в мозгу сменялась странных мыслей череда.
Тщетно из глухого мрака ждал я отклика иль знака.

Я шепнул: "Линор!"- однако зов мой канул в никуда,
Дальним эхом повторений зов мой канул в никуда.
О Линор, моя звезда!

Двери запер я надежно, но душа была тревожна.
Вдруг еще раз постучали, явственнее, чем тогда.
Я сказал: "Все ясно стало: ставни... Их порывом шквала,
Видимо, с крючка сорвало – поправимая беда"
Ставни хлопают и только – поправимая беда.
Ветер пошутил – ну да!"

Только я наружу глянул, как в окошко Ворон прынул,
Древний Ворон – видно, прожил он несчетные года.
Взмыл на книжный шкаф он плавно и расселся там державно,
Не испытывая явно ни смущенья, ни стыда,
Там стоявший бюст Минервы оседлал он без стыда,
Словно так сидел всегда.

Я не мог не удивиться: эта траурная птица
Так была невозмутима, так напыщенно-горда.
Я сказал: "Признаться надо, облик твой не тешит взгляда;
Может быть, веленьем ада занесло тебя сюда?"
Ворон каркнул: "Никогда!"

Усмехнулся я... Вот ново: птица выкрикнула слово!
Пусть в нем смысла и немного, попросту белиберда,
Случай был как будто первый,- знаете ль иной пример вы,
Чтоб на голову Минервы взгромоздилась без стыда
Птица или тварь другая и в лицо вам без стыда
Выкрикнула: "Никогда!"

Произнесши это слово, черный Ворон замер снова,
Как бы удовлетворенный завершением труда.
Я шепнул: "Нет в мире этом той, с кем связан я обетом,
Я один. И гость с рассветом улетит бог весть куда,
Он, как все мои надежда, улетит бог весть куда">
Ворон каркнул: "Никогда!"

Изумил пришелец мрачный репликой меня удачной,

Но ведь птицы повторяют, что твердят им господа,
Я промолвил: "Твой хозяин, видно, горем был измаян.
И ответ твой не случаен: в нем та прежняя беда,
Может быть, его терзала неизбывная беда
И твердил он: "Никогда!"

Кресло я придвинул ближе: был занятен гость бесстыжий,
Страшный Ворон, что на свете жил несчетные года,
И, дивясь его повадкам, предавался я догадкам,-
Что таится в слове кратком, принесенном им сюда,
Есть ли смысл потусторонний в принесенном им сюда
Хриплом крике: "Никогда!"

Я сидел, молчаньем скован, взглядом птицы околдован,
Чудилась мне в этом взгляде негасимая вражда.
Средь привычного уюта я покоился, но смута
В мыслях властвовала лихо... Все, все было, как всегда,
Лишь ее, что вечерами в кресле нежилась всегда,
Здесь не будет никогда.

Вдруг незримый дым кадильный мозг окутал мой бессильный,-
Что там – хоры серафимов или облаков гряда?
Я вскричал: "Пойми, несчастный! Это знак прямой и ясный-
Указал господь всевластный, что всему своя чреда:
Потерпи, придет забвенье, ведь всему своя чреда".
Ворон каркнул: "Никогда!"

"Птица ль ты, вещун постылый, иль слуга нечистой силы,-
Молвил я,- заброшен бурей или дьяволом сюда?
Отвечай: от мук спасенье обрету ли в некий день я,
В душу хлынет ли забвенье, словно мертвая вода,
Яд затянет рану сердца, словно мертвая вода?"
Ворон каркнул: "Никогда!"

"Птица ль ты, вещун постылый, иль слуга нечистой силы,
Заклинаю небом, адом, часом Страшного суда,-
Что ты видишь в днях грядущих: встречу с ней я в райских кущах
В миг, когда среди живущих кончится моя страда?
Встречу ли, когда земная кончится моя страда?"

Ворон каркнул: "Никогда!"

*Встал я: "Демон ты иль птица, но пора нам распрощаться.
Тварь бесстыдная и злая, состраданию ты чужда.
Я тебя пророка злого, своего лишало крова,
Пусть один я буду снова,- прочь, исчезни без следа!
Вынь свой клюв из раны сердца, сгинь навеки без следа!"
Ворон каркнул: "Никогда!"*

*И, венчая шкаф мой книжный, неподвижный, неподвижный,
С изваяния Минервы не слетая никуда,
Восседает Ворон черный, несменяемый дозорный,
Давит взор его упорный, давит будто глыба льда.
И мой дух оцепенелый из-под мертвой глыбы льда
Не восстанет никогда.*

перевод М. Донского

В. Василенко 1976

Аннотация: "Тетради переводчика", вып. 13. М.,
1976

ВОРОН

*Как-то полночью глубокой размышлял я одиноко
Над старинным фолиантом – над преданьем давних лет,
И охваченный дремотой, стук услышал, но отчета
Дать не мог: стучится кто-то, увидав в окошке свет.
"Гость,- промолвил я,- стучится в дверь мою, завидев свет,-
Ничего другого нет!"*

*Вспоминаю все я снова. Это был декабрь суровый
И поленьев блеск багровый тускло падал на паркет.
Тщетно ждал зари рожденья, в книгах не найдя забвенья.
Я хотел забыть Линору – ранней молодости свет!
Ангелы зовут Линорой – деву, свет ушедших лет.
В мире имени ей нет!*

*Шорох шелковый, не резкий, алой, легкой занавески
Наполнял безмерно страхом, погружая в смутный бред!
Сердце бедное смиряя, все стоял я, повторяя:
"То, наверно, гость, блуждая, ищет дверь? Кто даст ответ?
Гость, доселе незнакомый, в дверь стучится? Где ответ?
Только он, другого нет!"*

*И душа окрепла сразу. Не колеблясь уж ни разу,
"Сэр, -я молвил,- или леди, извинения мне нет!
Засыпал я, вы не знали, слишком слабо вы вначале,
Слабо в дверь мою стучали. Но, заслышав вас, в ответ
Двери распахнул широко, распахнул я их в ответ:
Только тьма, иного нет!"*

Окруженный мглою ночи, напрягая я тщетно очи,

Грезил. Грез таких доньне никогда не видел свет.
Недоступен мрак был взору. Из безмолвного простора
Слово лишь одно "Линора" долетело как привет.
Я ли прошептал: "Линора"? Эхо ль донесло ответ?
Ничего другого нет!

В комнату с душой горящей я вернулся, и стучащий
Звук раздался: был сильней он, громче, и в ответ
Я промолвил: "Окон раму ветер трогает упрямо,
Посмотрю я и увижу, разгадаю я секрет.
Успокоюсь я немного и узнаю, в чем секрет?
Ветер это или нет?"

Ставню я раскрыл с усилием и, подняв высоко крылья,
В комнату вошел степенно Ворон, живший сотню лет.
Мне не оказав почтения, он прошел без промедленья,
И на бюст Паллады сел он, тенью смутною одет,
Сел на бюст над самой дверью, сумраком полуодет,
Вверх взлетел, другого нет.

Важен был, собой доволен. Улыбнуться поневоле
Он заставил, хоть грустил я, утомлен чредою бед.
И ему сказал нестрого: "Ворон, севший у порога,
Ты оставил царство Ночи, прилетев сюда на свет.
Как ты звался у Плутона, прежде чем увидел свет?"
Каркнул он: "Возврата нет!"

Удивился я ответу, что я мог сказать на это?
Понимал я: в слове странном никакого смысла нет.
Человеку не случалось, до сих пор не доводилось
Видеть птицу, чтоб садилась в комнате, как вестник бед,
Птицу-зверя, здесь на бюсте и в жилище тенью бед,
С именем "Возврата нет!"

Одинок, печален был он, лишь одно произносил он!
Душу вкладывал всецело в каждый странный свой ответ.
Слова он не знал другого. Крылья он сложил сурово.
Я шепнул: "Друзья, надежды – все ушли, пропал и след,
Ну а ты сюда вернешься, лишь ко мне придет рассвет?"

Каркнул он: "Возврата нет!"

И хотя ответ был мрачен – удивительно удачен,
Я сказал: "Одно запомнил, что узнал он в доме бед,
У гонимого судьбою заучил он это слово,
Неудачи и невзгоды были спутниками лет,
И в печальные напевы смысл проник за много лет,
Горький смысл: "Возврата нет!"

Я невольно улыбнулся, и к нему я повернулся,
Кресло к двери пододвинул, где скрывался мой сосед.
Я на бархат опустился и в раздумье погрузился,
Спрашивал: зачем явился он, свидетель прошлых лет?
Что в пророчестве суровом он принес из мрака лет,
Каркая: "Возврата нет"?

Погружен в свои догадки, на него смотрел украдкой,
И душе моей молчавшей страшен глаз его был свет.
Думал, к бархату склоненный, лампой ночи освещенный,
Никогда здесь озаренный не увижу силуэт,
Здесь, на бархате, ни разу не увижу силуэт:
Умершим возврата нет!

Мне почудилось дыханье ароматное, шуршанье
Ангельских шагов во мраке, на ковре их легкий след.
Я воскликнул: "Бог, наверно, посылает мне спасенье?
Получу я утешенье после стольких горьких лет?
Позабуду я Линору, спутницу минувших лет!"
Каркнул он: "Возврата нет!"

Я вскричал: "О Ворон вещий! Ты, быть может, дух зловещий?
Занесен ты Сатаною или бурей? Дай ответ!
В этой горестной пустыне, в доме, данном мне отныне,
Слышу ужас, но увидев Галаадских гор хребет,
Обрету ль бальзам желанный, где бессмертных гор хребет?"
Каркнул он: "Возврата нет!"

"Птица ты иль дух, не знаю! Но тебя я заклинаю
Господом, пред кем склонил я сердце, небом всех планет!

*Мне ответь: "Верну ли снова деу райского простора,
Ту, кого зовут Линорой ангелы среди бесед?
Имя чье в садах Эдема в звуке ангельских бесед?"
Каркнул он: "Возврата нет!"*

*"Словом этим заклеянный, птица! Дьявол! В мир Плутона,-
Закричал я,- в бурю возвратись, покинь наш свет!
Не оставь пера, однако, лжи своей безмерной знака,
Что сюда принес из мрака. Удались, сгинь, словно бред!
Вынь из сердца клюв – и радость обрету, забыв твой бред!"
Каркнул он: "Возврата нет!"*

*Черные не дрогнут перья. Он сидит, сидит над дверью,
На Палладе молчаливо, неизменный мой сосед.
И глазами между тем он все глядит, глядит, как демон:
И грозит как будто всем он! Тень ложится на паркет,
И душе моей из тени, что ложится на паркет,
В прежний мир – возврата нет!*

Перевод В. Василенко

Игорь Иртеньев 1979

Аннотация: Странный гость

Странный гость

А. Кучаеву

Как-то утром за обедом
засиделся я с соседом,
Что живет со мною рядом
на другом конце страны,
Был сырой осенний вечер
зимней скукою отмечен,
Но вплетались краски лета
в синь зеленой белизны.
Не в преддверье ли весны?

Помню, темой разговора
были тезы Кьеркегора
И влияние кагора
на движение светил.
Нить беседы прихотливо
извивалась и на диво
Обстановка климатила
и сосед был очень мил -
Он практически не пил.

Словом, было все прекрасно,
но, однако, не напрасно
Я от тяжести неясной
все отделаться не мог.
Тишину моей гостиной
вдруг нарушил очень длинный
И достаточно противный
электрический звонок.

Кто вступил на мой порог?

Кто же этот гость нежданный,
что с настойчивостью странной
В этот вечер столь туманный
нарушает мой покой?
Это кто возник из ночи
и на кнопку давит очень?
Неужели на мерзавца
нет управы никакой?
А милиция на кой?!

Звон меж тем раздался снова.
— Что за наглость, право слово?! -
И нахмутив бровь сурово,
повернул я ключ в замке.
Предо мною на пороге
неулыбчивый и строгий
Вырос странник одинокий
в старомодном сюртуке
С черной птицей на руке.

Позабытые страницы
мне напомнил облик птицы,
Утлой памяти границы
вдруг раздвинулись на миг,
Вспомнил я: все это было -
"...мрак, декабрь, ненастье выло..."
И как будто из могилы
доносился хриплый крик,
Вызывавший нервный тик.

Уловив мое смятение,
он шагнул вперед из тени:
— Извините, вы Иртеньев?
У меня к вам разговор:
Мой кисет, увы, непрочен,
а табак дождем подмочен,
Что вы курите, короче?

*Я ответил: – "Беломор".
– Боже мой, какой позор, -*

*Прошептал он с возмущением
и, обдав меня презрением,
Устремился по ступеням
темной лестницы во двор.
Хлопнув дверью что есть мочи,
из подъезда вышел прочь он
И исчез. Но с этой ночи
не курю я "Беломор".
Никогда. О, nevermore!*

1979

Н. Голь, 1988

По Э. А. Стихотворения. М., 1988

ВОРОН

*Это было мрачной ночью; сны являлись мне воочью,
В смутном книжном многострочье мысль блуждала тяжело.
Над томами я склонялся, в них постигнуть суть пытался,
Вдруг как будто постучался кто-то в темное стекло...
"Это путник, -прошептал я, -мне в оконное стекло
Постучал-и все прошло".*

*Помню этот час, как ныне: мир дрожал в декабрьской стыни,
Умирал огонь в камине... О, скорей бы рассвело!
Поверял я книгам горе по утерянной Леноре -
Это имя в райском хоре жизнь вторую обрело,
Осчастливленное небо это имя обрело,
А от нас оно ушло.*

*И под шорохи гардины в сердце множились картины,
Где сплеталось воедино грез несметное число.
Чтоб избавиться от дрожи, я твердил одно и то же:
"Что же страшного? Прохожий постучал слегка в стекло,
Гость какой-нибудь заходящий постучал, придя, в стекло,
Постучал – и все прошло".*

*Так прогнав свою тревогу, я сказал: "Вздремнул немного,
Извините, ради бога, наваждение нашло.
Вы так тихо постучали, что подумал я вначале -
Не снега ли, не ветра ли застучали о стекло?
Я подумал: звук случайный, вроде ветра о стекло,
Отшумел-и все прошло".*

Дверь открыл и на ступени вышел я – лишь тьма и тени.
В сердце скопище видений умножалось и росло,
И, хоть все кругом молчало, дважды имя прозвучало -
Это я спросил: "Ленора?" (так вздыхают тяжело),
И назад печальным эхом, вдруг вздохнувшим тяжело,
Имя вновь ко мне пришло.

И прикрыл я дверь несмело. Как в огне, душа горела.
Вдруг от стука загудело вновь оконное стекло.
Значит, это не случайно! Кто там: друг иль недруг тайный?
Жить под гнетом этой тайны сердце больше не могло.
Я сказал: "Пора увидеть, что б таиться там могло,
Время, – молвил я, – пришло".

И тогда окно открыл я, и в окне, расправив крылья,
Показался черный ворон – что вас, сударь, привело? -
И на статую Паллады взмыл он, точно так и надо,
Черный, сел, вонзая когти в мрамор, в белое чело;
И пока взлетал он с пола изваянья на чело,
И минуты не прошло.

Кто бы мог не удивиться? Был он важен, как патриций.
Все меня в спесивой птице в изумленье привело.
Я спросил, забыв печали: "Как тебя в Аиде звали,
В царстве ночи, где оставил ты гнездо – или дупло?
Как тебя в Аиде кличут, чтоб оставил ты дупло?"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

Странно! Гость мой кривоносы́й словно понял смысл вопроса.
Вот ведь как: сперва без спроса залетел ко мне в тепло,
А теперь дает ответы (пусть случайно, суть не это),
В перья черные одетый, сев богине на чело;
Кто видал, чтоб сел богине на высокое чело
Тот, чье имя "Всепошло"?

Он сказал – и смолк сурово, словно сказанное слово
Было сутью и основой, тайну тайн произнесло,
Сам же, словно изваянье, он застыл в глухом молчанье,
И спросил я: "Где мечтанья, расцветавшие светло?"

Ты и сам, как все, покинешь дом мой – лишь бы рассвело!"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

Как же я не понял сразу, что твердит от раза к разу
Он одну лишь эту фразу – то, что в плоть его вошло, -
Оттого, что жил он прежде в черно-траурной одежде
Там, где места нет надежде (одеянье к месту шло!)
И хозяину былому лишь одно на память шло:
"Все прошло, прошло, прошло!"

И не то, чтоб стал я весел, -к гостю я привстал из кресел
(Он на статуе, как прежде, громоздился тяжело):
"Темной вечности ровесник, злой ты или добрый вестник?
Что за вести мне, кудесник, изречение принесло -
Неуклюжий, тощий, вещей, что за вести принесло
Это – дважды – "все прошло"?

Мысли полнились разладом, и застыл я с гостем рядом.
Я молчал. Горящим взглядом душу мне насквозь прожгло.
Тайна мне уснуть мешала, хоть склонился я устало
На подушки, как склоняла и она порой чело...
Никогда здесь, как бывало, больше милое чело
Не склонится – все прошло.

Мнилось: скрытое кадило серафимы белокрыло
Раскачали так, что было все от ладана бело,
И вскричал я в озаренье: "О несчастный! Провиденье
В пенье ангелов забвенье всем печалям принесло,
От печали по Леноре избавленье принесло!"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

"О пророк! – спросил его я, – послан будь хоть сатаной,
Кто б ни дал тебе, изгою, колдовское ремесло,
Мне, всеведущий, ответствуй: есть ли в скорбном мире средство,
Чтоб избавиться от бедствий, чтоб забвенье снизошло?
Где бальзам из Галаада, чтоб забвенье снизошло?"
Ворон каркнул: "Все прошло!"

"О пророк!- призвал его я. – Будь ты даже сатаной,

*Если что-нибудь святое живо в нас всему назло, -
Отвечай: узрю ли скоро образ умершей Леноры?
Может, там, в Эдеме, взору он откроется светло,
В звуках ангельского хора он придет ко мне светло?"
Ворон каркнул: "Все прошло!"*

*"Хватит! Птица или бес ты – для тебя здесь нету места!-
Я вскричал. – В Аид спускайся, вечно черное жерло!
Улетай! Лишь так, наверно, мир избавится от скверны,
Хватит этой лжи безмерной, зла, рождающего зло!
Перестань когтить мне сердце, глядя сумрачно и зло!"
Ворон каркнул: "Все прошло!"*

*Вечно клювом перья глядя, вечно адским взором глядя,
Когти мраморной Палладе навсегда вонзив в чело,
Он застыл, и тень ложится, и душе не возродиться
В черной тени мрачной птицы, черной, как ее крыло;
И душе из тени – черной, как простертое крыло,
Не воспрянуть... Все прошло!*

Перевод Н. Голя, 1988

Вадим Вязьмин 1988

Очень вольный перевод ВАДИМ ВЯЗЬМИН "ЕГО
ДОМ И ОН САМ" (Сказка для взрослых), Москва,
"Художественная литература", 1988

Ворон.

Очень вольный перевод.

Раз под полночь дождик крапал,
Видно, черт погоду стряпал,
О, да так и не достряпал -
В стельку пьян лежит с тех пор.
Я корпел над старым томом...
Вдруг как будто нежно, томно
Зацарапал кто-то скромно,
Закорябал двери створ -
Только створ and nothing more* -
Только створ, ни на фиг мор.

Дверь открыл я – Черный Ворон,
Весь дверным пропитан створом,
Полуночный черный вор он,
Нагло начал разговор.
На наречье низкой черни
Подлый, злобный вран вечерний,
Каркнул гад, ругнувшись скверно,
Скрипнул, как ружья затвор:
"Фига с маслом, невермор!"

Я сказал: "Мне странно это,
Я скажу вам по секрету,
У меня терпенья нету
Слушать этот пошлый вздор!
Я шутить с тобой не стану,

Шутки мне не по карману.
Неприлично это врану
Нагло врать во весь опор -
Невер-невер-невермор!"

Но, блеснув отважно задом,
Ворон сел на бюст Паллады
И – откуда спесь у гада? -
Важно, всем наперекор,
Гонишь в дверь – в окно взлетает,
Сел на бюст и продолжает,
С идиотским видом грает,
Зол, коварен и хитер:
"Фига с маслом, невермор!"

В этом грае воронячем,
Иногда как будто в грачем,
То как в тявканье собачьем -
Бред сплошной, мура и вздор.
Я спросил: "Когда, паскуда,
Уберешься ты отсюда?"
И ответил мне цуда,
Полуночный черный вор.
Квакнул Ворон: "Невермор!"

И захрюкал по-свинячьи,
Загундел по-лягушачьи,
Плясь на меня по-рачьи,
Важен, как тореадор...
Но не знал он, гадкий, злобный,
Что уже ворчать утробно
Не на век ему способно:
От террора за террор
Не уйдет он – невермор!

Уж в засаде кот мой верный,
Кот мой, что умен безмерно,
Кот, что всякой твари скверной
Не замедлит дать отпор!

*Кот по полу распластался
И на гадкого бросался!
Каркнул Ворон: "Пощадите!
Отпустите на простор!"
Кот мурлыкнул: "Невермор!"*

*И когда меж мной и дверью
Полетели пух и перья -
Черный пух, такие ж перья,
Руки я к нему простер,
От кота его избавил
И на улицу отправил,
И ко мне уж больше в гости
Полуночный черный вор
Не заглянет – невермор!*

** И более ничего (англ.).*

В. Топоров 1988

По Э. А. Стихотворения. М., 1988

ВОРОН

*В час, когда, клонясь все ниже к тайным свиткам чернокнижья,
Понял я, что их не вижу и все ближе сонный мор, -
Вдруг почудилось, что кто-то отворил во тьме ворота,
Притворил во тьме ворота и прошел ко мне во двор.
"Гость, – решил я сквозь дремоту, – запоздалый визитер,
Неуместный разговор!"*

*Помню: дни тогда скользили на декабрьском льду к могиле,
Тени тления чертили в спальне призрачный узор.
Избавленья от печали чаял я в рассветной дали,
Книги только растрavляли тризну грусти о Линор.
Ангелы ее прозвали – деву дивную – Линор:
Слово словно уговор.*

*Шелест шелковый глубинный охватил в окне гардины -
И открылись мне картины бездн, безвестных до сих пор, -
И само сердцебиенье подсказало объясненье
Бесконечного смятенья – запоздалый визитер.
Однозначно извиненье – запоздалый визитер.
Гость – и кончен разговор!*

*Я воскликнул: "Я не знаю, кто такой иль кто такая,
О себе не объявляя, в тишине вошли во двор.
Я расслышал сквозь дремоту: то ли скрипнули ворота,
То ли, вправду, в гости кто-то – дама или визитер!"
Дверь во двор открыл я: кто ты, запоздалый визитер?
Тьма – и кончен разговор!*

*Самому себе не веря, замер я у темной двери,
Словно все мои потери возвратил во мраке взор. -*

Но ни путника, ни чуда: только ночь одна повсюду -
И молчание, откуда не шепнул я вдаль: Линор?
И ответило оттуда эхо тихое: Линор...
И окончен разговор.

Вновь зарывшись в книжный ворох, хоть душа была как порох,
Я расслышал шорох в шторах – тяжелей, чем до сих пор.
И сказал я: "Не иначе кто-то есть во тьме незрячей -
И стучится наудачу со двора в оконный створ".
Я взглянул, волненье пряча: кто стучит в оконный створ?
Вихрь – и кончен разговор.

Пустота в раскрытых ставнях; только тьма, сплошная тьма в них;
Но-ровесник стародавних (пресвятых!) небес и гор -
Ворон, черен и безвремен, как сама ночная темень,
Вдруг восстал в дверях – надменен, как державный визитер
На плечо к Палладе, в тень, он, у дверей в полночный двор,
Сел – и кончен разговор.

Древа черного чернее, гость казался тем смешнее,
Чем серьезней и важнее был его злоеющий взор.
"Ты истерзан, гость нежданный, словно в схватке ураганной,
Словно в сече окаянной над водой ночных озер.
Как зовут тебя, не званный с берега мертвенных озер?"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

Человеческое слово прозвучало бестолково,
Но загадочно и ново... Ведь никто до этих пор
Не рассказывал о птице, что в окно тебе стучится, -
И на статую садится у дверей в полночный двор,
Величаво громоздится, как державный визитер,
И грозит: приговор!

Понапрасну ждал я новых слов, настолько же суровых, -
Красноречье – как в оковах... Всю угрозу, весь напор
Ворон вкладывал в звучанье клички или прорицанья;
И сказал я, как в тумане: "Пусть безжизненный простор.
Отлетят и упованья – безнадежно пуст простор".
Каркнул Ворон: "Приговор!"

Прямо в точку било это повторение ответа -
И решил я: Ворон где-то подхватил чужой повтор,
А его Хозяин прежний жил, видать, во тьме кромешной
И твердил все безнадежней, все отчаянней укор, -
Повторял он все прилежней, словно вызов и укор,
Это слово – приговор.

Все же гость был тем смешнее, чем ответ его точнее, -
И возвел я на злодея безмятежно ясный взор,
Поневоле размышляя, что за присказка такая,
Что за тайна роковая, что за притча, что за вздор,
Что за истина седая, или сказка, или вздор
В злобном карке: приговор!

Как во храме, – в фимиаме тайна реяла над нами,
И горящими очами он разжег во мне костер. -
И в огне воспоминаний я метался на диване:
Там, где каждый лоскут ткани, каждый выцветший узор
Помнит прошлые свиданья, каждый выцветший узор
Подкрепляет приговор.

Воздух в комнате все гуще, тьма безмолвья – все гнетущей,
Словно кто-то всемогущий длань тяжелую простер.
"Тварь, – вскричал я, – неужели нет предела на пределе
Мук, неслыханных доселе, нет забвения Линор?
Нет ни срока, ни похмелья тризне грусти о Линор?"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

"Волхв! – я крикнул. – Прорицатель! Видно, Дьявол – твой создатель!
Но, безжалостный Каратель, мне понятен твой укор.
Укрепи мое прозренья – или просто подозренья, -
Подтверди, что нет спасенья в царстве мертвенных озер, -
Ни на небе, ни в геенне, ни среди ночных озер!"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

"Волхв! – я крикнул. – Прорицатель! Хоть сам Дьявол твой создатель,
Но слышал и ты, приятель, про божественный шатер.
Там, в раю, моя святая, там, в цветущих куцах рая. -

Неужели никогда я не увижу вновь Линор?
Никогда не повстречаю деву дивную – Линор?"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

"Нечисть! – выдохнул я. – Нежить! Хватит душу мне корезить!
За окошком стало брезжить – и проваливай во двор!
С беломраморного трона – прочь, в пучину Флегетона!
Одиночеством клейменный, не желаю слушать вздор!
Или в сердце мне вонзенный клюв не вынешь с этих пор?"
Каркнул Ворон: "Приговор!"

Там, где сел, где дверь во двор, – он все сидит, державный Ворон
Все сидит он, зол и черен, и горит зловещий взор.
И печальные виденья чертят в доме тени тленья,
Как сгоревшие поленья, выткав призрачный узор, -
Как бессильные моленья, выткав призрачный узор.
Нет спасенья – приговор!

Перевод В. Топорова, 1988

Henry Beard

*Poetry for Cats: The Definitive Anthology of
Distinguished Feline Verse*

THE END OF 'THE RAVEN'

*(The completed missing passages)
By Edgar Allen Poe's Cat
from Poetry for Cats: The Definitive Anthology of
Distinguished Feline Verse by Henry Beard*

*On a night quite enchanting,
When the rain was downward slanting,
I awakened to the ranting
Of the man I catch mice for.
Tipsy and a bit unshaven,
In a tone I found quite craven,
Poe was talking to a raven
Perched above the chamber door.
"Raven's very tasty," thought I, as I tiptoed o'er the floor,
"There is nothing I like more"*

*Soft upon the rug I treaded,
Calm and careful as I headed
Towards his roost atop that dreaded bust of Pallus I deplore.
While the bard and birdie chattered,
I made sure that nothing clattered,
Creaked, or snapped, or fell, or shattered,
As I crossed the corridor;
For his house is crammed with trinkets, curious and weird decor,
Bric-a-brac and junk galore.*

*Still the raven never fluttered,
Standing stock-still as he uttered,
In a voice that shrieked and sputtered,*

His two cents worth - "Nevermore."

*While this dirge the birdbrain kept up,
Oh, so silently I crept up,
Then I crouched and quickly leapt up,
Pouncing on the feathered bore.
Soon he was a heap of plumage, and a little blood and gore -
Only this and not much more.*

*"Oooo!" my pickled poet cried out,
"Pussycat, it's time I dried out!
Never sat I in my hideout
Talking to a bird before;
How I've wallowed in self-pity,
While my gallant, valiant kitty
Put an end to that damned ditty" -
Then I heard him start to snore.
Back atop the door I clambered, eyed that statue I abhor,
Jumped – and smashed it on the floor.*

Only this and nothing more.

В.Саришвили 1995

В.Саришвили 1995 Если вам известен перевод которого здесь нет, пожалуйста, пришлите или оставте ссылку где его можно найти.

В.Е.К. 1998

Текст написан только латинскими заглавными буквами!

ВОРОН

НА ТЕРРАСЕ, В РАННЕМ МАЕ, СОН МНЕ ВЕТЕР НАВЕБАЕТ,
СОН О НЕЗЕМНОМ, О РАЕ, О НЕСКРОМНОМ, О ВЕЧЕ,
НО ВО МРАКЕ ЗАКОНОМНОМ – ТАК-ТАК-ТАК! – КАК В СКОКЕ
КОМНОМ,
КТО-ТО В ТАКТЕ МОНОТОННОМ... – ВЕРНО ВЕТКА НА ОКНЕ?
ВЕТКА, ВЕТКА НЕСОМНЕННО, ВЕТКА НА МОЕМ ОКНЕ,
А НЕ ВАРВАР НА КОНЕ!

ВАРВАР? НЕТ! СКОПЕЕ В СКОКЕ... ХРОНОС? ПОК? НАМЕК О
СРОКЕ?

В СТРАХЕ, В НЕПВНОМ КРОВОТОКЕ – КТО ТАМ В ТЕМНОТЕ
КАК ВОР?

КТО В СВОЕМ НЕСКРОМНОМ ТРЕСКЕ, ТАМ, КАК ВЕТЕР В
ЗАНАВЕСКЕ,

В МЕРТВЕННОМ, НЕПВНОМ СВЕТЕ, МНЕ ВО СНЕ НЕСЕТ
ТЕРРОР?

В ПОКОВОМ НЕПВНОМ СВЕТЕ КТО НЕСЕТ ВО СНЕ ТЕРРОР?
ВЕРНО, ВОРОН НЕВЕРМОГ?

ТОТ, КТО НА КОРМАХ ХАРОНА, НА РАССВЕТЕ – ВНЕ ЗАКОНА,
В НОМЕРЕ СВОЕМ КОРОМНОМ – ТАК-ТАК-ТАК! – КАК
МЕТРОНОМ,

КАК ТАМТАМ, КАК ЗЕВСА КАРА, КАК КЕНТАВР С ТАВРОМ
ТАРТАРА,

ТАК, КАК ХОР НА АХЕРОНЕ В СТРАННОМ СНЕ О НЕЗЕМНОМ,
САТАНА НА СТРАННОМ ТРОНЕ В НЕПВНОМ СНЕ О НЕЗЕМНОМ,
ТАК, КАК ВЕТКА ЗА ОКНОМ.

СКОРО ВСЕ ЗАРОЗОВЕЕТ, СВЕТ С ВОСТОКА СТРАХ РАЗВЕЕТ,

CHOBA ВЕТЕРОК ЗАБЕЕТ В КРАЕ РОС, СТРАНЕ ОЗЕР...
НО ЗАТЕМ, ВО МРАКЕ СОННОМ, ВОРОН В СТАЕ С АХЕРОНА
РЕВНОСТНО, НО ОТСТРАНЕННО НЕ СОМКНЕТ ВО МРАКЕ ВЗОР,
ВОРОН, КТО ВО МРАКЕ СОННОМ НЕ СОМКНЕТ НА ВАХТЕ
ВЗОР
CHOBA КАРКНЕТ: "НЕБЕРМОР"!

Анна Парчинская 1998

Ворон

Поздней ночью, утомлённый,
Разбирая труд учёный,
Задремал я, не осилив витьеватый древний слог.
Вдруг неясный звук раздался.
Вздрагнул я, мой сон прервался.
Не прохожий ли стучался, забредя на мой порог?
В ночь декабрьскую глухую он с дороги сбиться мог.
И, наверное, продрог.
Помню, как случилось это:
В ожидании рассвета,
Я пытался в книгу вникнуть, сердце чтеньем усмирить.
В одиночестве и горе
Я читал, но понял вскоре:
Тщетно мысли о Линоре я пытаюсь заглушить.
Мысль об умершей Линоре обрывала смысла нить,
Рассуждений книжных нить.
Ах, я помню это ясно:
На дворе декабрь ненастный,
От камина отсвет красный на полу и на стене.
Тёмной шторы колыханье,
Шелка лёгкое шуршанье,
Словно шёпот и дыханье в напряжённой тишине,
Чей-то шёпот и дыханье в полуночной тишине,
Как бывает в страшном сне.
Я сказал себе: "Проверю,
Не стоит ли гость за дверью?
Может, кто-то по ошибке завернул ко мне домой.
Нет причины для волненья,
Гость случайный, без сомненья,
Перепутал направление в непроглядной тьме ночной".
Двери настежь отворил я – никого лишь ветра вой.
Только снег и мрак ночной.

Не надеясь и не чая,
Почему, и сам не знаю,
Произнёс я громко имя той, которой больше нет.
Было слышно еле-еле,
Как, вплетаясь в плач метели,
Тихим эхом долетели звуки слабые в ответ.
Только эхо долетело, словно отражённый свет.
Только ветер выл в ответ.
Я в сердцах захлопнул двери.
Говоря себе: "Уверен,
Что причина странных звуков, вдруг наполнивших мой дом, -
Лишь причуды непогоды,
Лишь явление природы", -
Я услышал что-то вроде тех же звуков за окном.
Тотчас явственно услышал, что стучали за окном,
Будто в ставни долотом.
Вот, опять... Ах, так?... Ну, что же...
Я окно открыл – о Боже!
Шумно, с ветром, с пылью снежной тенью в комнату влетел,
Сел на полку возле двери,
Не спеша оправил перья
Старый ворон – лишь теперь я визитёра разглядел.
Птицу, прозванную вещей, лишь теперь я разглядел.
Гость нисколько не робел.
Как монах, сутул и чёрен,
Ворон, вроде бы, как ворон,
Но солидностью забавной отличался визитёр.
Как испанский гранд, отважен,
Так же чопорен и важен,
Я развеселился даже и завёл с ним разговор:
– Снизойдите, назовите ваше имя, мой сеньор.
Каркнул ворон: – *Nevermore!*
– Вещий ворон к славе вящей
Оказался говорящий.
Да, – подумал я с усмешкой, – презабавнейший сеньор.
Скоро он меня покинет,
Мокрый след его простынет.
Всё пройдёт, и это минет. Время – ненасытный вор.
Странный гость меня покинет, как надежды, как Линор.

Каркнул ворон: – *Nevermore!*
И внезапно отчего-то
У меня прошла охота
Забавляться видом птицы. Мой незванный визитёр
В трансе странном и глубоком
Колдуна или пророка
Неподвижным влажным оком сверху вниз глядел в упор.
Дьявольским горящим оком на меня глядел в упор.
Повторяя: "*Nevermore*".
Я сидел в оцепененье,
Кожей чувствуя движенье
Тел бесплотных, слышал пенье – отдалённый тихий хор.
Сердце бешено забилося:
Может, это Божья милость,
Что-то тайное случилось, и они вернут Линор?
Нет! Лишь только в мире вечном встречу милую Линор.
Каркнул ворон: – *Nevermore!*
– Хоть на время дай забыться! -
Крикнул я жестокой птице,
– Не желаю больше слышать, как талдычишь жалкий вздор.
Милосердное забвенье
Разомкнёт событий звенья,
Дней связующие звенья, дней, заполненных Линор.
Боль утихнет, я забуду об утраченной Линор.
Каркнул ворон: – *Nevermore!*
Навсегда теперь он рядом
И горящим злобным взглядом,
Неподвижным жутким взглядом на меня глядит в упор.
И, лишённый сил и воли,
Я к своей прикован боли,
И не вырваться, доколе в силе страшный приговор -
Нет и проблеска надежды, точно в слове "*nevermore*",
В беспощадном "*nevermore*".

Перевод с англ. Анны Парчинской

В. Космолинская 1999

Ворон

Black Lion Duke

*Полночь, раз, была глухая; мысли – вялы и усталы,
Множество преданий странных в старой книге я прочел,
Грезил в зыбкой полудреме, и услышал незнакомый
Звук, как стук – неясный, скромный, в дверь жилища моего.
"Видно, гость, – пробормотал я, – у жилища моего.
Путник – только и всего."*

*Помню ясно, как вчера я – был Декабрь, и догорая,
Угольки, как души, тая, рассыпались в прах и сор.
Жаждал утра я со страстью; дел себе искал напрасно,
В море книг топил несчастье, – спи, погибшая Линор, -
Незабвенный, лучезарный, ангел с именем Линор, -
Имя здесь – ничто, с тех пор.*

*Тут, звенящий тихий шорох заскользил в пурпурных шторах,
Ужасом пронзив, какого прежде я не знал еще;
И, чтоб сердце успокоить, повторил себе я строго:
"Это гость, что ищет крова – у жилища моего.
Путник поздний ищет крова у жилища моего.
Путник, только и всего."*

*Дрожь в душе своей унявши, я решил не медлить дальше,
"Сэр, – сказал, – Мадам, быть может, – право, искренней всего,
Умоляю вас, простите, был ваш стук настолько тихим,
Деликатнейшим и тихим в дверь жилища моего,
Что я вас едва расслышал." – Отпер дверь... И – никого.
Тьма лишь, больше ничего.*

*Я стоял, ошеломленный, в тьму глядящий, напряженный,
Дикой грезой пронзенный, небывалой до сих пор...*

Долго ждал, но тьма молчала, больше знака не давала.
И одно лишь было слово здесь обронено: "Линор?" -
Я шепнул его, и эхо мне вернуло вздох: "Линор!"
Ясный вздох – и явный вздор.

В дом пустой вернувшись снова, с болью в сердце – нет ей
слова,
Вскоре стук услышал новый – громче прежнего того.
"Видно, – я сказал, – там что-то бьет в оконную решетку.
Надо бы проверить, что там странно так стучит в окно.
Только сердце успокою, и взгляну, что бьет в окно.
Ветер лишь, скорей всего!"

Только распахнул я ставни, как влетел, шумя крылами,
В дом мой Ворон величавый, очевидец тьмы времен.
И надменно, без почтения, без малейшего смущенья,
Будто лорд, без приглашенья, важно сел над дверью он -
Заскочив на бюст Паллады, важно, будто бы на трон, -
Сел, и все, и замер он.

И при виде черной птицы, смог я вдруг развеселиться,
Словно шутка над испугом – этот траурный убор.
"Хоть хохол торчит – не очень, не пуглив ты, это точно, -
Я признал. – Зловещий Ворон, знающий Ночной простор -
Как зовешься, покоривший Ночь – Плутона злой простор?"
Ворон каркнул – "Nevermore!"¹

Потрясен я был нескладной птицей, говорившей складно,
Пусть ответ ее, конечно, был не складный разговор;
Невозможно согласиться, чтоб к кому влетела птица,
Осчастливив тем, что села, как еще один затвор, -
На скульптурный бюст над дверью, будто чудище-затвор, -
С этой кличкой – "Nevermore".

Но сидел он отрешенно, так сказав, на бюсте, словно,
Вместе с этим странным словом жизнь покинула его,
Ничего не добавляя, ни пера не поправляя -
Лишь когда пробормотал я, "Как друзья все, до сих пор -
Утром он меня оставит, как Надежды, до сих пор." -

Вдруг изрек он: "Nevermore."

От внезапности я вздрогнул – да и кстати было слово.
"Несомненно, – я промолвил, – заучил он этот вздор -
Вздых хозяина, чьи беды не давали видеть света,
И печалям стал ответом, как припев иль заговор -
И надеждам отпеваньем – тот тоскливый заговор:
"О, довольно – nevermore."

Но, как прежде, эта птица – повод, в шутке, мне забыться;
Кресло к двери развернул я, к бюсту, к Ворону в упор,
И на бархат опустился, и в фантазии пустился,
Сочиняя, что пророчил мне посланец давних пор -
Черный, мрачный и ужасный очевидец давних пор,
Мне прокаркав: "Nevermore."

Так сидел я, в размышленье, но уже без обращенья
К птице, чьи глаза сверкали, в сердце мне вжигая взор,
И мечтал я, отдыхая, мягкий бархат приминая,
Что свет лампы, обтекая, в странный превращал узор.
Фиолетовый тот бархат, тот причудливый узор,
Ей не смять, ах, nevermore!

Воздух, в сладком представленье, загустел в хмельном куренье -
Серафим махнул кадилом, став незримо на ковер.
"Бедный грешник, – тут вскричал я, – Божьи ангелы, слетая,
Дарят отдых, мир, непентес¹ горькой скорби о Линор;
Жадно пей благой непентес – пей, и позабуди Линор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore."

Я сказал: "Исчадь ада! – Ворон вещий, или дьявол! -
Послан ли сюда Лукавым, или брошен в сей простор
Ты неистовой стихией, в царство колдовской пустыни,
В дом, где Ужасом все стынет – о, ответь мне, вещий взор -
Ждет ли Галаад целебный? – заклинаю, вещий взор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore."

Я сказал: "Исчадь ада! – Ворон вещий, или дьявол! -
В Небесах, что Бог над нами, возлюбивший нас, простер -

*Предреки: душе скорбящей, ныне далеко бродящей,
Встретится святая дева – ангел с именем Линор,
Незабвенный, лучезарный ангел с именем Линор."
Каркнул Ворон: "Nevermore."*

*"Птица-бес, ты стала лишней! – завопил я тут, вскочивши. -
Убирайся – в Ночь, и Бурю, и Плутона злой простор! -
Черных перьев не роняя, знака лжи не оставляя,
Дом немедля покидая – наш закончен разговор!
Клюв свой вынь навек из сердца, прочь же, кончен разговор!"
Каркнул Ворон: "Nevermore."*

*И сидит, сидит неслышно, не взлетая, неподвижно,
Дремлет на Палладе бледной черный демон до сих пор;
Но глаза его сверкают, ничего не упускают,
В свете лампы он роняет тень на вытертый ковер.
И душе моей из тени, тяжело павшей на ковер,
Не подняться – nevermore.*

перевод – февраль 1999

И. Голубев 2001

(СТИХИиА, кн.3. М., Ладомир, 2001)

Ворон

Перевод Игоря Голубева

*Било полночь. Был я болен, духом пуст и обездолен,
Заблудился в старой Книге, в неразгаданных словах.
Пробужденье от кошмара прозвучали три удара,
Как когда-то – три удара старой битой на дверях.
Я подумал: там прохожий зябко ёжится в дверях,
Заблудившийся в полях.*

*Только я привстал со стула, лампа, помню я, мигнула,
Пламя словно бы от ветра закачалось на свечах.
И внизу качнулись тени – сумма смуты и смятений,
Не вопросы, просто тени, молча лёгшие во прах...
Ах, Ленор, моя утрата, ночи, лёгшие во прах...
Ты ушла – и мир зачах.*

*Зашуршало что-то в шторах, из угла донёсся шорох,
Будто ночи одиночеств отражаются в вещах,
Довершают мне потерю приглашеньем к суеверью,
Тут же кто-то ждёт за дверью с чёрной ночью на плечах...
Я нарочно медлю, что ли? Поневоле смутный страх,
Если полночь на часах.*

*Впрочем, хватит! Может, хуже там – кому-то – в зимней стуже.
Я откинул крюк тяжёлый и за дверью нараспах
Огляделся: "Гость иль гостья, здесь темно как на погосте,
Где же вы? Не прячьтесь, бросьте!..." – Пустота и снежный прах.
Леденеющий от злости, ветер гонит снежный прах,
Стонет в кленах и в кустах.*

Но озноб бежит по коже не от ветра, не похоже,

Вроде б что-то или кто-то, заблудившийся в мирах,
Из глубин декабрьской ночи сообщить мне что-то хочет,
Передать мне что-то хочет знаком или на словах.
Вдруг "Ленор" шепнуло эхо... Может – я позвал впотьмах,
Может, просто шум в ушах.

У меня замёрзло сердце, я вернулся в дом согреться,
Сел к камину и услышал тот же стук, вернувший страх.
Но сказал себе: "Так часто клёны полночью стучатся,
Нам мерещатся несчастья, людям, жмущимся в домах, -
Будто призраки стучатся к людям, жмущимся в домах,
А всего-то – ветки взмах".

Но едва окно раскрыл я, вижу клюв, глаза и крылья -
Мне шагнул навстречу Ворон, и крыла тяжёлый взмах
Чадо Вечности и Ада перенёс на бюст Паллады...
Мне за слёзы так и надо – слишком горем я пропах.
Хоть какой, да собеседник: если горем я пропах,
Скажет "Крра!" в ответ на "Ах!..."

Как он важен, как вальяжен, хоть и чёрен, да не страшен,
И едва ль его жилище – на Летейских берегах.
Если был бы он и вправду Вестник Рая, Ворон Ада,
Мне узнать бы было надо, как зовётся в тех мирах.
Ну, давай! Ответствуй, Ворон, как ты звался в тех мирах!
Ворон горько каркнул: "Крах!"

Я отпрянул: ну и диво! Птица дьявольски учтива,
Хоть запуталась, бедняга, в разных птичьих именах.
Вышло чётко; но, однако, имя – нечто вроде знака,
Можно звать и так и всяко, но своих домашних птах,
Даже пусть больших и чёрных, но никто домашних птах
Не терзает кличкой "Крах".

Как он прочно сел над дверью! – видно, чувствует доверье.
В этом чудится мне что-то, встарь мелькавшее в мечтах.
Где мечты?... Где шатъя братья?... Не могу друзей собрать я,
Словно некое проклятье на моих лежит друзьях.
Что же нужно, чтоб остался хоть бы ты – в моих друзьях?

Ворон горько каркнул: "Крах!"

Вздрыгнул я. За чёрным словом – жалким жизненным уловом –
Чей-то чёрный крест увидел на надеждах и делах.
Был хозяин птицы – нытик, духом полный паралитик,
Вы таких не окрылите, – он почти с восторгом чах.
Ворон слушал это слово, а хозяин чах да чах –
Сам себе накаркал крах.

Вещий Ворон, тощий Ворон, чей-то горестный позор он
Поневоле выдал миру: что ему в людских речах!...
Я придвинулся: наверно, понимает он неверно,
Но – сиянье или скверну слышит он в таких словах?
Что он, Ворон, смутно видит в человеческих словах –
Для примера, в слове "крах"?

Не "любовь" ли?... Вдруг воскресло, как она садится в кресло,
И опять сидим мы рядом и мечтаем при свечах...
Может, ей, такой прекрасной, к высшим таинствам причастной,
На земле – такой несчастной, место – там, на Небесах?
Для неё, кого с рожденья ждали там, на Небесах,
Смерть – Призвание, а не крах?...

И в ответ мне – полузримо в клубах ладанного дыма
Появились серафимы с горним светом на челах.
"Вот мне знак! Теперь я знаю: горем я Ленор терзаю!...
Жечь, как я сейчас дерзаю, душу на ночных кострах –
Пусть оставлю! – и тогда мне вместо жизни на кострах
Будет..." Каркнул Ворон: "Крах!"

"Ты! Подделка под пророка! Не казни меня до срока!
Будь ты птица, будь ты демон, ты – знаток в таких вещах.
Не в пустыне злого Рока, так на папертях Востока,
Не в твоей стране порока, так в иных каких краях –
Подскажи – какое средство стать беспмятным как прах?!"
Ворон горько каркнул: "Крах!"

"Ты! Подделка под пророка! Ты – не морок, ты – морока.
Хоть бы видимость надежды отыскать в твоих словах!..."

*Подтверди мне не переча, что блаженной будет встреча,
Что Ленор, затеплив свечи, ждёт меня на Небесах.
Что же – ну, ответствуй, демон! – ждёт меня на Небесах?"
Ворон горько каркнул: "Крах!"*

*"Вот и знак, пернатый дьявол: ты мой враг, ты вновь слукавил,
Ты пронзил мне клювом сердце, – изыди, вселенский страх!
Не переча, не пророка – прочь, порочный отпрыск Ночи,
В дверь, в окно – решай, как проще, каркай там, в пустых полях.
Что тебе в моих мученьях, что тебе в моих мечтах?..."
Ворон горько каркнул: "Крах!"*

*Так сидит и до сих пор он, и следит за мною Ворон,
Белый бюст и чёрный Ворон сторожат меня в дверях.
Взгляд – как огненная спица, и хотя недвижна птица,
Тень под нею шевелится, как крыла протяжный взмах,
Мне из глубы этой тени всё виднее каждый взмах,
Всё роднее слово "крах".*

Тибул Камчатский 2002

Внимание! ненормативная лексика

*Поздней ночью, раздраженный,
Разбирая труд говенный,
Задремал я, не осилив перевода глупый слог.
Вдруг неясный стук раздался.
Вздвогнул я, и обоссался:
Что за на фиг? Что за сука лезет, блин, на мой порог?
Ща как выйду, напинаю и меж глаз и между ног!
Преподам ему урок.*

*Помню, как случилось это:
В ожидании просвета
Я пытался между фиги хоть полстрочки разобрать.
А потом случилось горе -
Я читал, но понял вскоре:
Тут ошибка на ошибке. Что за на фиг, что за блядь?
Может нас решили просто переводом наебать?
Просто взять – и наебать?*

*Да, я это помню ясно -
Как пытался я напрасно
Разобраться – в чем же, братцы, переводов новых суть?
Рифм нелепых сочетанье,
Всяких глупостей мечтанья,
И, конечно же, страданья, что, теснясь, волнуют грудь.
Я подумал: лучше дам я пиздюлей кому-нибудь.
Выйду – дам кому-нибудь!*

*Я сказал себе: проверю,
Что за хуй торчит за дверью?
Может, это переводчик с толстой сумкой на ремне?
В сумке всякие листочки:
Там и проза, и стишочки,
И понятно с полустрочки, что за хуй пришел ко мне.*

Это чудо-переводчик с толстой сумкой на ремне.
Взял, да и пришел ко мне.

Не надеясь и не чая,
Встал я, и, пожав плечами,
Дверь толкнул, надеясь в морду сразу двинуть сгоряча.
Только вижу: там за дверью
Только звезды, только звери
Бродят по лесу густому, озираясь и рыча.
Смылся подлый переводчик, ужасающе крича.
Сумкой толстою бренча.

Я в сердцах захлопнул двери,
И сказал себе: уверен,
Если б этот гад не смылся, я бы в морду дал ему.
Я бы даже расстарался,
Просто б взял – и оторвался
На его паскудной морде, шоб прибавилось уму.
И по шее дал бы тоже, чтобы знал, чего к чему,
Отчего и почему.

Вот опять... Ах ты сучонок!
Я взвинтился, как волчонок,
Завертелся я на месте – чуть ли сам не охуел.
Дверь тихонько отворилась
И в темнице появилась...
Нет, конечно: появился – переводчик, шустр и смел.
Жаль под мерзкою ухмылкой я лица не разглядел.
Гость нисколько не робел.

Был подтянут он и тонок,
Улыбался, как ребенок,
Но солидностью забавной отличался гость незван.
Как испанский гранд, отважен,
Так же чопорен и важен.
Я развеселился даже, вдруг почувствовав обман.
Я спросил: как ваше имя, глупый вумэн... или манн?
Он ответил: – "Graf o'Mann"!

Переводчик, к славе вящей,
Оказался говорящий.
Был как будто настоящий. В голове стоял туман -
Я подумал: это белка.
Видно пил из чашки мелкой,
Надо бы, чтобы забыться, поскорее взять стакан.
А быть может это просто глюк или самообман,
Переводчик Graf o"Mann?

И внезапно отчего-то
У меня прошла охота
Забавляться его видом – хоть он глуп, как истукан.
И в прострации глубокой
Посмотрел я злобным оком
На его холеный профиль, на улыбочку-фонтан.
И сказал: вали отсюда, ты, придурок и чурбан,
Как тебя бишь? – "Graf o"Mann"!

Я подумал: черт, а может,
Все же дать ему по рожке -
И тогда он перестанет улыбаться, как болван?
Будет к слову осторожен,
Станет тексты править строже.
А, быть может... сам напишет эпопею иль роман!
Может он почти хороший, не такой уж и чурбан?
Этот... В-общем, "Graf o"Mann".

Выпив, затушив окурок,
Я вскричал: учти, придурок!
Если ты пришел за славой – широко держи карман!
Ты скажи за то спасибо,
Что твой текст, урод спесивый,
Я прочел – хоть и говно он, и хоть я немного пьян.
Может быть, ты переводишь, когда кушаешь дурман?
Переводчик "Graf o"Mann"?

Он молчал, стоял как небыль,
Я сидел и думал: где бы
взять нам сил, чтобы случайно тоже не попасть в капкан.

*Потому что эта нежить,
будет также жить и нежить
Всех подряд – так что не важно, пан ты или ты пропан.
К нам ко всем приходит в гости переводчик "Graf o"Mann",
Беспощадный "Graf o"Mann"!*

А. Бальюри 2003

А. Бальюри

Ворон

Как-то раз, влекомый тайной, я склонялся над туманной
Книгой одного пророка, кто пытался на краю
Быть меж Дьяволом и Богом... Вдруг, как будто бы негромко,
Будто кто-то мимоходом постучался в дверь мою.
"Странник,- я решил,- стучится осторожно в дверь мою".
"Просто странник",- говорю

Сам себе. Я помню ясно, как в камине угли гасли,
И полуночные тени ткали призрачный узор.
Ожидая час рассвета, я постичь пытался тщетно
Книгу, полную намёков, как вернуть мою Линор, -
Ту, что ангелы на небе меж собой зовут Линор,
А земля молчит в укор.

Её нет. Вздывал как горы ветер пурпурные шторы,
Наполняя душу жутью, что давно уже не знал -
Жутью нервного провала. Сердце бешено скакало.
Чтоб унять его волненье, я бессвязно повторял:
"Это странник одинокий попросился на привал.
Вот кто в дверь мою стучал!"

Мне немного полегчало. Я тогда решил сначала
Оправдаться: "Сэр иль леди, моя дверь не заперта!
Извините, Бога ради, просто я листал тетради.
Зачитался. Стук ваш тихий стёрся шорохом листа",-
Я толкнул двумя руками дверь, не закрывая рта, -
Только ночь и темнота.

Удивлённый, в изумленье я стоял, но даже тени
Пребывали неподвижны, месяц лишь цедил раствор

Мутноватой жёлтой жижи. А вокруг всё было тише,
Чем в могиле. Тут раздалось слово милое: "Линор?"
Это я шепнул, и эхо стало вторить мне: "Линор!"-
И всё громче слышен хор!

Тело и душа горели, я скорей захлопнул дверь, и
Вдруг услышал стук по ставням много громче, чем тогда.
"Может, с веткою,- я мыслил,- в мои окна бьются листья,
Иль железная задвижка неизвестными снята?
Надо быть холоднокровней, всё решится без труда -
Просто ветер. Ерунда!"

Я раскрыл седые рамы, и в мои покои прямо
Из тумана, что, когда я выходил, был мёртво пуст,
Нагло хлопая крылами, отражающими пламя,
Ворон залетел и, чёрный, гордо сел на белый бюст
(У меня давно над дверью каменный Паллады бюст)...
Ждал ли я, что рассмеюсь?!

Как я мог не умилиться важности нежданной птицы?!
"Ах ты Ворон, лысый, смелый, мудрый (вспомнил я клише),
Древний, вещий и бесстрастный! Ты здесь явно не напрасно.
Как же звали тебя в землях, где лишь Ночь настороже?
Ворон, мрачный представитель мест, где Ночь настороже,
Каркнул: "Никогда уже".

Я взглянул на птицу рядом совершенно новым взглядом.
Пусть ответ её не слишком осветил собой вопрос,
Но не каждый вечер, верно, через окна (или двери)
Прилетает к людям Ворон, забирая вкривь и вкось
Черными как смоль крылами к бюсту белому на нос...
Что за чёрт его принёс?!

Он смотрел в глаза мне с выси, я же всё ещё от смысла
Понимания событий был существенно далёк.
Он вложил всю душу в фразу, от которой бедный разум
Трепетал... "Ушли надежды,- прошептать я еле смог,-
Так и ты уйдёшь с рассветом". Ворон как иной пророк
"Никогда уже" изрёк.

Птичье предзнаменование поразило будто камнем,
Точно Ворон как-то понял то, что я его спросил.
"Может быть, так тяжело плачет твой хозяин-неудачник?!-
Я вскричал на птицу.- Может, он лишился всяких сил
В состязанье с мукой, горем? Потому, растратив пыл,
Он так часто говорил!"

Выпалив всё это залпом, я почувствовал, что стало
Веселее мне. Придвинув кресло ко двери входной
И присев на бархат мягкий, я обдумывал загадки,
Приговаривая тихо: "Я сейчас пойму, постой,
Что ты мне сказать пытался и что делаешь со мной,
Ворон старый и худой!"

Неосознанное чувство вызывали взгляды с бюста,
Опалявшие мне сердце демоническим огнём.
В голове творился хаос, и невольно вспоминались
Вечера и дни с любимой, разделённые вдвоём.
Даже бархат кресла помнит нас – счастливейших – вдвоём.
Никогда уже на нём

Не сидеть ей... И так странно: я вдыхал кадильный ладан, -
Словно некто бестелесный стал в мою обитель вхож,
Словно бы огонь в камине вырвал тени серафима.
"Боже!- я вскричал в волненье.- Ты забвенье мне даёшь!
Бесподобнейший напиток, чтоб забыть Линор, даёшь!
Как же морфий твой хорош!"

Ворон вновь свой клич прокаркал. Я торжествовал: "Оракул!
Я не знаю, чей посланник ты, и пусть сия печать
Не нарушится. Поведай, в мире, где пустынные беды,
Где слепую безнадежность можно только повстречать,
Обрету ли я забвенье, чтобы сызнова начать?
"Никогда уже",- опять

Ворон мне ответ оставил. "Птица дерзкая иль Дьявол!
Ради бесконечных высей, ради стоптанных могил,
Ради Сил, которым служим, правду выложи наружу -

Суждено ли мне обняться с той, которую любил?
Суждено ль обнять в Эдеме ту, кого я так любил?"
Ворон снова посулил:

"Никогда уже". Из кресла я поднялся. "Интересно!
Пусть же эта фраза станет знаком к расставанью нам.
Прочь! Исчезни с бурей тусклой и из сердца вырви клюв свой.
Ни пера не оставляй здесь. Прочь! Вернись в ночной туман".
Ворон, точно слившись с камнем, верный собственным словам,
"Никогда уже" сказал.

...И с тех пор минуло время, но по-прежнему над дверью
На Паллады бледном бюсте, как на верхнем этаже,
Восседает Ворон скорбно, а каминный свет неровный
От него бросает оттиск на пол – серый зов душе,
За границу этой тени не сбежать моей душе,
Знаю, никогда уже!

(2003)

Дейк 2003

*Это было в час полночный.
Бился я над древней строчкой -
был язык мудреным очень
в пыльной книге вековой...
И задолго до восхода
я слышал стук у входа -
Кто-то в эту непогоду
встретил дом печальный мой.
"Гость, – подумалось лениво -
гость в приют печальный мой.
Только гость – ко мне домой".*

*Помню ясно я и четко -
стыл декабрь морозом кротким,
Сквозь каминную решетку
темный жар в золе мерцал...
В книгах я искал забвенья,
но не помогало чтение
Растворить во тьме виденье
девы, чистой как кристалл,
Той Линор, чей бледный призрак
в сонме ангелов витал...
Книги тщетно я листал.*

*Зашуршавший шелк портьерный -
мрачный, пурпурный, неверный -
Угнетал как запах серный -
ужас в шорохе его.
Чтобы сердце успокоить,
я сказал себе: "Не стоит!
Подойду – и дверь открою.
Ждут ответа моего.
У моих дверей уж долго
ждут ответа моего.
Ждут – и больше ничего".*

Овладев собой немного,
я промолвил: "Ради Бога,
Сэр иль леди, вам дорога
здесь легла не для того,
Чтоб хозяева молчали.
Очень тихо вы стучали -
Я в своей ночной печали
не слышал ничего".
Сам словам своим не веря,
наконец, открыл я двери.
У порога моего -
тьма, и нету никого.

Звукам тишины внимая,
я стоял, не понимая,
Что там шепчет ночь немая,
кроме слова одного.
То, что с губ моих слетало,
тьма мне эхом прошептала.
Словно вздох пустого зала
услыхал я от него.
Слышал я: "Линор!..." -
то эхо повторяло мне его.
Эхо – больше ничего.

Дверь прикрыв, вернулся в дом я.
Что услышал в стуке том я?
Но едва захлопнул том я,
громкий стук раздался вновь -
но теперь он громче вдвое!
Я подумал: "Ветер воеет...
Ветер окна не откроет".
Кровь в виски – во весь опор...
Вдруг – не ветер? Вдруг за ставней -
моя нежная Линор!?
Ветер – или же... Линор!!?

Прочь засов – и из провала

черного – так ночь зияла -
в дом мой Ворона прислало
древней тайны волшебство.
С благородством паладина
Ворон сел на бюст Афины,
Что над входом в зал каминный
мною поставлен был давно.
Уравняв с собой античность,
Ворон сел ей на чело.
Сел – и больше ничего.

Возмущен его бесстыдством,
я спросил не без ехидства
У иссиня-черной птицы,
начиная долгий спор:
"Сэр, коль вас ко мне примчало
без щита и без забрала
Из плутоновых подвалов,
из подземных мрачных нор,
Не изволите ль припомнить,
как вас звали до сих пор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

Неожиданно, державно,
пусть бессмысленно, но явно
Говорил он! Но не грянул
громом этот разговор.
Хоть никто, клянусь вам, ночью
не рассматривал воочью
Это мрака средоточье -
перья черны, клюв остер -
Не встречал, пожалуй, гостя,
с бюста зрящего в упор -
Гостя с кличкой "Nevermore"

Собеседник мой суровый
как живой венец терновый
На челе Богини Слова
отдыхал, потупя взор.

Я сказал тогда: "Похоже,
он исчезнет утром тоже,
Как надежда не тревожит
по утрам меня с тех пор,
Как друзей своих не вижу
я с тех самых давних пор",
И услышал: "Nevermore!"

В этот раз ответ логичен.
Но, как видно, был привычен.
Это просто выкрик птичий,
затвержденный с давних пор.
Чьей-то грустной жизни знаком
Ворон прилетел из мрака,
Где рефреном был, однако,
этот крик – живой укор
Злой судьбе, что над надеждой
заносила свой топор,
Заявляя: "Nevermore!"

Как ни странно, в то мгновенье
ощутил я облегченье
От тягот ночного бденья,
даже – верьте мне – задор!
К бюсту пододвинув кресло,
так, чтоб не было в нем тесно,
Я откинулся, воскреснув,
к вещей птице мысль простер.
Что сказать хотел оракул?
Что мне шлет ночной простор
В хриплом крике "Nevermore!"

В полусне я ждал ответа.
Ворон же меня при этом
Освещал нездешним светом,
вперив огненный свой взор,
Отразившийся на ткани,
что, увы! – уже не манит
Голову твою в тумане

и волос твоих узор
На лиловый бархат спинки...
Чистый свет высоких гор,
Где же ты, моя Линор!

В грезах, в снах, в дымАх мечтаний
Нежно-ладанных литАний
я услышал отзвук дальний,
Серафимов стройный хор...
Крикнул я: "О Боже правый!
Брось жестокие забавы,
дай мне сладостной отравы,
Дай забыть мою Линор!"
Но незванный гость мой – птица -
Вновь вступила в разговор,
Жутко каркнув: "Nevermore!"

Задрожав, как лист осенний,
я взмолился: "Тварь иль гений!
Ты, воспитанный в Геенне,
рода птичьего позор,
Подскажи, о идол древних,
где бальзам от мук душевных?
В странах ночи иль в полдневных
я найду ли тот шатер,
Где бальзам запретный выпью,
чтоб покой найти с тех пор?"
Каркнул Ворон: "Nevermore!"

О пророк мой черно-бронный,
птица или демон сонный,
Зеркало души бездонной,
Искуителя костер!
Пусть он сам тебя направил
в дом мой – так держись же правил,
Так поведай – где он травит
зельем Галахадских гор
Тех несчастных, что забвенью
обретают как позор?

Каркнул Ворон: "Nevermore!"

*О пророк мой черно-бронный,
птица или демон сонный,
Не гордись – пред Вечным троном
ты и я – лишь пепел, сор!
Мне поведай – в горних сферах,
там, где страх не пахнет серой,
Я дождусь ли светлой эры,
обниму ль свою Линор?
Обниму ли Деву света -
там ее зовут Линор?
Каркнул Ворон: "Nevermore!"*

*Я вскричал: "Довольно, хватит!
Убирайся, чертов дятел!
Я и так с тобой потратил
ночь на глупый разговор.
Не теряй здесь даром перья,
сгинь, оставь же бюст над дверью,
И из сердца клюв неверья
вынь, о лживый подлый вор!
Ты украсть хотел надежду -
сгинь, плешивый гнусный вор!
Каркнул Ворон: "Nevermore!"*

*И проклятый дух не сдался.
Он остался. Он остался!
Словно жить со мной собрался
он несчетные года.
С видом дремлющего беса
с бюста дочери Зевеса
Не слетает никуда.
На ковер бросает тени,
И душа под этой сенью
от постылого труда
Не воспрянет. Никогда.*

Перевод 1988-2001

О. Мазонка 2003

дословный перевод

Однажды в полуночной тоске, пока я размышлял, слабый и уставший
Над каждым старинным и увлекательным томом забытых знаний
Пока я кивал почти дремав, внезапно раздалось постукивание
Как будто кто-то легонько стучал, стучал в дверь моей комнаты
"Это какой-то гость" я пробормотал "постукивает в дверь моей
комнаты -
Только это и ничего больше"

О, отчетливо я помню это было в ненастном декабре
И каждый отдельный угасающий уголек создавал своего призрака на
полу
Нетерпеливо я желал завтра – понапрасну я искал занять
Из моих книжек утешения печали – печали по потерянной Леноре
По необычной и жизнерадостной деве кого ангелы зовут Ленорой
Безымянной здесь и впредь

И шелковое печальное неясное шуршание каждой пурпурной занавеси
Встревожило меня – наполнило меня невозможным ужасом никогда
не чувствуемым раньше
Так что теперь, что бы успокоить биение моего сердца, я стоял
повторяя
"Это какой-то гость просящий войти в дверь моей комнаты
Какой-то поздний гость просящий войти в дверь моей комнаты
Так есть, и ничего больше"

Вскоре мой дух стал сильнее; не мешкая тогда дольше
"Сэр" сказал я "или Мадам, искренне вашего прощения я молю
Но дело в том что я дремал, и так тихо вы пришли и стучали
И так незаметно вы пришли и постукивали, постукивали в дверь моей
комнаты
Что я не вполне уверен что я слышал вас" тут я открыл широко дверь
-
Темнота там, и ничего больше

Глубоко в эту темноту глядяваясь, долго я стоял там обдумывая,
боясь,

Сомневаясь, представляя видения которые ни один смертный никогда
не смел вообразить раньше

Но молчание было не нарушено, и тишина не подала ни знака

И единственное слово там сказанное было прошептанное слово
"Ленора!"

Это я прошептал, и эхо пробормотало вослед слово "Ленора!" -

Всего лишь это, и ничего больше

Назад в комнату поворачиваясь, вся моя душа внутри меня горела,

Вскоре опять я услышал стук как-то громче чем прежде

"Точно" сказал я "точно это что-то в моей оконной раме:

Давай посмотрим, тогда, что в том месте есть, и эту загадку
исследуем

Пусть мое сердце замрет на мгновение, и эту загадку исследуем

Это ветер, и ничего больше."

Тут я распахнул ставни, когда, с многочисленными взмахами и
трепетанием

Вошел величавый ворон праведных дней древних;

Ни малейшего почтения не показал он; ни на минуту не остановился
ни постоял он;

Но с манерой лорда или леди, вспорхнул над дверью моей комнаты

Вспорхнул на бюст Палласа прямо над дверью моей комнаты

Вспорхнул, и уселся, и ничего больше

Тогда эта чернящая птица отвлекла мои грустные думы к улыбке

Важной и суровой манерой выражения которую она показывала

"Хоть твой хохолок обрезан и обрит, ты" я сказал "воистину не трус,

Ужасно грозный и древний Ворон странствующий из Темного края

Скажи мне какое твое благородное имя в Темном загробном краю

Молвил Ворон "Никогда больше"

Сильно я подивился этому неуклюжему птаху услышав говор так
отчетливо

Хотя его ответ мало значащий – мало сути содержал

Ибо мы не можем не согласиться что ни одно живое человеческое

существо

Когда-либо еще не было осчастливлено видением птицы над дверью в свою комнату -

Птицы либо твари на вылепленном бюсте над дверью в свою комнату,
С таким именем как "Никогда больше"

Но Ворон, сидящий одиноко на умиротворенном бюсте, сказал только
Это одно слово, как будто свою душу в это одно слово он излил.

Ничего более затем он не произнес – ни перышка затем он не встрепенул

До тех пор пока я почти не больше чем пробормотал, "Другие
приятели улетали раньше

Назавтра он покинет меня, также как мои Надежды улетали
раньше."

Тогда птица сказала "Никогда больше"

Вздвогнув от тишины нарушенной ответом так к месту сказанным,
"Без сомнения" сказал я "то что он произносит это его только запас
и багаж,

Набранный от какого-то несчастного хозяина кого немилосердная
Беда

Преследовала быстро и преследовала еще быстрее пока его песни
одну ношу не понесли

Пока панихиды его Надежды эту грустную ношу не понесли
Никогда – никогда больше."

Но Ворон все еще отвлекая мои грустные думы к улыбке,

Прямо я подкатил мягкое сидение пред птицей, и бюстом, и дверью,

Затем опускаясь на бархат, я принялся вязать

Видение за видением, думая что эта злоеющая птица древняя -

Что эта грозная, неуклюжая, ужасная, мрачная и злоеющая птица
древняя

Имела ввиду каркая "Никогда больше"

Итак я сел вовлеченный в угадывание, но ни слога не выражая

Птаху чьи испепеляющие глаза теперь возглись в недра моей груди;

Так и дальше я сидел гадая, моей головой в облегчении откинувшись

На подушечки бархатную отделку над чем лампы свет надсмехался,

Но к чьей бархатно-фиолетовая отделке с лампы светом

насмевающимся,

Она не прижмется, о, никогда больше

Потом, мне чудилось, воздух стал плотнее, наполнился ароматом невидимого кадила

Помахиваемого серафимами чьих отзвуки шагов звенели по ковровому полу.

"Негодяй" я крикнул "твой Господь наградил тебя – этими ангелами которыми он послал тебе

Передышку – передышку и напиток забытья, от твоих воспоминаний о Леноре;

Испей, же испей этот добрый напиток забытья и забудь эту потерянную Ленору"

Молвил Ворон "Никогда больше"

"Пророк!" сказал я "дитя зла! – все равно пророк, либо птица либо дьявол!-

Искунитель ли послал, иль буря закинула тебя сюда на землю,

Брошенный всеми все же еще несломленный, на этой пустынной земле околдованной -

В этом доме Ужасом обитаемом – скажи мне правдиво, я молю -

Есть ли – есть ли бальзам в Гилиде? – скажи мне – скажи мне, я молю!"

Молвил Ворон "Никогда больше"

"Пророк!" сказал я "дитя зла! – все равно пророк, либо птица либо дьявол!-

Этим Небом что изгибается над нами – этим Богом которого мы оба обожжаем -

Скажи этой душе печалью отягощенной, в пределах далекого Эдэна,

Найдется ли святая дева кого ангелы зовут Ленорой -

Необычная и жизнерадостная дева кого ангелы зовут Ленорой

Молвил Ворон "Никогда больше"

"Да будет это слово нашим знаком в раздоре, птица али сатана," я заорал, вскакивая -

"Прочь пошел назад в бурю и Темный загробный край!

Не оставь черного пера как знака той лжи которую твоя душа сказала!

*Оставь мое одиночество нетронутым! – покинь бюст над моей
дверью*

Вынь свой клюв из моего сердца, и убери свой образ с моей двери!"

Молвил Ворон "Никогда больше"

И Ворон, никогда не полетав, все еще сидит, все еще сидит

На бледном бюсте Палласа прямо над дверью моей комнаты,

И его глаза полны вида дьявола что мечтает,

И лампы свет на нем струящийся отбрасывает его тень на полу

И моя душа от этой тени что лежит плавая на полу

Не должна быть поднята – никогда больше!

Александр Милитарев 2003

Ворон

Как-то ночью в полудреме я сидел в пустынном доме
над престранным изреченьем инкунабулы одной,
головой клонясь все ниже... Вдруг сквозь сон – все ближе, ближе
то ли скрип в оконной нише, то ли скрежет за стеной.
"Кто, – пробормотал я, – бродит там в потемках за стеной,
в этот поздний час ночной?"

Помню, в полночь это было: за окном декабрь унылый,
на ковре узор чертило углей тлеющих пятно.
Я не мог уснуть и в чтении от любви искал забвенья,
от тоски по той, чье имя света горнего полно,
по Лино, по той, чье имя в небесах наречено,
той, что нет давным-давно.

А шелков чуть слышный шорох, шепоток в багровых шторах
обволакивал мне душу смутных страхов пеленой!
И, глуша сердцебиенье, я решил без промедленья
дверь открыть в свои владенья тем, кто в поздний час ночной
ищут крова и спасенья в этот поздний час ночной
от стихии ледяной.

Быстро подойдя к порогу, вслух сказал я: "Ради Бога,
сэр или мадам, простите – сам не знаю, что со мной!
Я давно оставлен всеми... вы пришли в такое время...
стука в дверь не ждал совсем я – слишком свыкся с тишиной".
Так сказав, я дверь наружу распахнул – передо мной
мрак, один лишь мрак ночной.

В дом с крыльца скользнул я тенью, от себя гоня в смятеньи
то, что даже в сновиденьи смертным видеть не дано.
А когда замкнулся снова круг безмолвия ночного,
в тишине возникло слово, тихий вздох: "Лино... Лино...".

Но услышал лишь себя я – эхо, мне шепнув "Лино...",
смолкло, вдаль унесено.

Только дверь за мной закрылась (о, как гулко сердце билось!),
вновь усиленный молчаньем, оттененный тишиной
тот же звук раздался где-то. "Что ж, – подумал я, – раз нету
никого там, значит, это ветер воет за стеной.
Просто ветер, налетая из зимы, из тьмы ночной
бьется в ставни за стеной".

Настежь тут окно раскрыл я. Вдруг зашелестели крылья
и угрюмый черный ворон, вестник древности земной,
без поклона шагом твердым в дом вошел походкой лорда,
взмах крылом – и замер гордо он на притолоке дверной,
сел на белый бюст Паллады – там, на притолоке дверной,
сел – и замер надо мной.

От испуга я очнулся и невольно улыбнулся:
так был чопорен и важен, так вздымал он гордо грудь!
"Хоть хохол твой и приглашен, – я заметил, – но отважен
должен быть ты, ибо страшен из Страны Забвенья путь.
Как же звать тебя, о Ворон, через Стикс державший путь?"
Каркнул ворон: "неверррнуть!".

Что ж, не мог не подивиться я руладе глупой птицы:
хоть ответ и не был связным, к месту не был он ничуть,
никогда б я не поверил, чтобы в комнате над дверью
видел этакое зверя кто-нибудь когда-нибудь -
чтоб на мраморной Палладе обнаружил кто-нибудь
тварь по кличке "Неверррнуть".

Но издав свой хрип бредовый, ворон вдаль глядел сурово,
как певец, когда сорвется с вещей струн последний звук.
Так сидел он, тень немая, черных крыл не подымая,
и вздохнул я: "Понимаю: ты пришел ко мне как друг,
но тому, чей дом – могила, ни друзей уж, ни подруг..."
"Не вернуть!" – он каркнул вдруг.

Вздрогнул я слегка: ведь тут-то в точку он попал как будто!

Но решил: "Припев унылый – все, что слышать ты привык
в чьем-то доме, на который Фатум, на расправу скорый,
натравил несчастий свору, и убогий твой язык
в этой скорбной партитуре лишь один мотив постиг:
не вернуть! – тоскливый крик".

Усмехнулся я украдкой, так легко найдя разгадку
этой тайны, и уселся в кресло, чтоб слегка вздремнуть...
Но взвилась фантазмов стая вокруг меня! И в хриплом грае,
в дерзком, мерзком этом грае все искал я смысл и суть.
В том зловещем кличе птичьем все хотел постичь я суть
приговора "не вернуть!".

Так сидел я без движенья, погруженный в размышленья
перед птицей, что горящим взором мне сверлила грудь.
Передумал я немало, головой склонясь устало
на подушек бархат алый, алый бархат, лампой чуть
освещенный – на который ту, к кому заказан путь,
никогда уж не вернуть.

Вдруг пролился в воздух спальни аромат курильниц дальних,
вниз, во тьму, с высот астральных заструился светлый путь,
и незримых хоров пенье слышу я: "Во исцеленье
Небо шлет тебе забвенье – так забудь ее...забудь...
пей же, пей вино забвенья, и покой вернется в грудь..."
Тут он каркнул: "не вернуть!"

"Кто ты? – крикнул я с досадой – дух? пророк? исчадье ада?
искусителя посланник? или странник в море бед,
черным вихрем занесенный в этот край опустошенный,
в дом мой скорбный и сметенный? Но скажи мне: разве нет,
нет бальзама в Галааде, чтоб вернуть слепому свет?"
"Не вернуть" – пришел ответ.

"Птица, дьявол ты, не знаю, – я вскричал, – но заклинаю
этим небом, горним светом, указующим нам путь:
напророчь мне, гость незванный, что в земле обетованной
сможет вновь к Лино желанной сердце бедное прильнуть
и вернуть тот свет блаженный хоть на миг... когда-нибудь..."

Каркнул ворон: "Не вернуть".

*Тут я встал: "Твое признание принял я – как знак прощанья.
Уходи же, кто б ты ни был – в бурю, в ад, куда-нибудь!
черных перьев не дари мне! лживых слов не говори мне!
одиночество верни мне! с бюста – вон, в недобрый путь!
И из сердца клюв свой вырви, чтобы жизнь вернулась в грудь".
Каркнул ворон "Не вернуть".*

*И с тех пор сидит упорно надо мною ворон черный,
и под странным этим взором не проснуться, не уснуть.
И в глазах у древней птицы демон дремлющий таится,
и от крыльев тень ложится на полу, дрожа чуть-чуть...
И души из этой тени, что легла плитой на грудь,
не поднять – и не вернуть.*

С. Муратов 2003

Ворон

*Как-то сидя у камина, в час ночной, забывшись книгой,
Над приятными листьями позабытых древних знаний
Задремал я... Вдруг стучатся, тихо так – совсем неясно:
Будто кто-то нежным стуком сон нехочет мой нарушить.
"Вот и гость" – ворчу я в дреме – "стукнул в дверь моей каморы -
Хоть бы так, зачем нам воры".*

*Как не вспомнить день ужасный, что Декабрь принес ненастный:
Блики света от огня лижут пол вокруг меня;
Ждал я утра, но напрасно я искал в томах прекрасных
Прекращение печали по утерянной Линор -
Той девице лучезарной, что зовут в Раю Линор
Безымянной здесь с тех пор.*

*Вкрадчивый и жуткий шорох в складках занавес бордовых
Наполняет душу страхом мне доселе незнакомом.
Чтоб унять лишь сердца трепет, я твержу в надежде встретить
Гостя или молодицу, что сегодня в дверь стучится:
"Это только гость усталый стукнул в дверь моей каморы,-
Так и есть, зачем нам воры".*

*И когда душа окрепла, я пошел судьбу изведать:
"Сэр",- приветствовал я в мыслях – "извините, что не быстро
Двери вам я открывал – слишком тихо стук звучал;
Слишком тихо вы стучали в двери комнаты моей,
Да и сон мой был сильнее", – тут открыл я дверь каморы -
Нет ни гостя и ни вора.*

*Так стоял я изумленный, в мрак полночный погруженный,
Сомневаясь, грезя сон, недоступный с давних пор.
Тщетно ждал я признак жизни, но не смог нарушить извне
Тишину, как мне в укор прошуршала ночь: "Линор!"*

*Это я шепнул и эхом мне вернулось имя это,
С эхом, спутником поэта.*

*В комнату назад, за двери, чтоб огонь души умерить,
Я вернулся; вскоре снова я услышал стук знакомый.
"Несомненно стук сей странный",- я сказал, а сам за ставни:
Посмотреть, что там в окошке, может это были кошки
Или ветер там стучится в окна дома моего,-
Ветер – больше ничего.*

*Быстро распахнул я ставни и в окно ввалился странный,
Величавый и забавный с давних пор известный малый -
Черный Ворон – вестник бед – он за всех держал ответ.
Ни малейшего поклона, без задержки, с видом Лорда,
Взгромоздясь на бюст Палады у порога моего,
Сел – и больше ничего.*

*Я, конечно, улыбнулся, от печали вдруг очнулся,
Видя столь нелепый вид птицы страшной из Аид.
"Твой хохол оципан в битве и задор твой очевиден,
Но скажи зловещий Ворон, что во Мраке жил суровом,
Как зовут тебя повсюду, где Плутона Мрак всегда"
Каркнул Ворон: "Никогда".*

*Я был полон удивленья, слыша птицы заявление;
Хоть ответ ее был вздорен, и не понят мной тогда,
Мы не можем не признаться, что навряд ли может стать,
Чтобы где-нибудь на свете, вот так просто, как всегда
Сядет птица вам над дверью и заявит без труда
Громко имя "Никогда".*

*Да, сидящий одиноко над дверями гордый Ворон
Говорил одно лишь слово, как молитву в час суровый;
Ни крылом нешелохнувши, ни пером не встрепенувши,
Он сидел, а я промолвил: "Как друзья мои тогда
Утром он уйдет туда, где Надежды – навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"*

Вздрогнул я в тиши полночной, услышав ответ столь точный.

"Несомненно затвердил он это слово, как Беда
Посетила вдруг сурово жизнь хозяина молодого,
Понесла рекой бурливой, все Надежды разорила,
Унесла любовь, удачу и счастливые года
Этим словом "Никогда".

Отвлекаясь от печали, улыбнувшись, как вначале,
Сдвинув кресло до порога, где сидел на бюсте Ворон,
Опустился я в раздумьях на подушки, чтоб обдумать
В размышлениях мятежных образ птицы, что всегда
Изможденная и злая, предвещала в те года
Хриплым криком "Никогда".

Так сидел я весь в догатках, без вопросов, даже кратких,
К птице, чей горящий взор был как совести укор.
Утомившись от раздумий, я склонился к той подушке,
Чей лиловый бархат нежный под лучами люстр всегда
Манит искоркой надежды, но, как понял я тогда -
Не прильнуть ей – Никогда!

Воздух вдруг весь заструился, дымный аромат разлился
От кадила Серафима, чьи шаги глушил ковер.
"О, несчастный", - я взмолился – "видит Бог – я исцелился,
Наконец-то в облегченье он послал ко мне забвенье -
Чашу чудного напитка от Линор на все года!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

От такого предсказанья я вскричал: "О, зла созданье!
Кем ты послан, Вещий Ворон, буря ль занесла сюда,
На пустынный берег суши, где сгорели наши души,
В этот дом, кошмаров полный, - правду мне скажи, когда
Получу я исцеленье" Заклинаю Богом я!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Я взмолился: "Ворон Вещий, птица ты иль дух зловещий"
Мы ведь оба верим в Бога, что над нами Мир весь создал;
Ты скажи душе печальной, можно ли в Эдеме дальном
Встретить душу той Линор, что святая с давних пор,
Лучезарную подругу обнять можно ли когда"

Каркнул Ворон: "Никогда!"

*"Все теперь, с меня довольно" – закричал я – "будь хоть вольной
Птицей или бесом ночи, возвращайся в царство Тьмы!
Не оставь своих мне перьев, как приметы черной лжи!
Я один хочу остаться, так что с бюста прочь лети!
Вынь жестокий клюв из сердца, прочь лети и навсегда!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"*

*С той поры сидит зловещий, гордый Ворон, Ворон Вещий
На вершине бюста словно черный траурный убор.
Он сидит в застывшей позе с взглядом Демона в дремоте,
И от лампы свет струится, тень бросая на ковер,
Но моя душа из тени, что колышится всегда
Не взлетит уж никогда!*

(с) Сергей Муратов, mirom@bigpond.com, Сидней, 2003.

Silentium Aye 2003

ЭДГАР АЛЛАН ПО

ВОРОН

(Перевод Silentium Aye, 2003)

Борясь с усталостью и сном,
Я предавался размышленьям
Над текстом древнего ученья,
Листая пожелтевший том,
Как вдруг раздался шорох странный,
Промолвил я: "Какой-то странник
Стучится тихо в двери спальни,
Скребется, как полночный вор,
И мрак ночной скрывает двор";

Я помню сумрак декабря,
В камине угольки моргают,
Их тени кружатся, порхают -
Ленор покинула меня!
В тоске расвета ожидая,
Слепую боль унять пытаюсь,
Взывал я тщетно к башням рая,
Где дремлешь ты, моя Ленор,
Навек забыв земной простор;

Пурпурных штор змеиный глас
Рождал в душе моей кошмары,
Пытаясь сердца адский пляс
Сложить в привычные удары,
Я повторял: "Ведь это странник
Скребется тихо в двери спальни,
Полночный гость играет ставнем,
И молит в дом впустить его -

Стучит, и больше ничего".

Окрепнув духом, я сказал:
"Monsieur, Madame, прошу прощенья,
Под треск камина я дремал
Со свитком древнего ученья,
А вы так робко, будто странник,
Скреблись, стучались в двери спальни,
Да кто ж вы, кто вы, гость мой странный?" -
Но притаилась у окна
Лишь ночь, божественно темна.

И на ладонях тишины
Стоял я долго у порога,
Мне голову кружили сны,
Как злые духи-недотроги,
И голоса поднять не смея,
Мечту заветную лелея,
Прогнать пытаюсь рой сомнений,
Я имя прошептал – Ленор...
Но эхом мне ответил двор;

Горела тягостным огнем
Душа моя... К теплу камина
Вернулся я в уснувший дом,
Желая снова сесть за книгу,
Но вновь услышав шорох странный,
Как будто кто-то трогал ставни,
Решил сорвать покровы тайны -
То ветер ходит по домам,
Стучится в окна тут и там;

Во тьму я ставни распахнул,
И тут величественный ворон
Крылами воздух всколыхнул,
Незваний гость бесцеремонный;
Как призрак юности моей,
Истлевших в прах безгрешных дней,
В ночи явился, как злодей,

*И внутрь порхнув, уселся он
На бюст Паллады, как на трон;*

*Его надутый, мрачный вид
Меня немало позабавил -
О ворон древний, твой визит
Печали тень бежать заставил...
Хоть неопрятен твой наряд,
И перья в стороны торчат,
Ты позади оставил ад,
Где кости скал грызет вода -
И молвил ворон: "Никогда!"*

*Тому, что птица изрекла,
Поистине я удивился,
Хотя, казалось, что несла
Та речь в себе немного смысла;
Вы согласитесь – это странно,
Когда сидит над дверью спальни
Зловещий ворон, гость нежданный,
Однако что за ерунда:
То имя разве – никогда?*

*Но неподвижен ворон был,
Молчанье стало мне ответом,
Как будто душу он излил,
Прокаркав хрипло слово это;
Но прошептал я еле слышно:
"О странник, ты меня покинешь,
Как юности мечтанья сгинешь",
И разобрал не без труда
Насмешливое – "Никогда!"*

*Упало слово в тишине,
Как ком земли о крышку гроба -
О ворон! В царствии теней
Хозяин твой, сраженный роком!
Давно надежду он оставил,
И песнею печаль восславил,*

В тоске сжигающей истаял -
В песок ушла любви вода
И не вернется никогда;

Но что хотел ты мне сказать,
Порочная, лихая птица?
Пытаясь тайну разгадать,
Я на подушки опустился.
Напротив важный гость суровый,
Впиваясь в бюст венцом терновым,
Следил за мной зрачком лиловым,
И тень его пятном легла
На мрамор ясного чела;

Струился свет на мягкий бархат,
И я в каком-то полусне
Перебирал в уме догадки,
Как четки юношеских дней;
И тишины не нарушая,
Летел я мыслью к башням рая,
На гриву ветра припадая,
Но только серый листопад
Кружился в сумраке палат;

Казалось, воздух стал плотнее,
И сладкий, терпкий аромат,
Волнующий, как шепот хмеля,
Смягчает былъ былых утрат;
Ужель святое провиденье
Дарует мне благословенье,
Душе истерзанной забвенье,
И белокрылый серафим
С небес спускается, незрим?

О птица зла, пророк Геенны,
Хотя ты послан Сатаной,
Ответь – найду ли избавленье,
Смогу ли обрести покой?
Кошмар сплетает паутину

Средь комнат и веранд пустынных,
Лишь ты один, неустрашимый,
Осмелился придти сюда -
Но крикнул ворон: "Никогда!";

Открой тогда, во имя Бога,
Пророк, бродяга мрачных гор,
Вознесшись в райские чертоги,
Смогу ли я обнять Ленор?
На сердце давит мне разлука,
Душа моя иссохла в муках -
Согрею ль вновь любимой руку
В своей руке? Но гость ночной
Застыл над дверью, как немой;

"На этом мы должны расстаться -
Вскричал я. Друг ты иль злодей,
Хотел бы я один остаться
И боле лжи не знать твоей.
Ты спальню тотчас же покинешь,
И вновь во тьму глухую сгинешь,
Не медля ни секунды, вынешь
Свой клюв из сердца моего,
Исчезни – больше ничего!";

Увы! Напрасные надежды!
Застыло все, как в давний день,
И свет струится, как и прежде,
Пятнает пол пришельца тень;
Как демон спящий, над дверями
Впивается он в бюст когтями,
И холодом из окон тянет,
И ночь блуждает по дворам,
Роняя слезы тут и там...

Г. Аминов 2004

*Полночь мраком прирастала; одинокий и усталый
Я бродил по следу тайны древних, но бессмертных слов.
Усыпляя, плыли строки; вдруг раздался стук негромкий,
Словно кто-то скребся робко в дверь моих волшебных снов.
"Странник, – вздрогнув, я подумал, – нарушает сладость снов,
Странник, только и всего".*

*О, я помню, дело было в декабре унылом, стылом,
И камин ворчал без силы, уступая теням спор.
Страстно жаждал я рассвета, – тщетно проискав ответов,
Утешений в книгах ветхих – по потерянной Ленор,
По прекраснейшей из смертных с чудным именем Ленор,
Чей был смертный час так скор.*

*Шорох шелковой портьеры, вкрадчивый, глухой, неверный,
Теребил, тянул мне нервы, ужас полнил существо,
Так что, страхи отгоняя, я твердил как заклинанье:
"О ночлеге просит странник у порога моего,
О ночлеге молит странник у порога моего,
Странник, только и всего".*

*Вскоре, мужества исполнясь, я шагнул как в омут в полночь:
"Сэр... мадам... – не знаю, кто вы – не ищите строгих слов:
Я в дремоте был печальной, и так тихо вы стучали,
Вы столь слабо постучали в двери дома моего,
Что, я думал, показалось..." – распахнул я дверь рывком -
Темнота и... – ничего.*

*В тьму недвижным впившись взглядом, замер я; и будто рядом
Ангел снов и страхов ада черное крыло простер.
Тишина была полнейшей, темнота была кромешной,
И лишь призрак звука нежный шепот доносил: "Ленор!"
Это я шептал, и эхо возвращало мне: "Ленор!" -
Эха бесполезный сор.*

В комнату вернувшись грустно, без надежд, в смятенных чувствах,
Я услышал те же стуки, – чуть ясней, чем до того.
Я подумал: "Да ведь это у окна скребется ветер;
Гляну – и в одно мгновение будет все объяснено,
Сердце стоит успокоить – будет все объяснено...
Ветер – только и всего!"

Но едва открыл я ставню, как на свет, с вальяжной статью
Благородной древней знати, ворон выступил из тьмы.
Не смущаясь ни секунды, извинений, даже скудных,
Предъявить и не подумав, он уселся над дверьми -
Как на трон, на бюст Паллады взгромоздился над дверьми -
Наяву взирать на сны.

Видя гордое величье, видя, как смешно напыщен
Этот лорд из рода птичьих, скрыть улыбку я не смог.
"Ты, хоть временем потрепан, но уж, верно, не из робких;
Так скажи: на тех дорогах, что ты в жизни превозмог, -
Звали как тебя в том аде, что ты в жизни превозмог?"
Каркнул ворон: "Nevermore".

Сей бесхитростною речью, сколь скупой, столь человеческой,
Удивленный бесконечно, я воззрился на него;
Потому как, согласитесь, смертным раньше и не снилось,
Чтобы птицы громоздились над порогами домов,
Чтоб на бюсты громоздились над порогами домов -
Птицы с кличкой "Nevermore".

Ну а ворон, в грусти словно, молвил только это слово,
Будто в этом самом слове вся душа была его.
И замолк, перо не дрогнет; из меня же слабый, робкий
Выдох вырвался негромкий: "Я друзей сберечь не мог, -
Так и он к утру исчезнет, как надежды до него".
Рек здесь ворон: "Nevermore".

Звук в ночи таким был резким, так пугающе уместным,
Что я дернулся с ним вместе, под собой не чуя ног.
"Но, конечно, – бормотал я, – это весь запас словарный,
Что какой-то бедный малый заучить ему помог,

*Хороня свои надежды и кляня тяжелый рок
Бесконечным "Nevermore".*

*Ворон все же был забавен, и, чтоб грусть свою разбавить,
Я, дела свои оставив, кресло выкатил вперед;
В нем усевшись поудобней перед бюстом с птицей гордой,
Разрешить решил я твердо, что имел в виду сей лорд,
Что имел в виду сей мрачный, старый, мудрый птичий лорд,
Говоря мне "Nevermore".*

*Так сидел я отрешенно, в мир догадок погруженный,
Ну а ворон взглядом жег мне, словно пламенем, нутро;
Головой клонясь устало на подушки бархат алый,
Вдруг с тоскою осознал я, что склониться головой -
Что на этот алый бархат лишь склониться головой
Ей нельзя, о – nevermore!*

*Вдруг как будто сладость дыма от незримого кадила
Воздух в комнате сгустила, ангельский донесся хор.
"Глупый! – я вскричал. – Бог, видя, как горьки твои обиды,
С ангелами шлет напиток для забвения Ленор!
Пей же снадобье, пей жадно и забудь свою Ленор!"
Каркнул ворон: "Nevermore".*

*"О, вещун – пусть злой, все ж вещей! – птица ль ты, иль зла
приспешник! -*

*Послан ли ты силой грешной, иль тебя низвергнул шторм -
Сквозь безмолвье светлых далей, через брег, где волны спали,
В этот дом, юдоль печали, – говори: до сих ли пор
Есть дарующий забвенье сладкий сон среди вечных гор?"
Каркнул ворон: "Nevermore".*

*"О, вещун – пусть злой, все ж вещей! – птица ль ты, иль зла
приспешник!*

*Заклинаю Небесами, Богом, чей так мил нам взор:
Сей душе, больной от скорби, дай надежду встречи скорой -
Душ слияния с Ленорой, с незабвенною Ленор,
С той прекраснейшей из смертных, смертный час чей был так скор".
Каркнул ворон: "Nevermore".*

*"Будь ты птица или дьявол! – этим словом ты доставил
Сердцу многая печали! – так закончим разговор!
Убирайся в ночь, обратно! Прочь лети, в объятия ада!
Там, наверно, будут рады лжи, что молвил ты как вор!
Прочь из жизни, сердца, дома! Растворись в ночи как вор!"
Ворон каркнул: "Nevermore".*

*До сих пор во тьме сердито все сидит он, все сидит он
Над моей мечтой разбитой, в сердце дома моего;
Черный огонь меж век струится, будто демон в нем таится,
Да и тень зловещей птицы в пол выросла уже давно;
И душе моей от этой черной тени не дано
Оторваться – nevermore!*

Перевод Геннадия Аминова.

Автор неизвестен 2005

(афтаризованный
ненормативная лексика

перевод)

Внимание!

Побывав в доме публичном в настроении готичном
Я на дачу возвращался чтоб забыться в долгом сне
Не коннектясь к интернету – цели нету, смысла нету
Закурил я сигарету – вдруг скребуться в дверь ко мне
"Да в Бобруйск же!" отвечаю, "Черт кого принес ко мне?"
"Или с водкой – дайте две"

Варианты продолжения – иль лежать мне без движенья
Пялась, блин, на отраженье, шлюху-Ленку вспоминать
Иль забьем косяк мы с другом, и пойдет застолье кругом,
Звякнуть новеньким подругам, те, что Ленке не чета
Поднимаюсь, открываю, гостя в дом я приглашаю,
Только я предупреждаю – денег нету ни черта,
Вновь в кармане пустота.

Что за нафиг – огляделся, а куда же гость мой делся?
Я уж мысленно согрелся, оживился, твою мать
Да меня и так уж мутит... Или... это Ленка шутит?
"Ленка, сука, ты вернулась – ну, входи, мне долго ждать?"
Проходи быстрее, стерва, мне здесь холодно стоять"
Но не входит Ленка – бл***.

Чтож, я в комнату поперся, гость мне нафиг не уперся,
Просто в тумбочки пороюсь – мой корабль всегда со мной
Я расслабился немножко – только вдруг стучат в окошко
Щаз я выйду и урою – кто так шутит надо мной?
Погоди, гость-неудачник, раз ты шутишь надо мной,
Щаз пойдешь гулять п**дой.

Чтож, держись же, неи**цца, где ты гость, стоять, бояцца
А ко мне влетает ворон – ну я, нафиг, покурил,
"Первый, нах**, выпей йаду" – он взлетает на Палладу

Это вроде бы богиня – так историк нас учил,
Вся отвязная статУя, мой друган мне подарил,
Ворон, быстро, бл***, впилил.

Ух, на ржачку пробивает, ведь не каждый день бывает
Из Бобруйска – автостопом, вот спасибо судьбе,
"Кто ты, брат, учи-албанский", вид напыженный и царский
Представляйся, гость, пожалуй, я косяк забью тебе
Елы-палы, снизойди же, к моей искренней мольбе "
Каркнул Ворон: "Х** тебе".

"Незачот" – чешу я репу, мало смысла в том ответе
Запало я где-то вижу, покушение на лаве.
Я нуждаюсь тут в совете, быстро роюсь в интернете
Не дает ответа яндекс, даже гугл – ничего
Да кого занес же леший в двери дома моего?
"Х** тебе" – и ничего.

Ладно, пох***й, улыбаюсь, затянулся и втыкаю
Ленки фотки отрываю, чтоб гламурно вспоминать
"Бл***, гляди какие сиськи, зацени, братушка, близкий,
У тебя-то нет сосиски, чтоб в такую повтыкать,
Ничего не понимаешь, ворон-ворон, твою мать"
"Х** тебе" – он стал орать.

Тут я вздогнул – "Слушай, птица, почему мне Ленка сниться?
Как мне побыстрей забыться? Телки, водка, казино?
Я же, веришь, неи***цца, стал работой заниматься,
Чтоб от мысли отвлекаться – "нах** вся жизнь г**но?"
Ведь колоться иль ширяться – не поможет все равно.
"Х** тебе" – ему смешно?

"Может, где-то в интернете я смогу такую встретить,
Чтоб как Ленка, губки, глазки, и проворная п***да?
Заклинаю, умоляю, мне скажи названья сайта
Чтоб еще такую лярву мне б найти там, и тогда,
Я навеки Ленкой-шлюху позабуду навсегда
"Х** тебе" – он как всегда.

"За**ал, вали отсюда, а иначе, я не буду
Дальше цацкаться с тобою, просто, нах**, разь**у.
Слышишь, п***р, выпей йаду, и не гадь мне на Палладу,
Вот сейчас, ей-богу, встану, тебя нах**, разь**у".
Но чегой-то не встается – матерюсь я на судьбу
"Х** тебе" – и не е**.

И, уперт, сидит зловещий ворон черный, ворон вещий,
С бюста бледного Паллады не умчится никуда,
Он, готичный злобный пидор, я из ступора не выйду
Бл***, как лоха поймали злые тени бытия,
И сижу, как в ж**е негра, без надежд, без водки я
"Х** тебе" – и них**.

Отто Ван Дориан, 2005

ПОПУГАЙ (пародия) Внимание! ненормативная лексика

ОТТО ВАН ДОРИАН

ПОПУГАЙ (пародия)

*Жизнь моя казалась сказкой
Я всегда стираю с "Лаской"
Но вчера купил "Ленор"
Че за лажа? Невермор...*

*Раз однажды, темной ночью, и крестьянин, и рабочий
Спали мирно, сомкнув очи, отдыхая от трудов.
Только гопники лихие и порядком уж бухие
Необузданной стихией нарушали сон дворов.
Я сидел, склонясь над книгой, погруженный в мрак веков.
Завтра мне сдавать экзамен, был к нему я не готов.*

*Это был декабрь холодный, я, студент полуголодный,
Весь в лохмотьях, весь немодный, пялил полусонный взор
На учебника страницы. Нахуй я пошел учиться?
Лучше сразу удавиться, чем учить весь этот вздор.
Жил бы я в своей деревне, пас свиней бы до сих пор.
Не учился б nevermore.*

*Вдруг раздался тихий шорох, зашуршало что-то в шторах
Мыши затаились в норах, страх залез ко мне домой
Может, это приведенье, полуночное виденье
Незаметной черной тенью здесь тревожит мой покой?
Но мое сердцебиенье подсказало объясненье
Неуместного волнения:
Это глюк обычный мой.*

Подошел к окну я мигом, на столе оставив книгу
За окном я вижу фигу – то есть, просто ничего.
И подумал я с досадой: "видно, спать уже мне надо".
Но почувствовал я рядом снова глюка моего.
Что за нахуй? Вот засада!
Нет, не видно ничего.

Вдруг в окно влетает птица и по комнате кружится,
А потом она садится на бюст Ленина в углу.
Это попугай волнистый, весь ухоженный и чистый,
С видом важного министра он накакал на полу.
Говорю ему: "Эй, мистер,
Щас получишь по еблу!"

Мне смешно, смеюсь я мощно в час видений полуночных
Это попугай, не больше. И бояться – чистый вздор.
Я на птицу пялю очи через призрачный мрак ночи,
Ну а птица важно очень пялит на меня свой взор.

Говорю я попугаю: "Каркать можешь ты, я знаю.
Одного не догоняю – говорить ты можешь, бля?
Если можешь, то ответь мне – как мне называть тебя?"
Он ответил: "Ни хуя!"

Так мне птица отвечала. Мне еще смешнее стало.
Что за сволочь так назвала попугая своего?
И его ответ абсурдный, несуразный и сумбурный
Растревожил мозг мой бурный. Смех – и больше ничего.

Говорю я: "Ты все знаешь, ты давно уже летаешь,
Ты все видишь, примечаешь, так ответь мне на вопрос:
У меня экзамен завтра, говори мне только правду,
Нарисует ли в зачетке тройку препод-хуесос?
Ничего не знаю я".
Он ответил: "Ни хуя!"

Кто-то ржет в тиши дворовой. С бюста Ленина сурово,
Мрачно, словно Путин Вова, смотрит птица на меня.
Мне смеяться или плакать? Птица продолжает какать.

Видно, научили каркать русским матом птицу, бя!
Задаю вопрос я новый: "Доживу ль до утра я?"
Он прокаркал: "Ни хуя!"

Говорю я: "Эй, приятель! Видно, дьявол твой создатель.
Каркать нецензурно хватит и лети отсюда, бя.
Ты, пернатое, блин, чудо. Убирайся прочь отсюда,
Чтоб тебя не видел я. Ты не птица, а свинья!
Он ответил: "Ни хуя!"

Я сижу, прижавшись к стенке, у меня дрожат коленки.
Я направил свои зенки на бюст Ленина, и вот
На возде пролетарьята чудо призрачно-пернато
Смотрит хитро, нагловато. В общем, попугай-урод.

Дни идут, идут недели.
Где же свет в конце тоннеля?
Сам себе отвечаю я:
"Света нету ни хуя".

Скоффер 2005

*Как-то в полночь, в час безлунный, утомленный явью шумной,
Вчитывался в том старинный жадно, словно дикий зверь.
Уж Морфей ко мне спускался, как неясный звук раздался,
Будто тихо постучался кто-то во входную дверь.
Я сказал: "Всего лишь путник постучался тихо в дверь
Больше ничего, поверь".*

*Как вчера я помню ясно день декабрьский ненастный,
Призрачный кроваво-красный свет камина моего.
В нетерпении утро звал я, на страницах книг искал я
Утоления печали и не мог найти его.
О Ленора! Это имя! Ангелы поют его,
В землях ж смертных – ничего.*

*Неуверенный, несмелый шелест бархатной портьеры
Вызвал неудержный трепет, трепет сердца моего.
Ныне ж, чтоб души терзанья удержать, как заклинанье,
Я шептал: "Лишь путник просит у дверей впустить его,
Только путник умоляет у дверей впустить его.
Путник – больше ничего".*

*Но, уняв души стенанья, я сказал без колебанья:
"Вас молю: в вину не ставьте промедленья моего -
Был я дремою овеван, потому не мог уверен
Быть, что слышал стук ваш тихий в двери дома моего".
Так сказал и распахнул я двери дома моего.
Мрак – и больше ничего.*

*Взор во тьму свой устремляя, долго я стоял, мечтая
О вещах, о коих смертным знать не должно ничего.
Но ни символа, ни знака не пришло ко мне из мрака.
Имя раздалось: "Ленора", кто-то прошептал его,
То был шепот мой, и эхо повторило вновь его.
Эхо – больше ничего.*

Вновь я в комнату вернулся, но внезапно пошатнулся-
Это вновь тот стук раздался – ясно слышал я его.
И, догадок чтоб не строить, чтобы душу успокоить,
Я сказал, чтоб успокоить трепет сердца моего:
"Это ветер ветку бросил в окна дома моего,
Ветер – больше ничего".

Лишь щеколду я откинул, как из тьмы, где дух мой сгинул,
Ворон вылетел, быть может, старше Бога самого.
Гордо, словно принц в короне, сел и замер, как на троне,
На Афины белом бюсте, что у входа моего.
Без приветствия, поклона сел у входа моего.
Сел – и больше ничего.

Я печально улыбнулся: мне мой странный приглянулся
Гость, что сел со строгим видом, словно старый лорд. Тогда
Я сказал: "Ты дряхл, черен, но так храбр и проворен,
Древний ворон, что явился из страны, где ночь всегда.
Ты скажи мне: как зовешься там, где правит Ночь всегда?"
Каркнул ворон: "Никогда!"

В том греха, чтоб удивиться, нет, услышавши от птицы
Речь, хоть и немного смысла в ней увидел я тогда.
Спорить тут со мною сложно: перечесть по пальцам можно
Тех, с кем ворон говорил бы ну хотя бы иногда,
Ворон так сидел у двери чтоб хотя бы иногда
Тот, чье имя Никогда.

Он изрек одно лишь слово и молчал теперь сурово,
Будто бы он в слове этом душу всю излил тогда.
Он сидел, не шелохнувшись, в тишине. На миг очнувшись,
Я шепнул: "Друзья все скрылись, в даль умчались навсегда.
Так и он меня покинет завтра утром навсегда".
Каркнул ворон: "Никогда".

Этой, будто бы с подмостков изреченной, фразой броской
Он молчание нарушил. Я сказал: "Видать года
С бедняком сей ворон прожил. Страх хозяина тревожил,
Горе душу истрепало, в гроб свела его нужда.

Так птицу научила песне этой лишь нужда.
Горькой песне – Никогда".

Тут мне стало интересно. В том себе признавшись честно,
Я в вольтеровское кресло против птицы сел тогда.
И, в комфорте утопая, я сидел, вопрос решая:
Что за знанье получил он в мира юные года,
И какое же значенье ворон, знавший те года,
Видит в слове никогда.

Строил я догадки снова, только не сказал ни слова
Птице, чей злой взгляд оставил рану в сердце навсегда.
Вызвали мои страданья тяжкие воспоминанья.
Боже! что за мука помнить: "С ней я рядом был тогда,
Только не сидеть нам вместе, как любили мы тогда,
В свете лампы никогда".

Райским ароматом полон воздух стал, казалось, шел он
От лампад, незримых глазом, – серафим их внес сюда.
И душа во мне кричала: "Бог дал шанс начать сначала
Жизнь тебе, в мечтах забыться сладких, светлых навсегда.
Позабудь свою Ленору, о несчастный, навсегда!"
Каркнул ворон: "Никогда!"

Я вскричал: "Скажи мне, вещий, птица ты иль бес зловещий,
Дьяволом ли был ты послан, бурю ль внесен сюда.
Посмотри: не сокрушен я в сей земле опустошенной.
Я молю: скажи мне, вещий, напророчь мне навсегда
Скоро ли покой душевный обрету я навсегда?"
Каркнул ворон: "Никогда!"

Я вскричал: "Скажи мне, вещий, птица ты иль бес зловещий,
Ради Господа благого, что над миром был всегда,
Отвечай душе несчастной: там, в Раю, в земле прекрасной
Встречу я святую деву, что меж ангелами, да?
Встречу ль я свою Ленору? О пророк, скажи мне да!"
Каркнул ворон: "Никогда!"

Крик твой – символ расставанья. Нет, злодей, не до свиданья,

*А прощай. Лети обратно в край, где правит Ночь всегда.
Не роняй частицы мрака с крыльев – мне не нужно знака
Лжи, тобой произнесенной. Убирайся навсегда!
Не терзай когтями сердца, убирайся навсегда!
Каркнул ворон: "Никогда!"*

*И с злорадством неприкрытым, словно каменный, сидит он
На Афины бюсте белом замер черный навсегда.
Жуткой тишине он внемлет, а во взоре демон дремлет.
Так сидит он и так будет он сидеть, спустя года.
И души от страшной тени, что лежит на ней года,
Не избавить. Никогда.*

Гена Амазонка 2006

(нелитературный
ненормативная лексика

перевод)

Внимание!

Дятел

Раз в полночи не спавши, пива с водкой намешавши,
Я заметил под диваном старый томик кобзаря
Полистав его уныло я заснуть собрался было
Но вдруг кто-то в дверь поскребся, сильно испугав меня
"Это кто-то в гости прется", бормотал я вне себя
"Вот и все, и нихуя"

А на улице штормило, кухню на хер затопило
Угольки в камине мило прожигали мне сапог
Я пытался, дней так тридцать, в пиве с водкой утопиться
Чтоб забыть свою Ленору, но забыть ее не мог,
Smirnoff с Miller – это хрень, не вставляет поебень
Вот такая дребедень

И когда на окнах резко покачнулась занавеска
От шуришанья ветерка, обосрался я слегка
Что бы снова стать отважным про себя сказал я дважды
"Хрен какой-то прется в двери просто повидать меня
Поздний хрен какой-то прется просто повидать меня
Вот и все, и нихуя"

Мне все похуй сразу стало и готовясь дать в ебало
"Эй, чувак," сказал я, "слушай, ты меня заколебал
Я тут, бля, лежу в кровати, а ты ломишься как дятел
Пиздюлей сейчас отхватишь?" заикаясь я сказал
Дверь толкнул и дверь скрипя, отворилась, а за ней
Темнота хоть хуем бей

В темноте стоял я маясь, не обделаться стараясь,

Размышляя что съебаться было б лучше для меня
Мне как будто это снилось, "еб твою..." в башке носилось
Вдруг услышал хриплый шепот в тишине "Ленора, бля"
Я в ответ негромко пернул, вот тебе, Ленора, бля
Вот тебе, и нухуя

В комнату назад, закрыться, под подушкой зарыться
Тут опять я слышу шорох, только вроде из окна
"Е мое" сказал я, "значит, это же в окне хуячит
Щас узнаем в чем тут фишка, разберемся чо куда
Может просто ветер дует, сильно раму теребя
Ветра просто дохуя

Я открыл окно, напрасно, очень страшно и ужасно
В комнату влетел клювастый дятел мокрый от дождя
Ни тебе ни "здрасте, дядя", даже на меня не глядя
По пути не хило гадя, полетел на бюст вождя
Пролетев над дверью спальни, сел на голову вождя
Сел туда и нухуя

Когда дятел чуть нагнулся, я невольно улыбнулся
Увидав что побежало вниз по лысине вождя
"Хоть ты и не вышел харей, вижу я ты смелый парень"
Я сказал, "ну что же, дятел, как, скажи, зовут тебя
Не боись, я не признаюсь кто наделал на вождя"
Молвил дятел "нухуя"

Удивился я нехило, птица то заговорила
Хоть ответ и не был в тему и не значил нухуя
Ведь нельзя не согласиться, что нет зверя или птицы
Расседающей над дверью спальни на башке вождя
Расседающей на бюсте, что бы с толком для себя,
Называлась "Нухуя"

Не сказал он слова большие, только рожу сильно сморщил
Будто все сказал он этим, большие, мол, сказать нельзя
И сидел так не моргая, до тех самых пор пока я
Буркнул "Что ж, другие дятлы уебали от тебя?
Не хрен было материться, легких, бля, не берега"

Дятел пернул "нихуя"

"Нихрена себе, однако, в тему как бздонул, собака
Без сомнения эта срака знает много, но молчит."
Я его бутылкой ебнул, он в ответ ни звук не пернул
Так я бил его надеясь что он че-нибудь спиздит...
До тех пор пока сказал он еле языком вертя:
"Наху-наху-нахуя"

"Что за дятлы, что за звери – толку мало, много сери"
Табурет поставил к двери возле бюстика вождя
Сел и начал думать я, что ж ужасный, мрачный, грозный
Неуклюжий древний дятел говорит мне в тихаря
Что ввиду он, гад, имеет смело так вот говоря
Это слово – "нихуя"

Так сидел соплю пуская и о дятле размышляя
Чьи глаза меня меня бурили насквозь душу пепеля
Голову назад откинув, лампу чуть не опрокинув
Свет которой на подушках и на харе у меня
Нет, пора вином догнаться, а то к полдню проспаться
Мне не светит нихуя

А потом мне дурно стало, что-то сильно завоняло
Пробежала серафимов стоя по ковру звеня
"Пидарас" я крикнул, "понял, это я тебе запомню
Этой вонью ты напомнил о моей Леноре, бя
А водяры то уж нету, чтоб забыть Ленору, бя!"
Молвил дятел "нихуя"

"Черт," сказал я "рубишь тему, сучий потрох, дятел хренов,
Подослал тебя ли кто-то или залетел зазря
Брошенный своими тоже, и с такою наглою рожей
В этот дом припершишь все же – ты скажи, прошу тебя
Есть бухло в заначке, а? ну скажи, прошу тебя
Молвил дятел "нихуя"

"Нет, ты, гад, не рубишь темы, сучий потрох, дятел хренов,
Поклянись на кучке членов, и во вслух, не про себя

Что не послан Леной той, создавать тут геморрой"
Ленку я любил любя, классная подруга, бя
"Леонора ее кличка. Знаешь Ленку, Нихуя?"
Нехуй молвил "нихуя"

"Будь проклятым это слово", заорал я, "Мне хреново!
Время, на хер, пол второго, заебал уже меня!
Сколько можно, хренов дятел, я уже почти-что спятил
Либо ты пиздишь, приятель, либо вон отсюда, бя
Ты разбил мне сердце, дятел! Ну ка вон отсюда, бя!"
Молвил дятел "нихуя"

Этот дятел не летая все еще сидит скучая
Там над дверью моей спальни где поставлен бюст вождя
И глаза его туманны, смотрят на меня так странно
Свет над ним струится лампы тень безумную кладя
И пока он там, Виагра не развеселит меня
Не поднимет и хуя

О Mazonka 2006

*Дятел (тот же Ворон, вид сбоку) Внимание!
ненормативная лексика*

Дятел (тот же Ворон, вид сбоку)

*Владимиру Суворову,
Генератору идей и вдохновения*

*Раз в полночи проснувшись и с кровати навернувшись
Я увидел под диваном старый томик Кобзаря
Полистав его уныло я заснуть собрался было
Но вдруг стремно в дверь поскребся кто-то испугав меня
"Это кто-то в гости прется", я подумал про себя
"Вот и все, и нихуя"*

*Помню, не хватило пива, за окном декабрь дождливый
Угольки в камине тлели страшную бросая тень
Мне хотелось удавиться, или до смерти напиться
Чтоб забыть свою Ленору, томик взять было не лень
Но какая в жопу книжка, это ж просто дребедень
Вот такая поебень*

*А когда на окнах резко покачнулись занавески
От шуршанья ветерка, обосрался я слегка
Что бы снова стать отважным про себя сказал я дважды
"Хрен какой-то прется в двери просто повидать меня
Поздний хрен какой-то прется просто повидать меня
Вот и все и нихуя"*

*Мне все похуй сразу стало и готовясь дать в ебало
"Ей, чувак," сказал я, "слушай, ты меня заколебал
Я почти заснул в кровати, а ты ломишься как дятел
Пиздюлей сейчас отхватишь, понял?" я ему сказал
Дверь толкнул и дверь скрипя, открылась, а за дверью*

Темнота и нихуя

*В темноте стоял я маясь не обделаться стараясь
Размышляя что съебаться было б лучше для меня
Мне как будто это снилось, "еб твою..." в башке носилось
Вдруг услышал этот шепот в тишине "Ленора бя"
Это я шепнул как пернул этот слог "Ленора бя"
И всего-то нихуя*

*В комнату назад, закрыться, под подушкою зарыться
Снова я опять услышал шорох даже громче чем тогда
"Е мое" сказал я, "значит, это же в окне хуячит
Щас узнаем в чем тут фишка, разберемся чо куда
Может ветер сильно дует раму просто теребя
Только он и нихуя*

*Я открыл окно, напрасно, очень страшно и ужасно
В комнату вошел свирепый дятел мокрый от дождя
Ни тебе ни здрасте, дядя, даже на меня не глядя
Растопырив пальцы только, упорхнул на бюст вождя
Пролетев над дверью спальни, сел на голову вождя
Сел туда и нихуя*

*Когда дятел чуть нагнулся, я невольно улыбнулся
Увидав что побежало вниз по лысине вождя
"Хоть тебе набили харю", я сказал "ты смелый парень
Грозный страшный древний дятел, как, скажи, зовут тебя
Все равно ведь хочешь смыться в заграничные края
Молвил дятел "нихуя"*

*Удивился я нехило, птица что заговорила
Хоть ответ и не был в тему и не значил нихуя
Ведь нельзя не согласиться, что нет твари или птицы
Расседающей над дверью спальни на башке вождя
Расседающей на бюсте, что бы с толком для себя,
Называли "нихуя"*

*В это слово изливая свою душу, не моргая
Он сидел изображая что ему до фонаря*

Даже жопой не подвигал до тех самых пор пока я
Буркнул "Что ж, другие тоже улетали за моря
А на завтра он съебется в заграничные края"
Дятел пернул "нихуя"

"Нихрена себе, однако, в тему как бздонул, собака
Бес сомнения", сказал я, "все что он сейчас пиздит
Его просто научили, втолковали, разъяснили
Когда морду хуем били пока не заговорит
Пока, видно что, сказал он еле языком вертя:
Ниху-ниху-нихуя"

Я еще поулыбался представляя как он дрался
Табурет поставил к двери возле бюстика вождя
Сел и начал думать, что ужасный, мрачный, грозный
Неуклюжий древний дятел отвечал мне говоря
Что имел ввиду на самом деле смело говоря
Это слово "нихуя"

Так сидел соплю пуская и о дятле размышляя
Чьи глаза меня меня бурили насквозь душу пепеля
Голову назад откинув, лампу чуть не опрокинув
Свет которой на подушках и на харе у меня
Но к подушечкам которым бархатным прижать меня
"Ей" не светит нихуя

А потом мне дурно стало, что то сильно завоняло
Пробежала серафимов стоя по ковру звеня
"Пидарас" я крикнул, "понял, я тебе это запомню
Этой вонью ты напомнил о моей Леноре, бя
Снова надо похмелиться и забыть Ленору, бя!"
Молвил дятел "нихуя"

"Черт," сказал я "рубишь тему, сучий потрох, дятел хренов,
Подослал тебя ли кто-то или залетел зазря
Брошенный своими тоже, хоть с такою наглой рожей
В этот дом припершись все же – ты скажи, прошу тебя
Есть бухло еще ль в заначке, ты скажи, прошу тебя
Молвил дятел "нихуя"

"Черт," сказал я "рубишь тему, сучий потрох, дятел хренов,
Поклянись своею жопой, чем ты ходишь под себя
Поклянись что есть в Эдэне, классная подруга Лена
По-другому Леонора, жизнерадостная бя
Необычная такая, ты скажи мне не грубя"
Молвил дятел "нихуя"

"Будь проклятым это слово", заорал я в гневе снова
"Пошел нахуй, хренов дятел, в заграничные края
И не вздумай след оставить, что успел уже нагадить
Вонь свою возьми с собой и вытри падло бюст вождя
Ты разбил мне сердце, дятел, пошел нахуй от меня"
Молвил дятел "нихуя"

Этот дятел не летая все еще сидит скучая
Там над дверью моей спальни где поставлен бюст вождя
И глаза его туманны с видом как у наркомана
Свет над ним струится лампы тень безумную кладя
И от этой тени темной, будет так душа моя
Не поднята нихуя

Ирина Васильевна Турчина 2006

*Как-то скучной, темной ночью, размышлял лениво очень,
Я над книгой любопытной, древних знаний, позабытых.
И забылся сном тревожным – слышу: в двери осторожно
Постучался кто-то тихо... нет поскребся, словно лихо
В дверь мою проникнуть хочет. Проворчал я: "Нужно очень
Мне гостей сейчас, незваных..."*

*Накануне день ненастный был – декабрьский, ужасный.
Да и ночь была не лучше. Ждал я утра, тени гуще
Подступали из углов, привиденьями, без слов,
Блики пламени метались по полу, как я, старались
Отыскать следы Линор в книгах – ангелов с тех пор
Так в Раю зовут, наверно...*

*Пурпур занавес качнулся, и крылом меня коснулся ужас,
Прежде незнакомый, в душу вполз змеей, влекомый
Страхом, сердце сжал рукою, и, его чтоб успокоить,
Повторял я вновь беззвучно: "Путник то стучит, что ж лучше...
Он устал и заблудился, шорох тот мне лишь приснился...
Путник, больше никого..."*

*Успокоившись немного, понял я, что слишком долго
Ждать заставил, там за дверью, путника, что мне поверив,
Постучался в дверь, средь ночи. "Сэр, сказал я, жаль мне очень...
Иль Мадам, прошу прощенья, – задремал я, снисхожденья попрошу,
Не слышал стука..." Отворилась дверь без звука -
Никого, лишь темнота...*

*Долго, вглядываясь в ночь, страх стараясь превозмочь,
Ждал я, грезя как во сне, знака, слова, только мне
Тишина была ответом, лишь вдали шепнуло эхо
Имя чудное Линор, повторив мне, как укор,
Имя милой, что в надежде, безответной, как и прежде,
Произнес я в темноту...*

В дом вернулся я в тиши, не унять огонь души...
Только громче, вновь, за дверью, стук раздался. Не поверив,
Сам себе сказал: "Конечно, кто-то есть во тьме крошечной;
Вот уймется сердца стук – посмотрю, откуда, вдруг,
Эта тайна там, за дверью... я сейчас опять проверю -
Ветер – больше ничего..."

Храбро распахнул я ставни и за ними, вдруг, предстал мне
Черный Ворон величавый – бед предвестник, изначальный.
Он прошествовал спесиво, будто Лорд. Затем, лениво
Вверх взлетел на бюст Паллады, что над входом, словно надо
Место там, для наблюденья, приготовить. Без сомнений
Сел – и больше ничего.

Я невольно улыбнулся, прежний мир ко мне вернулся,
Столь нелеп и мрачен был, вид той птицы, из могил.
"Что ж, плюмаж потрепан пусть, зато видно – ты не трус,
так скажи, зловещий Ворон, там, где мрака ночи полон
Мир Плутона навсегда, как зовут тебя?" Тогда
Каркнул Ворон "Никогда!"

Удивился я немало – речь нелепо прозвучала
В тот момент, и я не понял, слишком смысл ее был вздорен.
Да и кто из нас, признаться, мог бы сразу догадаться,
Или даже, предположим, допустить, что птица может,
Сидя над твоею дверью, утверждать, чтоб ты поверил:
Имя ей есть – "Никогда".

Но, сидящий одиноко, Ворон, будто бы с упреком,
Говорил одно лишь слово, душу вкладывая словно,
В слово то. Не шелохнувшись, он сидел. Тогда, очнувшись,
Я промолвил: "Как другие, утром ты меня покинешь.
Так покинули надежды и друзья, что были прежде."
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Вздрыгнул я, услышав этот возглас, ставший мне ответом.
"Быть не может, то лишь было повтореньем, не забыла
Птица чудная, ночная, слов, что слышал, повторяя.
БЕды, как рекой бурлящей, унесли надежду, счастье,

*Кто-то и твердил, невольно, заклиная, меланхолично,
Случай, словом: Никогда".*

*Тем не менее, очнулся я от дум, и улыбнулся
Ворону, затем придвинул кресло к двери, сел пред ними -
Птицей, бюстом, дверью темной. Погрузился в думы, словно
Разгадать старался снова, что же движет птицей оной,
Визитером тем злоеющим, что сказать мне хочет вестник
Хриплым криком: "Никогда!"*

*Долго я гадал и думал молча. Птицы взор угрюмый
Жег мне грудь. Немой укор был в нем скрыт, как приговор.
Голова моя клонилась на подушку, что светилась,
Здесь под лампой, обещая мне покой, и сном прельщала.
Но, вдруг понял, что меня, ее бархат в свете дня,
Не коснется никогда!*

*Показалось мне, что воздух стал плотнее. Слышу отзвук
За спиной, Серафима легких стоп, и запах дивный.
И тогда я крикнул: "Боже, избавленье шлешь мне все же!
Мне, ничтожному, послал ангелов. Мой час настал.
Залпном чашу и – забвенья... память о Линор – мученье..."
Каркнул Ворон: "Никогда!"*

*"Дьявол ты, иль злая птица," я сказал, "то мне не снится,
Бурей занесен, иль послан ты пророчить там, где звезды
Смотрят на пустую землю, я пророчество приемлю.
В этом доме, страхом полным, просьбу ты мою исполни:
Есть ли где-то исцеленье, мне скажи, за все мученья?"
Каркнул Ворон "Никогда!"*

*"Что ж, пророк ты, или дьявол," – я сказал, – "мне дела мало.
Только Богом, что над нами, и святыми Небесами
Заклинаю, знать я должен, ты скажи мне, ведь возможно,
Там, вдали, в пределах Рая, встретить мне Линор – святая,
Лучезарна, как звезда, там, среди ангелов всегда..."
Каркнул Ворон "Никогда!"*

Я вскочил: "Отсюда прочь, кто б ты ни был, лети в ночь -

Птица, дьявол, возвращайся в бурю, прочь, и не прощайся,
Не оставь здесь и пера, черного как ложь сама,
Твое место в царстве Тьмы, на Плутоне, средь зимы.
Вынь из сердца клюв жестокий, лучше быть мне одиноким!"
Каркнул Ворон: "Никогда!"

Много дней прошло с тех пор, Ворон там же, и убор,
Черных перьев, над Паллады бюстом, словно так и надо.
Взгляд его следит за мною, будто Демон с дремотою
Борется над моей дверью. Тень струится вниз и верю,
Что душе моей из тени, стерегущей день весенний,
Не взлететь уж никогда!

Василий Бетаки 2007

*Баллада о том, как ракетчики в 1960 году сбили
эдгаровского Ворона, и о том, как тридцать лет
спустя его ещё и оклеветали в лживых мимуррррах...*

ВОРОНЬЯ ИСТОРИЯ

*Как-то в небо над Свердловском, залетел U-2 неловко,
(Видно в Штатах подготовка, лётчиков – сплошной позор)
И советский истребитель, (за подробности простите)
Полетел за ним как витязь, – но не состоялся спор,
Сбит советской же ракетой, асс советский под забор
Бух! Взлетит ли? Невермор.*

*Но осколки крыльев грозных ёбнулись с высот морозных,
И середь полей колхозных янки сел и сдался он.
...Дом писателей в то время, вечер затевал по теме
'Переводы из поэтов США', – а тут такой позор!
И, приказами инстанций, заменён на вечер танцев,
Был тот вечер, чтоб с тех пор
Безо всяких предпочтений, от американских чтений
Не осталось даже тени
в Ленинграде – НЕВЕРМОР!!!*

*Был задет ракетой меткой сам Ефим Григорьич Эткинд,
Бен, Бетаки, Комарова, С. Петров и Щербаков,
Так стукач Ве. Ге. Адмони помешал моей вороне,
Прозвучать в пристойном тоне возле невских берегов,
Он, в писательском загоне возле невских берегов,
Каркнул: 'Пррроиски врррагов!'*

Но история 'с приветом' не кончается на этом.

Тридцать лет прошло, и что же? Ворон с книжкой прилетел,
Я как раз сидел с бутылкой, сонно тыкал в сѣмгу вилкой,
И раздумывал, зачем же он сюда в Париж летел?
Это чьи ты, дурень старый, приволок мне мемуары?
'Кто послал тебя, базаром отрывать меня от дел?
Ворон: (театральным шопотом): Воронелл...

И среди пустого сада, крылышки сложив как надо,
За отсутствием Паллады, оглядевшись, сел на ель,
Я ж, наученный Эдгаром, понял: это он – не даром,
Задавать ему вопросы надо, несмотря на хмель:
' Старый Ворон, ты – свидетель в том, что знают даже дети:
Кто хвастливей всех на свете, кто рифмует с дубом ель?
Гаркнул Ворон: 'Воррронель!!!'

Бетаки Василий Павлович

Снова Казанова (Часть вторая)

"Эм. Зенкевич наворонил:
"Ворон в стиле "макарони",
До чего ж забавный вздор!
Хоть у вас его издали
Десять лет тому, не далее -
Но ещё раз? "Nevermore"

Может Брюсову поблажка?
Но с инверсиями тяжело,
С русским языком беда...
Сотню строк пока читаешь,
Зубы все переломаешь!
Брюсов? "Больше никогда"

Посему прошу без драки
В переводе Ве. Бетаки
"Ворона" в набор пихнуть,

*Не ругать его манеры,
Не причёсывать сверх меры,
И, конечно, "Не вернуть"*

Внимание! ненормативная лексика

*Посреди ебаной ночи, раскумарен, раскурочен,
Продирался я сквозь книгу, презаумнейшую гадь,
Я почти что отрубился, как сквозняк вдруг появился,
Будто кто-нибудь ломился в дверь, его ебена мать
"Гость", – подумал я, – "ломится в дверь, его ебена мать,
Только он и нехуй ссать".*

*О, я помню всё отлично, был декабрь, мороз приличный,
И камин хуячил отблеск на меня, тома, тетрадь,
Ну я уже ждал солнца, чтоб оно в моё оконце,
Вместо книг дало ответ мне на вопрос "О где ты, Кать?",
О создание, что на небе будут звать именем "Кать",
На Земле ж – никак не звать.*

*Но когда вдруг тюль взметнулся, будто разом ебанулся,
Я зассал, словно меня щас кто-то в жопу будет драть,
Слушая сердцебиенье, я лечился повтореньем:
"Это просто гость припёрся вдруг, его ебена мать,
Ебанутый гость припёрся вдруг, его ебена мать,
Вот и всё, и нехуй ссать".*

*Я вздохнул, собрался с тестом, жопу оторвал от кресла,
И сказал: "Мужик, или баба – я уже ложился спать
Ты прости, я тут напился, и, похоже, отрубился
Не заметил, кто вломился ко мне в дом, ебена мать,
Где ты там?" – и распахнул я дверь, её ебена мать -
Пустота одна, ебать!*

*Я стоял, как ебанутый, и смотрел, как ветер лютый,
Носит сны, которых смертным никогда не увидеть,
Тишина. Спокойно. Клёво. Только тьма была сурова.
Вдруг раздалось это слово – будто шёпот бога "Кать?"
Прошептал я вдруг, и эхо принесло назад мне "Кать!"*

И ни хуя больше, блять!

*Я обратно в дом вернулся, чуть от чувств не ебанулся,
Только слышу – будто кто-то в двери ломится опять.
"Так", – сказал я, – "всё понятно, это ветер, друг мой ратный,
Носится туда-обратно, собирая свою рать,
Всё, спокойно, просто ветер собирает свою рать,
Только ветер, нехуй ссать".*

*Я открыл окно пошире, тут же, блять, на три-четыре,
В дом влетел старючий Ворон, гордый, будто кучмин зять,
Хвост задрал, глаза навывкат, с видом "мне не смейте тыкать!"
Словно он пацан конкретный, пролетел, ебена мать,
До Паллазиного бюста пролетел, ебена мать,
Сел, молчит, и поебать.*

*Этот пендер, тварь от бога, посмешил меня немного,
Как оципанный петух, что сохраняет свою статъ,
"Ты похож на пидараса," – я сказал, – "но ты прекрасен,
Словно выходец из ада, где лишь тьма, и тишь да гладь,
Расскажи, как тебя звали в царстве, где лишь тишь да гладь?"
Вякнул ворон "Нахуйблять!"*

*Я признаться, растерялся, когда ворон мне назвался,
Бред, конечно, но тихонько начал я охуевать,
Приколите, что творится, как же надо обдолбиться,
Чтоб божественная птица в дверь вошла, ебена мать,
Чтобы птица иль зверушка в дверь вошла, ебена мать,
С погонялом "Нахуйблять"!?!"*

*Ну а ворону – всё похуй, и ни хорошо, ни плохо,
Будто всё сказал он словом этим, что хотел сказать,
И сидит – не шевелится, даже взглядом не косится,
Наконец сказал я птице: "Смог друзей я проебать,
На рассвете ты съебёшься, всё успел я проебать..."
Ворон каркнул "Нахуй, блять!"*

*Меня словно долбануло – так удачно пизданул он,
"Он, наверно," – я подумал, – "жил в бараке, где кровать*

*По утрам залита кровью, а по вечерам – любовью,
Жизнь в глаза кидала солью, заставляя напевать,
Всех ебала в хвост и в гриву, заставляя напевать
Строчку "Нахуй – Нахуй, блять".*

*Ворон – эта тварь от бога – всё смешил меня немного,
Я уселся в своё кресло и расслабился опять,
Утонувши в кашемире, словно званный гость на пире,
Я задумался о мире – что же мне хотел сказать,
Что же тощий, страшный, чёрный ворон мне хотел сказать
Пизданувши "Нахуй, блять!"??*

*Так сидел я, отключённый, в свои мысли погружённый,
Ну а ворон пялил зенки, больше нечего сказать,
Я же в кресле расслаблялся, постепенно отрубался,
Места я рукой касался, где любила отдыхать,
Где она, глаза прикрывши, так любила отдыхать,
А теперь же – Нахуй, блять.*

*И внезапно – как кадилом замахал какой мудила,
Будто Серафим степенно плыл по воздуху, ебать.
"Наконец-то," – закричал я, – "скорбь в душе моей причалит
И мозги мои оставит по тебе тоска, о, Кать!
И ужрюсь своим забвением о твоей любви, о, Кать!"
Вякнул ворон: "Нахуй, блять."*

*"Ты пророк!" – я разорался, – "дьявол, ты не наебался,
И припёрся в мою хату, чтобы мне мозги ебать?
Ну ответь, скажи на милость, сколько б воля не бесилась,
Сколько сердце бы не билось – ведь не вечно же стучать?!?
Успокоюсь я в Гайлиде, когда сердцу не стучать?"
Вякнул ворон "Нахуй, блять".*

*"Ты пророк!" – я разорался, – "дьявол, ты не наебался,
Перед небом, перед богом не посмей не рассказать,
Дай ответ – смогу ли снова я в Эдеме беспонтовом
Встретить ту, какую словом ангелы зовут "О, Кать"
Встретить деву, что на небе ангелы зовут "О, Кать"
Вякнул ворон "Нахуй, блять".*

*"Это парень, знак хуёвый, знаешь что, мой хуй моржовый,
Ты не друг мне и не враг мне, выметайся, мне не гадь!
И оставь меня в покое ты с моим, блять, геморроем,
Нехуй корчить тут героя, быстро в дверь, ебена мать!
Забирай всю эту лажу, и пиздуй, ебена мать!"
Вякнул Ворон: "Нахуй, блять!"*

*И сидит ебанный Ворон, неподвижен, незаёбан,
На Паллазином он бюсте всё торчит, ебена мать,
И глазами он поводит, словно чёрт, иль что-то вроде,
Даже свет его обходит, тень его не увидеть,
И душа моя уходит, тень её не увидеть
Никогда уж... нахуй, блять.*

С. Плотов

вольный перевод

Сергей ПЛОТОВ

ВОРОН.

*Из души несло котами.
Мякиш за щекой катая,
И потери дня считая,
Я мочил в вине усы.
В угол тени ковыляли.
Ветер выл над ковылями.
И мигали мне нолями
Электронные часы.
Ночь топорщилась коростой.
Вдруг раздался стук короткий.
В черепной моей коробке
Завозился детский страх.
Я смутился. Удивился.
Уж не ворон ли явился?
И к окну я потащился
На негнущихся ногах.
Так и есть. Здорово, вещей!
Тать полночный, гость зловещий.
Из каких небесных трещин
Занесло тебя сюда?
Отчего тебе не спится?*

*И тогда спросила птица:
"Вы заказывали пиццу?"
Я ответил: "Никогда".*

Валерий Лисковец. The Raven и доступные переводы

Аннотация: Сводная таблица с рефренами и уникальными переводами начала

"The Raven" и доступные переводы

Автор Год:Рефрен 1-ая (полу-)строка

Е.Рое 1844-1849:Nevermore Once upon a midnight dreary
Пальмин 1878:Никогда Раз в унылую полночь, в молчаньи
Андреевский 1878:Больше никогда Когда в угрюмый час ночной
Неизв.(проз.) 1885:Больше никогда Раз, когда я в глухую полночь
Мережковский 1890:Никогда Погружённый в скорбь немую
Бальмонт 1894:Никогда Как-то в полночь, в час угрюмый, полный
тягостною думой
Жаботинский-1 1897:Nevermore Как-то в полночь, утомлённый,
развернул я, полусонный
Уманец 1908:Больше ничего В поздний час, ночной порою
Федоров 1923:Nevermore Как-то ночью одинокой
Брюсов 1905-1924:Больше никогда Как-то в полночь, в час унылый /
ничего я вникал, устав, без силы
Жаботинский-2 1931:Nevermore Как-то в полночь, утомлённый, я
забылся, полусонный
Голохвастов 1936:Никогда – Раз, когда в ночи угрюмой был приговор
Зенкевич 1946:Nevermore Как-то в полночь, в час угрюмый,
утомившись от раздумий
Есенин-Вольпин 1948:Nevermore Как-то ночью, в час террора
П.Лыжин 1952:Nevermore/НикогдаКак-то полночью ненастной
Бетаки 1972:Не вернуть Мрачной полночью бессонной
Донской 1976:Никогда Раз в тоскливый час полночный
Василенко 1976:Возврата нет Как-то полночью глубокой
Гольдовский 19xx:Никогда Как-то раз до поздней ночи тому не быть
Топоров 1988:Приговор В час, когда, клонясь всё ниже
Голь 1988:Всё прошло Это было мрачной ночью

Парчинская 1998:Nevermore Поздней ночью, утомлённый
Космолинская 1999:Nevermore Полночь, раз, была глухая
Воронель 1956-2001:Никогда/... Окна сумраком повиты
Голубев 2001:Крах Было полночь. Был я болен
Silentium Aye 2003:Никогда/... Борясь с усталостью и сном
Петров(1911-88)2003:Возврата нет Как-то в полночь, в час угрюмый,
утомясь от долгой думы
Бальюри 2003:Никогда уже Как-то раз, влекомый тайной
Муратов 2003:Никогда Как-то сидя у камина
Мазонка 2003:Никогда больше Однажды в полуночной тоске, пока я
Дейк 2003:Nevermore Это было в час полночный
Милитарев 2003:Не вернуть Как-то ночью в полудрёме
Аминов 2004:Nevermore Полночь мраком прирастала
Скоффер 2005:Никогда Как-то в полночь, в час безлунный
Турчина 2006:Никогда Как-то скучной, тёмной ночью